ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Майкл Масманно

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОМАНДЫ ЭЙХМАНА

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ СС

1939–1945

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОМАНДЫ ЭЙХМАНА

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

М. Масманно

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Michael Musmanno

THE EICHMANN COMMANDOS

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Майкл Масманно

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОМАНДЫ ЭЙХМАНА

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ СС

1939—1945

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94"1941/45"
ББК 63.3(0)62
М31

Scan By
Vitautus & Kali

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Военная история»
выпускается с 2002 года

Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова

Масманно М.
М31 Специальные команды Эйхмана. Карательные операции СС. 1939—1945 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. — 255 с. — (За линией фронта. Военная история).

ISBN 978-5-9524-4889-6

Судья Майкл Масманно возглавлял в 1948 г. трибунал в Нюрнберге по делу о карательных эйнзатцгруппах. Его книга представляет собой описание процесса с привлечением огромного числа документальных материалов и множества свидетельств очевидцев совершенных злодеяний. Судья дал юридически обоснованную и глубоко нравственную оценку массовых убийств, оставил яркие и запоминающиеся портреты военных преступников и их жертв.

УДК 94"1941/45"
ББК 63.3(0)62

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2010

ISBN 978-5-9524-4889-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В период, когда капитан ВМС США судья Масманно проходил службу в Германии, я был первым заместителем, а затем и комендантом американской зоны оккупации Германии. Поскольку все дела по военным преступлениям находились под моей юрисдикцией, мне приходилось довольно тесно общаться с обвиняемыми через судебный персонал во главе с бывшим генеральным адвокатом США Чарлзом Фахи.

Уже много написано о Нюрнбергском процессе, его юридической обоснованности и исторической роли. Хотя военная администрация не вмешивалась в ход судебного разбирательства, которое проводилось Международным военным трибуналом, и только утверждала окончательный вердикт, под ее юрисдикцию попадали дела, рассматриваемые судом американской зоны оккупации. Даже право пересмотра приговора Контрольной комиссией союзников было простой формальностью, поскольку приговор Международного военного трибунала мог быть изменен только единогласным решением всех участников.

Судом нашей зоны оккупации рассматривались не только случаи совершения военных преступлений отдельными личностями. Перед ним предстали 12 групп лиц из политических и промышленных кругов Германии, которые, по нашему мнению, добровольно, без всякого давления, способствовали проведению агрессивной политики гитлеровского режима.

В отдельное производство были объединены дела медицинских работников, в первую очередь хирургов, которые проводили эксперименты над политическими заключенными; руководства штурмовиков (СА), обвиняемого в массовых убийствах; представителей военных кругов, входивших в администрацию на оккупированных территориях; сотрудников министерства юстиции, при попустительстве которых осуществлялись массовые убийства, что несовместимо с общепринятыми нормами права; работников МИДа Германии, пытавшихся так изменить международное положение,

чтобы обеспечить победу Германии в агрессивной войне. Конечно, не всегда рассмотрение дела завершалось вынесением обвинительного заключения. Такое бывало лишь в случаях, если речь шла об откровенных актах жестокости, что было неопровержимо доказано множеством свидетелей. Сюда относится и дело по обвинению представителей эйнзатцгрупп, председателем суда над которыми был судья Масманно. Об этом он и пишет сейчас по материалам дела, с которым он был очень хорошо знаком.

Судьи прилагали все усилия, чтобы рассмотрение дел осуществлялось в строгом соблюдении общепринятых правил, когда торжествует закон, рассматриваются показания свидетелей и обеспечивается высшая степень справедливости.

В мои обязанности, как представителя высшей инстанции по надзору за судопроизводством, входило окончательное утверждение выводов и приговоров судебных процессов, проводившихся в нашей зоне оккупации. И здесь, прежде чем принять окончательное решение, мне приходилось внимательно изучать материалы дела, чтобы убедиться в том, что при его рассмотрении не было места небрежностям в работе суда и приговор был вынесен на основе тщательного ознакомления с показаниями свидетелей. Моим мнением тогда и сейчас было то, что, только когда дело рассмотрено с соблюдением всех норм оформления доказательной базы, идет ли речь о Международном военном трибунале или о нашем собственном суде, немецкому народу и всему миру будет продемонстрирована вся правда о бесславии и бесчестье нацизма. Более того, если бы не было этих судебных процессов, то некоторым из самых безжалостных убийц в мировой истории удалось бы избежать наказания за свои злодеяния.

Я не считаю, что немецкий народ навсегда обречен нести ответственность за преступления гитлеровского режима, но важно время от времени возвращаться к материалам этих процессов, особенно с учетом того, что с течением времени мы становимся более объективными. Важно и то, что в этих материалах содержатся рассказы живых очевидцев или участников событий того времени.

Эпизод истории, о котором рассказывает судья Масманно, снова доказывает мудрость Нюрнбергского процесса. Возможно, в его изложении читатель найдет для себя новые доказательства справедливости демократических процессов; он сумеет вновь осознать ту угрозу, которую несет безопасности народов мира любая диктатура. Если бы мы время от времени не перечитывали материалы судебных процессов, боюсь, что вскоре все откажутся верить, что правительства и отдельные лица могли быть настолько жестокими.

Генерал Люций Д. Клей

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОМАНДЫ ЭЙХМАНА

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ СС

1939—1945

Там была и моя младшая сестра, и она хотела, чтобы ее отпустили... Вместе с одной из своих подруг она подошла к немцам. Они стояли обнявшись, полностью раздетые. Она попросила, чтобы их пожалели. Немец посмотрел ей в глаза, а потом застрелил обеих. Они так и упали вместе, обнявшись, две молодые девушки, моя сестра и ее подруга. Затем застрелили мою вторую сестру, а потом подошла и моя очередь.

(*Из показаний свидетельницы Ривки Йосселевской*)

Я слышал частые винтовочные выстрелы... По приказу эсэсовца люди, которых выгрузили из грузовиков — мужчины, женщины, дети разного возраста, — должны были раздеться... Без криков и плача голые люди стояли, собравшись семейными группами. Они целовали друг друга, прощались и ждали... Эсэсовец у ямы что-то крикнул своему товарищу. Я заглянул в яму и увидел, что некоторые тела еще подергивались в агонии, в то время как головы уже лежали неподвижно... К яме уже приближалась очередная партия.

(*Из показаний свидетеля Германа Фридриха Грабе*)

Четырнадцать офицеров СС (элитных формирований рейха) были приговорены сегодня к повешению за убийство по меньшей мере одного миллиона людей. Этим приговором закончилось слушание дела о самом большом количестве убийств в истории.

Эти люди были руководителями эйнзатцгрупп... специальных команд по уничтожению людей, которых нацисты считали расово неполноценными.

г. Нюрнберг, 10 апреля 1948 г.,
Ассошиэйтед Пресс

Глава 1

Генеральный адвокат Израиля и один из самых талантливых адвокатов нашего времени Гидеон Хаузнер поднялся со своего места в здании суда в Иерусалиме и объявил: «Я вызываю моего следующего свидетеля Майкла А. Масманно».

При этом объявлении я застыл, даже несмотря на то что ожидал его, и мое сердце начало стучать, подобно молоту, так как я осознал, что мне предстоит свидетельствовать по делу об убийстве, где обвиняемого судят не за одно убийство, не за сто и даже не за тысячу. Он предстал перед судом за попытку уничтожения целого народа...

Мы находимся в Бейт-Хаме, Доме народа, красивом и аккуратном четырехэтажном здании, построенном из блоков белого камня, добытого в Иудейских горах (низкогорье, 800—900 метров к западу от Иерусалима. — *Ред.*). Эти холмы вот уже пять тысяч лет являются свидетелями всех важнейших событий на этой благословенной, зачаровывающей и живописной библейской земле. Ступени здания, которые ведут к многочисленным залам и балконам, выполнены из гранита, привезенного из Галилеи, где две тысячи лет назад появился на свет Иисус Христос, научивший нас любви и пониманию.

Задуманный первоначально как общественное здание, Бейт-Хам стал цитаделью закона, где каждый день зву-

чит невероятная история о том, как ненависть привела к уничтожению 6 миллионов потомков народа, который Моисей вел в тот самый Израиль, Землю обетованную.

На втором этаже этого примечательного здания посетитель попадает в величественный зал суда. Стены покрыты со вкусом подобранной звукоизолирующей плиткой, ковер на полу приглушает звуки шагов, кресла для публики обтянуты бледно-голубой материей. Впереди возвышается парапет из темного дерева, где на трех креслах с высокими спинками располагаются судьи.

На стене за парапетом изображен национальный герб Государства Израиль, золотая Менора, представляющая собой старинный иудейский семисвечник, по бокам которого расположены золотые оливковые ветви на черном фоне.

Председательствует на суде судья Верховного суда Израиля Моше Ландау, высокий мужчина с мягкими, приятными чертами лица и в высшей степени уравновешенным характером. Он окончил Лондонский университет права. Справа от него сидит судья Бенджамин Халеви, председатель суда Иерусалимского округа. Его лицо под шапкой черных волос выражает волнение и готовность обратиться в слух, поглощать информацию и задавать вопросы. Слева от председателя суда сидит судья Ицхак Равех из окружного суда города Тель-Авива. Под внешней невозмутимостью он скрывает напряженную работу мысли и готовность аналитика углубиться в показания свидетелей. Он является выпускником университетов Берлина и Галле. Все трое являются уроженцами Германии и говорят на немецком, английском, французском языках и иврите, а также достаточно хорошо изъясняются еще на двух-трех языках.

Ниже судейского места находятся многочисленные клерки и стенографисты. Еще ниже находится место для дачи свидетельских показаний и возвышение со столами и стульями, где ведут драматичную борьбу адвокаты.

Левее судей и лицом к ним, на одном уровне с местом для свидетелей находится небольшая стеклянная кабина, которая здесь смотрится как чужеродное новшество. Ни-

когда и ни в одном зале суда не предусматривалось такое архитектурное излишество. Это место обвиняемого. Оно изготовлено из прозрачного пуленепробиваемого стекла, чтобы защитить его от возможных попыток обезумевших от горя выживших после его преступлений людей совершить акт мести.

Изначально спроектированный как концертный зал, Бейт-Хам может разместить в креслах основного помещения и на балконе до 750 человек. Поскольку многочисленные посетители прибыли из всех стран мира, к их услугам предоставлена вся мудрость еврейских законов, римского и англосаксонского права. Обеспечить перевод речей участников процесса вслух невозможно, так как смешение языков в зале суда стало бы напоминать древний Вавилон. Перевод осуществляется с помощью небольших радиоприемников, которые вешаются на шею. Нажатием нужной кнопки можно прослушать речь говорящего на французском, английском, немецком языках и иврите.

Но иногда случается так, что посетитель яростно отбрасывает в сторону хитроумное приспособление в решимости не слушать больше речи ни на каком языке, поднося к полным слез глазам платок. Он будто пытается отбросить обжигающие воспоминания о любимых людях, которые погибли в том или ином эпизоде, о котором как раз рассказывает очередной свидетель.

А временами ужасные события, о которых рассказывают свидетели, вызывают чувство, будто свет сейчас померкнет, здание суда вместе со стенами вдруг исчезнет и весь тот ужас давно прошедших событий хлынет на присутствующих, как во время смены декораций в театре. Нам виделись товарные вагоны, куда ударами прикладов сгоняли людей солдаты в стальных шлемах и сапогах, подбитых гвоздями. Нас бросало в дрожь от криков перепуганных детей, истерических рыданий беспомощных женщин, робких протестов находившихся в шоковом состоянии мужчин.

Три или четыре «робота» схватили и швырнули в вагон последних несчастных путешественников поневоле.

Скользнув, сомкнулись двери, с грохотом захлопнулись замки, скрыв от узников ужасающую картину, происходившую снаружи. В другие вагоны продолжают заталкивать пытающихся сопротивляться людей, которые настолько стиснуты давкой, что им трудно дышать. И вот колеса локомотива начинают движение... А сзади уже подают пронзительные сигналы гудки других поездов. Они требуют освободить пути, они яростно, в сумасшедшем ритме стучат на стыках рельсов, спеша из других городов и территорий. Куда же движется этот опломбированный груз? Тысячи узников направляются в Треблинку, многие тысячи — в Майданек и Бухенвальд и гораздо больше — в Аушвиц (Освенцим). Там они будут работать до смерти, их будут избивать до смерти, травить газом до смерти.

Является ли вся эта фантасмагория бредом? Вот заполненные документы, накладные, данные статистики. Вся эта работа скрупулезно выполнялась маленьким худощавым человеком, который сейчас сидит в стеклянной кабинке. Раньше он носил нарядный всем знакомый черный мундир, щелкал каблуками и выбрасывал вперед выпрямленную руку, докладывая о том, что программа фюрера о поголовном уничтожении евреев продвигается вперед успешно, неуклонно и планомерно.

Перед членами суда лежат документы, которые подписывал, составлял или диктовал Эйхман. Свидетели рассказывают об Эйхмане. Они видели и разговаривали с ним, его ругань и богохульство жалящей болью врезались в их пылающие уши.

И сейчас, сидя на стуле свидетеля, я вижу перед собой того же Эйхмана. Многие комментаторы описывали его как «ничем не примечательного человека». Но, посмотрев на него внимательно, я понял, что это не так. Под ярким светом, заливающим пространство внутри кабины, черты его лица, малейшее изменение его выражения видны так явственно, будто и стеклянные стены, и потолок над ним — все это гигантская линза, которая подчеркивает каждый жест, каждое новое выражение на его лице. Его маленькие, неподвижные, как у змеи, глаза

тонут в причудливой формы черепе, настолько туго обтянутом желтоватым пергаментом кожи, что она, кажется, вот-вот треснет. Его язык находится в постоянном движении, перекатываясь то туда, то сюда под округлыми бледными, как у мертвеца, щеками. Его тонкие губы кривятся, подергиваются и собираются складками по обе стороны рта, очень похожего на лисий. Все коварство и изворотливость лисы, которые вошли в многочисленные поговорки, можно наблюдать у того, кто сейчас сидит в стеклянной клетке.

Я говорю «клетке», потому что так это помещение называли многие журналисты, хотя на самом деле это не совсем так. До того как прибыть в Бейт-Хам, я представлял себе кабинку обвиняемого как маленькое и тесное помещение, размером не намного больше, чем телефонная будка. Вместо этого я увидел довольно просторную комнату, которую можно сравнить скорее с остекленной передней площадкой автобуса. В ней с комфортом разместились три человека: сам Эйхман и два охранника.

Быстрый злобный взгляд впалых глаз Эйхмана заставил меня подумать о том, что если бы он действительно сидел за рулем автобуса, а я находился на его пути, то вряд ли я услышал бы предупредительный сигнал клаксона, и он ни в коем случае не отвернул бы в сторону — только намеренное безжалостное нажатие на педаль акселератора...

Когда я начал говорить, Эйхман схватил карандаш и начал тыкать им в блокнот перед собой. Бумагомарание стало его постоянным занятием. Каждое утро он быстрым шагом направляется на свое место с документами, которые в тот день будут приводить в качестве доказательств. Он быстро их пролистывает, а затем аккуратно складывает в стопку рядом с собой. Красным и синим карандашом он делает подчеркивания и пометки. Затем Эйхман начинает методично и невозмутимо делать записи. Он скрупулезно дорисовывает буквы до конца, возвращаясь назад по тексту, когда нужно поставить точку над «i» или верхнюю черту на «t». Легко можно представить себе, как 20 лет назад он сидел за своим столом

в Аушвице и выводил все те же буквы, отправляя в газовые камеры и крематории этой безжалостной фабрики смерти бесчисленные жертвы, от которых остался только пепел.

Как и когда этот зловещий человек стал известен людям? И хотя он заслуживает того, чтобы называться самым аккуратным и безжалостным серийным убийцей в истории преступлений, но в период, когда он выполнял свою жуткую работу, о нем практически ничего не было известно. Мир уже знал Гиммлера, знал «мясника» Ганса Франка, кровожадного Гейдриха, но имя Адольфа Эйхмана никогда не мелькало в заголовках газет. Он действовал так же скрытно, тайно и незаметно, как ласка подбирается к курятнику. Эйхман имел скромное звание оберштурмбаннфюрера СС (подполковник), и это позволяло ему делать свою работу во мраке и тумане. Если бы он был генералом, луч известности обязательно коснулся бы его во время, когда он осуществлял свою титаническую деятельность преступника. Эйхману не удалось бы скрыться в ту пору, когда предсказания фюрера о тысячелетнем рейхе не сбылись. И когда рейх лопнул, подобно пивной бочке без обручей, и сверкающие звездами и наградами генералы и адмиралы попались, как быки в загон, Эйхману удалось ускользнуть на целых 15 лет.

Впервые я услышал имя Адольфа Эйхмана от Германа Геринга в его камере в Нюрнбергской тюрьме. Во время моего визита к Герингу ходили упорные слухи о том, что Гитлер был все еще жив.

В качестве военно-морского помощника генерала Марка Кларка, командующего объединенными силами союзников в Италии, мне пришлось присутствовать при сдаче в плен немецких войск на этом театре военных действий. После официальной капитуляции я беседовал с несколькими бывшими генералами и офицерами в меньших званиях. При этом, как я отметил, многие из них с удовлетворением выражали веру в то, что Гитлер не погиб в бункере рейхсканцелярии, как об этом было объявлено. Кроме того, они надеялись, что капитуляция была временной и что книга войны вновь будет открыта и послед-

няя ее глава будет совсем не такой, как оказалось. Нужно было только подождать, когда фюрер волшебным образом вновь возникнет из своего тайного убежища, где он накапливает новые силы. Я доложил руководству ВМС, что, если не пресечь эти зловещие надежды, они принесут огромный вред. Они будут поддерживать Германию в состоянии постоянного брожения. Значительная часть населения будет с волнением ожидать его возвращения, подобного возвращению Наполеона с острова Эльба в 1815 г. Я рекомендовал провести тщательное расследование истинных фактов исчезновения Гитлера. Командующий силами ВМС США в Германии адмирал Уильям Глассфорд поручил проведение этого расследования мне.

Поэтому вскоре после того, как был поднят занавес Нюрнбергского процесса над уцелевшими членами нацистской верхушки, я посещал их за кулисами, в тюремных камерах, собирая информацию о судьбе их исчезнувшего вождя. При посещении камеры Геринга со мной был капитан армии США Густав Гильберт, который, прекрасно владея немецким языком, помогал мне как переводчик[1].

Когда я спросил бывшего рейхсмаршала о том, был ли, по его мнению, Гитлер мертв, он немедленно ответил: «В этом не может быть никаких сомнений, комманде р. Фюрер действительно мертв». Геринг постарался придать своим словам небрежный тон, но его подвижное массивное лицо не могло скрыть горечь, которая владела им в связи с тем, что Гитлер в своем завещании, объявляя последнюю волю, назначил новым фюрером не его, Геринга, а адмирала Карла Дёница.

Речь идет о том самом завещании, где ответственность за развязывание войны перекладывается на евреев и

---

[1] Сотрудник армейской разведки США капитан Г. Гильберт был психологом заключенных в Нюрнбергской тюрьме. Он ежедневно посещал обвиняемых Международным военным трибуналом. Позже он опубликовал свой дневник, который он вел в то время (книга так и называлась — «Нюрнбергский дневник»). Это одна из самых значительных книг, где откровенно рассказывается о представителях высшей нацистской иерархии.

вновь нагло провозглашается необходимость уничтожения этого народа. Геринг заявил, что ответственными за беспощадное воплощение этой политики в жизнь были сам Гитлер, а также Геббельс, Борман, Гиммлер, Гейдрих и Эйхман.

Эрнст Кальтенбруннер, бывший глава зловещего Главного управления имперской безопасности (РСХА), повторил мне то же самое. А нацистский министр иностранных дел раздраженно заявил, что он всегда возмущался тем, что Эйхман вмешивался в дела его ведомства, и глубоко сожалел, что Гитлер наделил Эйхмана слишком большими полномочиями. Генерал-губернатор Польши Ганс Франк, который говорил со мной по-итальянски, взволнованно воскликнул, что, когда пришло время и его совесть не позволила ему больше мириться с тем, что происходило с евреями, и он почувствовал, что не в состоянии больше ступать по рекам крови, он потребовал от Гиммлера прекратить массовые убийства. Тогда Гиммлер отправил его к Эйхману, но тот не сумел дать Франку вразумительных объяснений.

Обо всем этом я рассказал с места свидетеля во дворце Бейт-Хам.

Адвокат Эйхмана доктор Роберт Серватиус, с бочкообразной грудью, краснолицый и седоволосый, встал со своего места для проведения перекрестного допроса. Вскоре его намерения стали понятны: все лица, на которых я сослался, сами были преступниками. Они могли сговориться между собой и во всем обвинять Эйхмана, чтобы отвести обвинения от себя. Серватиус задал коварный, хорошо продуманный вопрос. Всего в нескольких словах он не только обрушился на Геринга, но и выступил в защиту своего клиента, которого он всегда называл «мелким винтиком» нацистской машины: «Не пытался ли рейхсмаршал переложить часть своей вины на рядового сотрудника?»

«Он не считал Эйхмана рядовым сотрудником. Напротив, он ясно дал понять, что в вопросе массового уничтожения евреев Эйхман обладал всей полнотой власти. По его словам, на протяжении долгого времени Эйхман

имел практически неограниченные полномочия в принятии решений, кого из евреев следует уничтожить, когда, из какой части населения, в какой стране и так далее».

На тонком лице судьи Ландау мелькнул интерес. Полагая, что вопрос Серватиуса поможет приблизиться к истине, он сам задал его снова: «Не пытался ли он (Геринг) таким образом уклониться от собственной ответственности или отрицать ее?»

Я ответил, что, если Геринг и пытался обелить себя от ответственности за преступления, возложив вину на кого-то другого, это ему не удалось, так как он все равно был признан виновным и приговорен за свои преступления к смертной казни через повешение. (Геринг успел до казни принять яд. — *Ред.*)

Доктор Серватиус, всегда вежливый, но упрямый и настойчивый, в чем я имел случай убедиться еще во время Нюрнбергского процесса, перешел к свидетельским показаниям фон Риббентропа.

«Если я вас правильно понял во время дачи свидетельских показаний этим утром, вы сказали, что Риббентроп проинформировал вас, что именно Эйхман осуществлял давление на него с целью выполнения своей задачи».

«Он говорил не только это. Он заявил мне, что Эйхман имел влияние на Гитлера. Конечно, откровенно говоря, я не поверил этому, так как не мог себе представить, что кто-то был способен влиять на Гитлера. Это было равносильно попытке влияния на извержение вулкана».

Я добавил, что Риббентроп всегда отличался низкопоклонством и раболепием перед Гитлером.

«Вы действительно поверили Риббентропу? Считаете ли вы, что сказанное Риббентропом по этому поводу было правдой?»

«Я не поверил ему, когда он заявил, что Эйхман имел влияние на Гитлера. Это показалось мне абсурдом. Но я поверил ему, когда он говорил, что Гитлер в высшей степени доверял Адольфу Эйхману, когда через Гиммлера поручил ему выполнение программы истребления еврейского народа. Именно об этой программе Гитлер говорил в своей речи в рейхстаге в 1939 г.»

«Если я вас правильно понял, он сам пытался уйти от ответственности за преследования и уничтожение евреев?»

«Я не обвинял Риббентропа в массовых уничтожениях евреев. Тогда я говорил с ним о Гитлере, спрашивал о том, жив Гитлер или мертв. И он сразу же принялся защищать Гитлера, заявляя, что Гитлер не несет ответственности за ужасающие условия в концентрационных лагерях и за те злодейства, которые творили члены СС. Человеком, который должен отвечать за это, говорил Риббентроп, является Адольф Эйхман, и очень жаль, что Гитлер облек Эйхмана своим полным доверием. Таким был мотив всего его монолога».

Но Серватиус продолжал настаивать на том, что истинной причиной, по которой Риббентроп обвинял Эйхмана, было желание обелить себя от предъявленных ему самому обвинений. Я ответил, что даже если Риббентроп пытался избежать ответственности, обвиняя Эйхмана, то, как и Герингу, ему это не удалось, так как он был повешен.

Суть дела заключалась в том, что, если бы Риббентроп и другие предприняли попытку навязать нам вымышленное лицо, которое больше других виновно в массовых уничтожениях евреев, с их стороны было бы более логичным и правдоподобным возложить ответственность на человека, обладавшего большим званием, чем подполковник. Например, они легко могли бы сделать козлом отпущения руководителя гестапо генерала (генерал полиции и группенфюрер СС) Генриха Мюллера, который к тому времени исчез и которого не могут найти до сих пор. (После многих фантазий на тему дальнейшей судьбы Мюллера наиболее вероятна его гибель (как и Бормана) в боях с советскими войсками, штурмовавшими Берлин, в окруженном городе. — *Ред.*)

Я развернулся в сторону трибунала: «Правдоподобие ответам и Риббентропа, и Геринга, и Франка, и всех других придает, как я упомянул утром, тот факт, что все они единодушно назвали Эйхмана лицом, возглавившим программу массового уничтожения евреев, что они не вы-

брали более правдоподобную фигуру для обвинения, как, например, генерал Мюллер, руководитель гестапо».

Далее я обратился к доктору Серватиусу: «Как бы порочен, злобен, преступен ни был человек, никогда нельзя заявлять, что он вообще не способен говорить правду. Вовсе не значит, что, если человек проходил на судебном процессе как обвиняемый и даже был осужден, все, что он заявляет, является заведомо ложью или заблуждением. Как вам хорошо известно, доктор Серватиус, в Нюрнберге практически все из обвиняемых, которые были осуждены, получили наказание исходя из их собственных слов, собственных заявлений и признаний!»

Адвокат Серватиус либо не понял, что я говорил о Кальтенбруннере, либо он сделал из этого разговора выводы, которые не совпадали с моими собственными. Но он задал мне вопрос, который звучал скорее как утверждение: «Если я правильно вас понял, вы говорили также с начальником службы СД Кальтенбруннером, который возглавил это ведомство после Гейдриха. И если я правильно вас понял, он также заявил вам, что не имел отношения к преследованиям и массовым казням евреев и что он возложил вину в этом на кого-то другого».

«Я не говорил, что он заявлял о своей невиновности. Я говорил, что, по его словам, теми, кто больше всех виновен в уничтожении евреев, были Гитлер, Гиммлер, Борман, Гейдрих и Эйхман. И потом, я вовсе не предъявлял этим людям обвинений. Мы просто разговаривали, и они говорили со мной с позиций невиновных, протестуя против того, что их пытаются обвинить в том, чего они не совершали. По крайней мере, так им казалось... Все они единодушно сходились во мнении, что Эйхман был облечен чрезвычайными полномочиями в выполнении программы уничтожения евреев».

Доктор Серватиус придерживался той тактики, что все те, кто обвинял Эйхмана, сами были обвиняемыми, поэтому к их заявлениям следует подходить с осторожностью. Но здесь он ошибался, и я привел эпизод с начальником штаба люфтваффе генералом Карлом Коллером, который имел несчастье провести последние дни

войны в бункере рейхсканцелярии в компании Гитлера. Поскольку бункер содрогался, подобно кораблю, попавшему в тайфун, под бомбами, которые сбрасывали самолеты союзников (последнюю неделю — и под снарядами артиллерии Красной армии, штурмовавшей Берлин (последние очаги немецкого сопротивления капитулировали 2 мая 1945 г. — *Ред.*), фюрер осознал, что война не просто проиграна для него лично, но и ему самому угрожает реальная опасность быть захваченным в плен, подвергнуться издевательствам, а затем позорной казни[1].

Его ярость была неописуемой. Он осыпал проклятиями своих врагов и даже друзей, которые, как он полагал, предали его. Он щедро подписывал смертные приговоры, правда, руки отца нации при этом дрожали. Гитлер отдал приказ о казни всех летчиков союзной авиации, сбитых над территорией Германии и оказавшихся в немецком плену. Этот приказ он отдал непосредственно генералу Коллеру и потребовал его немедленного выполнения. Коллер уклонился от исполнения этой казни, которая явилась бы вопиющим нарушением всех международных соглашений, правил ведения войны, а также Женевской и Гаагской конвенций. Он поспешил обсудить это с Эрнстом Кальтенбруннером, руководителем групп СД, которые и должны были воплотить зловещий приказ в жизнь.

Но, к приятному удивлению Коллера, Кальтенбруннер согласился помочь ему обойти этот действительно незаконный и негуманный акт. Однако он добавил, что могут возникнуть сложности с Адольфом Эйхманом, главным палачом, отвечавшим за ликвидацию всех евреев. Он полагал, что Эйхман будет настаивать на казни летчиков союзной авиации, имевших еврейское происхождение. Тогда Коллер обратился к Эйхману, но тот продолжал жестко настаивать на том, что все военнопленные, в жилах которых течет хотя бы капля еврей-

---

[1] Русские объявили по радио, что, когда Гитлер будет захвачен в плен, его будут возить в повозке по всей стране, как на представлении бродячей группы артистов, чтобы любой желающий мог осыпать его бранью и всячески издеваться над ним.

ской крови, должны быть расстреляны. В конце концов Коллеру удалось спасти жизнь узников. Он спрятал их среди сотен тысяч других военнопленных союзных войск в сотнях лагерей для военнопленных.

И теперь Серватиус попытался оспорить правдивость рассказа Коллера. Он спросил, не кажется ли всем присутствующим маловероятным то, что в свои последние дни в бункере фюрера, когда главным пунктом во всех разговорах были военные проблемы, могли еще вестись какие-то дискуссии по еврейскому вопросу. Я ответил: «Еврейский вопрос был для Гитлера основным во все времена. В своем завещании, оглашая свою последнюю волю, практически находясь на последнем издыхании, он все еще поносил евреев. Никогда не было момента, чтобы он отвлекся от главного дела своей жизни: уничтожения евреев».

Тогда Серватиус решил перейти в наступление на другом участке. А может, генерал Коллер сам был антисемитом?

«А генерал ВВС Коллер, который был так близок к Гитлеру, он что, относился к евреям по-другому? Он чем-то отличался от Гитлера? Он был другом евреев? Я правильно вас понял?»

«Я не знаю, какие чувства испытывал Коллер, но во время беседы со мной он ясно дал понять, что рассматривал расстрел пилотов авиации союзников, людей в военной форме как отвратительное убийство».

Я добавил, подчеркнув, что даже Кальтенбруннер, который явно не относился к числу друзей евреев, согласился с Коллером в том, что «убивать людей в форме было бы неправильно».

Кроме того, Кальтенбруннер дал Коллеру свою оценку Эйхмана, которого он знал с юных лет, проведенных в Линце (Австрия), и рядом с которым он долгие годы прослужил в СС: «Как вы знаете, Эйхман очень ревностно относится к своей прерогативе и своим обязанностям осуществлять казни евреев. И если вы выступите в защиту этих летчиков и спасете их, то все равно не сможете спасти тех, кто родился евреем, имеет одного из ро-

дителей еврея или родственника еврея, в ком вообще течет еврейская кровь».

Вспоминая рассказ Коллера, воскрешая ту сцену, когда он практически сунул голову в пасть льву, осмелившись возразить Гитлеру, находясь под бомбами в его подземном бункере, я выразил свое восхищение этим человеком, заявив со свидетельского места, что Коллер совершил «очень смелый поступок, отказавшись следовать приказу Гитлера».

Но Серватиус не разделял моего восхищения: «Смелость, о которой вы говорите, была ли она на самом деле? Ведь все это происходило после сокрушительного поражения? Мог ли Коллер вести себя по-другому, разговаривая с Гитлером? Не думаете ли вы, что и здесь речь идет всего лишь о попытке после разгрома взвалить бремя ответственности на кого-то другого?»

«Но Коллер не был обвинен ни в каких преступлениях. Ему не было нужды перекладывать вину на чужие плечи».

От Коллера и Кальтенбруннера Серватиус перешел к ужасающим фактам деятельности эйнзатцгрупп (групп уничтожения), значительная часть ответственности за их деятельность лежала на Эйхмане.

Глава 2

Когда 22 июня 1941 г. Адольф Гитлер вероломно предал Иосифа Сталина и двинул свои мощные армии во главе с фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем (1881—1948; в начале Великой Отечественной войны был главнокомандующим сухопутными войсками Германии. 19 декабря 1941 г. был уволен в запас — из-за поражения немцев под Москвой. — *Ред.*) в Россию, за немецкими войсками следовали вездесущие эйнзатцгруппы, банды убийц, наделенных чрезвычайными полномочиями, которые всегда были готовы писать кровью на страницах истории, не заботясь о своих черных душах. Задачей эйнзатцгрупп не было оказание помощи войскам Браухича

сломить сопротивление России. Их функции вообще не имели ничего общего с военными задачами рейха. На востоке с самого начала войны действовало четыре таких группы по 1000—1200 человек, и перед ними была поставлена уникальная цель: уничтожение всех людей, в чьих венах течет еврейская кровь (а также политработников — основы советской структуры власти. — *Ред.*).

В последние дни войны 24 командира эйнзатцгрупп были захвачены в плен. Затем их привезли в Нюрнберг и предъявили обвинение в убийстве 1 миллион безоружных мужчин, женщин и детей. Один из обвиняемых еще до начала суда совершил самоубийство. Мне довелось председательствовать на том суде. Именно благодаря тому, что мне пришлось узнать в Нюрнберге как судье и как офицеру ВМС США, меня пригласили свидетельствовать на процессе по делу Эйхмана.

Однажды я сидел среди посетителей на суде в Бейт-Хаме и слушал рассказы свидетелей, которым довелось на собственном опыте испытать все то, чему подвергались жертвы в нацистском царстве террора. Неожиданно я поймал себя на том, что стараюсь прижать поближе к ушам наушники своего радио, чтобы не пропустить ни одного слова из английского перевода, проникавшего в мое возбужденное сознание. Свидетельница, стройная седоволосая женщина средних лет, с выражением страдания на лице рассказывала, комкая носовой платок и иногда вытирая им глаза, о том, как одно из подразделений эйнзатцгруппы приехало в городок Загровский (обнаружить на картах не удалось. — *Ред.*) в Западной Белоруссии, где она проживала.

Рано утром ее разбудили звуки проносившихся мимо ее дома галопом лошадей. Она увидела, как офицеры СС направились к синагоге, выбили двери и превратили ее в конюшню. После этого эсэсовцы приказали ей и соседям с вещами собраться на площади возле рынка. Туда направились 500 еврейских семей.

Там солдаты в стальных шлемах приказали городскому раввину надеть свой молитвенный платок, читать молитвы, а потом петь и танцевать. Он отказался, и за это его

избили. Стоявшие рядом люди попытались защитить его с криками: «Слышишь, о Израиль!» Но и их тоже избили.

Во время этой суматохи к площади подъехали несколько грузовиков. Евреев, которые носили специальные знаки — «звезда Давида», начали загонять в машины. Но для госпожи Йосселевской и ее восьмилетней дочери Меркеле в грузовике, в который ее направили, не хватило места, поэтому ей и еще нескольким человекам приказали идти следом. Грузовик, набрав скорость, направился в сторону еврейского кладбища, которое находилось в 3 километрах. Женщине приходилось бежать за ним изо всех сил, так как в противном случае солдаты грозили ее застрелить. Другие евреи, те, кто споткнулся и упал, уже лежали вдоль дороги нелепо скорчившись, застреленные охраной с грузовиков.

Когда процессия прибыла на кладбище, Йосселевская увидела, что там вырыта глубокая яма, на краю которой уже стояли многие из ее соседей, в то время как солдаты занимали позицию для стрельбы.

«Мы все еще надеялись, — с плачем восклицала Йосселевская со свидетельского места, — что то, что с нами происходит, всего лишь очередная пытка. Наверное, люди всегда сохраняют надежду выжить». Она вспоминала, что, когда в то утро собиралась в дорогу, дочь спросила ее: «Мама, зачем ты заставляешь меня надевать субботнее платье? Нас ведь везут убивать». Теперь же, на кладбище, маленькая девочка снова оживленно просила ее: «Мама, чего мы ждем? Давай убежим!»

Свидетельница сделала паузу и на мгновение через очки быстро посмотрела на своих соседей, будто желая убедиться, что они слышат ту невероятную историю, которую она пытается довести до их ушей. Госпожа Йосселевская продолжила рассказ. Обжигающим потоком фраз она рассказала, как «несколько молодых людей попытались убежать, но их сразу же поймали и на месте расстреляли».

Офицер приказал вновь прибывшим раздеться. Отец Йосселевской отказался сделать это. Два эсэсовца набросились на старика и сорвали с него верхнюю одежду, но он продолжал упорно сопротивляться их попыткам со-

рвать с себя нижнее белье, потому что, как он твердил, чувство человеческого достоинства не позволяет ему стоять голым среди остальных людей. Его небольшая речь о человеческом достоинстве была прервана пулей, и он опрокинулся в ров. Другой палач застрелил мать Йосселевской. Ее бабушка, которой было 80 лет, обнимала руками двух маленьких детей. И она, и дети под свинцовым градом упали в ров. Тетя Йосселевской с двумя детьми, которые с криками цеплялись за ее юбку, были сброшены вниз следующим смертельным залпом. А вот что Йосселевская рассказала о судьбе своих сестер: «Там была и моя младшая сестра, и она хотела, чтобы ее отпустили. Она умоляла об этом немцев; она, раздетая, просила отпустить ее. Вместе с одной из ее подруг она подошла к немцам. Девушки стояли обнявшись, полностью раздетые. Она попросила, чтобы их пожалели. Немец посмотрел ей в глаза, а потом застрелил обеих. Они так и упали вместе, обнявшись, две молодые девушки, моя сестра и ее подруга. Затем застрелили мою вторую сестру, а потом подошла и моя очередь».

К тому времени из всех рядов охваченного волнением зала Дворца правосудия доносились приглушенные всхлипы сдерживаемых рыданий, вскрики боли и ужаса. Я почувствовал влагу на своих глазах. Потом внезапно, как будто кто-то призвал всех к молчанию, люди вытерли глаза, проглотили слезы и подались вперед, чтобы вернуться к отчаянному голосу свидетельницы. Теперь она рассказывала, как один из солдат эйнзатцгруппы с винтовкой наготове спросил: хочет ли она, чтобы он сначала застрелил ее, а потом ее дочь, или наоборот? Йосселевская простерла руки, как бы защищая маленькую девочку в новом субботнем платье. Палач вырвал Меркеле из рук матери, застрелил ее и бросил в ров. Потом он выстрелил в Йосселевскую, и она упала в общую могилу.

Позже женщина пришла в себя. Пуля лишь слегка оцарапала ей кожу. Когда к ней вернулось сознание, она не могла поверить, что осталась жива. Женщина думала, что такое чувство испытывает каждый перед смертью. Я услышал через радиоприемник нечто такое, что заставило меня

онеметь: «Я думала, что умерла и все это чувствую уже после смерти. Потом я почувствовала удушье. Сверху на меня продолжали падать люди. Я попробовала пошевелиться и почувствовала, что жива, что могу подняться. Я задыхалась. Я слышала выстрелы и молила еще об одной пуле, чтобы мои страдания прекратились. Одновременно я пыталась спасти себя, найти немного воздуха, чтобы дышать. А потом почувствовала, что карабкаюсь вверх по телам. Мертвые тела будто бы тянули меня руками вниз, вниз, вниз. Но потом из последних сил мне удалось выбраться на самый верх могилы. Когда я там оказалась, не смогла узнать то место — так много мертвых тел лежало повсюду. Мне хотелось найти конец той бесконечной галереи мертвых тел, но я не смогла. Это было невозможно. Они лежали и умирали в муках. Не все из них были уже мертвы. Но они находились при последнем издыхании. Голые, расстрелянные, но все еще живые. Дети кричали: «Мама! Папа!» Я не могла держаться на ногах».

Она упала в ближайшие кусты в невыразимом страдании и отчаянии. Затем вернулась к могиле. Солдаты эйнзатцгруппы уже уехали. Женщина хотела умереть.

«Я молилась, чтобы могила разверзлась и приняла меня живой. Во многих местах сквозь землю могилы проступала кровь. Она лилась, как поток воды. Теперь весной я всегда вспоминаю те потоки крови сквозь землю могилы. Я пыталась копать могилу руками, но не смогла раскопать ее. Я звала свою мать, своего отца. «Почему они не убили меня? В чем моя вина? Мне не к кому пойти. Я видела, их всех убили. Почему я избежала этой участи? Почему меня не убили?»

Через три дня крестьянин нашел раненую женщину и взял ее к себе домой. Его жена кормила ее и ухаживала за ней, а когда она снова смогла двигаться, она ушла в лес, где прятались другие евреи. Она жила там три года (видимо, в отряде белорусских партизан. — *Ред.*), пока ее городок не был освобожден войсками союзников (Красной армией. — *Ред.*).

Когда госпожа Йосселевская закончила свой рассказ, весь зал бурлил от волнения. Я видел, как одна женщина

плакала. Я говорю, «видел», потому что ни одного звука не сорвалось с ее рыдающего рта, а ее лицо было искажено ужасом, который не могли бы передать никакие звуки.

Это был ужасный момент для представителя защиты доктора Серватиуса. Когда гла́вный судья спросил его, желает ли он подвергнуть свидетельницу перекрестному допросу, аудитория смотрела на него так яростно, будто он помогал словом или делом убийцам в городке Загровском. Среди рассерженной аудитории продолжались яростный шепот и насмешливые замечания до тех пор, пока адвокат не ответил: «Вопросов нет!» Судья Ландау немедленно восстановил порядок, призвал присутствующих «проявлять уважение», а затем объявил 20-минутный перерыв.

В коридоре Бейт-Хама я встретил генерального прокурора Хаузнера, который предложил мне встретиться с госпожой Йосселевской. Она находилась в его кабинете, отдыхая и приходя в себя после дачи свидетельских показаний, которые стали для нее суровым испытанием. Когда я протянул ей руку для рукопожатия, я увидел в ее вытянутом печальном лице черты, которые выражали (и это выражение, вероятно, останется на ее лице, пока она жива) ту всепоглощающую трагедию, что непостижимым образом спасла ее от могилы, оставив жить в постоянной борьбе с болью воспоминаний о том, как вся ее семья была принесена в жертву[1].

---

[1] В своей заключительной речи обвинитель Хаузнер отдал дань уважения госпоже Йосселевской и одновременно всему маленькому, но храброму народу, стране, что стала для нее домом, где она начала новую жизнь: «Ривка Йосселевская олицетворяет собой все те трагические события, что выпали на долю ее народа. Ее расстреливали. Она лежала в могиле вместе с мертвыми. Все тянуло ее вниз и вниз, к смерти. Раненная, она с огромным трудом выбралась из могилы. Ее раны исцелились, но ее сердце было разбито, в нем навсегда поселилась боль. Она нашла убежище в своем государстве (то есть Израиле. — *Ред.*), построила себе новый дом и смогла найти в себе силы прийти в себя. Она не дала осуществиться злобным намерениям своих мучителей: они хотели убить ее, а она жива. Они хотели стереть ее народ с лица земли, но его корни дали миру новые молодые побеги. На старые кости наросла новая плоть и кровь, и новый дух наполняет ее: Ривка Йосселевская символизирует судьбу всего еврейского народа».

Представляя меня, господин Хаузнер рассказал госпоже Йосселевской, что я председательствовал в Нюрнберге на суде, который подверг справедливому возмездию тех, кто был виновен и в массовых убийствах в Загровском. Она продолжала держать меня за руку со словами: «О, спасибо вам, господин судья, за то, что вы за нас отомстили. Находясь в той могиле, я думала, что весь мир забыл о нас, что все народы мира отказались от нас, но теперь я вижу, что нас не забыли».

Пока она говорила, передо мной как будто расступились стены кабинета генерального прокурора Хаузнера и всего здания Бейт-Хам, и я почувствовал, что снова нахожусь в Нюрнбергском Дворце правосудия, сидя на месте председателя суда над членами эйнзатцгрупп.

Как же появилась на свет эта зловещая организация?

30 января 1939 г. Гитлер выкрикнул в толпу своих кричащих от восторга соратников в рейхстаге, что если начнется новая война (сам он, конечно, полностью сознавал, что она уже близка: он уже оседлал четырех коней апокалипсиса), то она «приведет к уничтожению еврейской расы в Европе». Его сообщник Юлиус Штрейхер (1885—1946; Первую мировую войну добровольцем пошел на фронт, храбро воевал, награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса, стал лейтенантом. Единственный из обвиняемых, приговоренный к смерти не за конкретные преступления, а за то, что был главным редактором газеты «Дер Штюрмер» («Штурмовик»). — *Ред.*), которого судья Роберт Джексон метко назвал «злобным хамом», умудрился даже опередить Гитлера в его предсказании. Еще в сентябре 1937 г. он кричал штурмовикам в коричневых рубашках на улицах: «Полной окончательной победы мы достигнем лишь тогда, когда мир будет избавлен от евреев». То, что постороннему слуху тогда казалось лишь очередной нацистской помпезной похвальбой, вскоре стало шокирующей действительностью. Гитлер и в самом деле решил «избавить весь мир» от евреев. Возглавить этот сатанинский проект он поручил рейхсфюреру СС и руководителю полиции страны Генриху Гиммлеру. Следующим по значимости лицом в той иерархии был руководитель

Главного управления имперской безопасности (известного миру под своей аббревиатурой РСХА) Рейнхард Гейдрих. РСХА было создано с целью связать в единое целое все структуры пропаганды и террора в интересах диктатуры Гитлера и направлять их деятельность. Задачей каждого из семи управлений было воплощение в жизнь программы неумолимого уничтожения тех, кто осмелится воспротивиться или даже просто усомниться в высшем руководстве Третьего рейха.

IV управление РСХА, гестапо, отличалось среди прочих подразделений особой жестокостью. Всей своей деятельностью, подчинявшейся лозунгу «Враг — расследование — уничтожение», оно с самых первых дней своего существования стало символом ничем не сдерживаемой жестокости и насилия против всех явных и предполагаемых противников рейха. Во главе гестапо стоял генерал (группенфюрер) СС Генрих Мюллер. IV управление состояло из многочисленных групп и подгрупп. (В центральной службе IV управления (гестапо) было 1500 сотрудников. Всего шесть групп:

IV A: противники нацизма — марксисты, коммунисты, либералы, «реакционеры».

IV B: политическая деятельность католической и протестантской церквей, религиозные секты, евреи, франкмасоны.

IV C: защитительные интернирования, превентивные задержания; печать; партийные дела; досье; картотека.

IV D: оккупированные территории; иностранные рабочие.

IV E: контрразведка.

IV F: приграничная полиция. Паспорта. Удостоверения личности. Надзор за иностранцами. — *Ред.*) Подгруппа IV B4 занималась «еврейским вопросом», настоящим смыслом которого было воплощение в жизнь наводящей ужас программы массового поголовного убийства всех евреев в Германии и на оккупированных территориях. Разнообразные операции этого гигантского механизма убийства и количество привлекаемых к ним сотрудников были так велики, что только для размеще-

ния его администрации потребовалось целое четырехэтажное здание по адресу Курфюрстенштрассе, 116 в Берлине. Со временем подгруппа IV B4 стала символом уничтожения евреев.

Подбирая кандидатуру на пост руководителя деликатной деятельностью подгруппы IV B4, Гиммлер, по его собственному выражению, искал человека, который был бы «бесчеловечен, как сверхчеловек». Такой человек должен был полностью отрешиться от свойственной человеку рефлексии, который был так же подвержен состраданию, как лист металла, жалости — как чугун, милосердию — как сталь. Совесть этого человека должна была быть подобной латунной плите, с которой кровь стекает так же, как с гуся вода в известной поговорке.

И, к сожалению, Гиммлеру удалось найти такую личность, отвечавшую всем характеристикам безжалостного манекена. Таким человеком стал Адольф Эйхман, которого впоследствии стали называть «старшим мастером». Этот по-своему выдающийся человек ненавидел евреев с детства, хотя и к представителям других народов он не испытывал особой любви и сочувствия. Он родился в Германии в 1906 г., а затем, когда ему исполнилось восемь лет, его семья переехала в Линц, в Австрию. Здесь Эйхман посещал школу, стал взрослым и работал в нескольких торговых фирмах. Все это время он общался с евреями, изучал их обычаи, традиции, желания и замыслы, вероятно предвидя, что однажды придет день, когда он сможет использовать свои знания против них. Еще в школе, организуя банды подростков для избиения школьников-евреев, он изучал идиш и иврит, готовя себя к дням, когда можно будет обрушиться на их родителей.

Уже давшее свои ядовитые всходы нацистское движение, с его организованным хулиганством, уличными драками, скандалами, фанатичной преданностью Гитлеру и бешеным антисемитизмом было ответом на размышления Эйхмана о том, как одержать верх над евреями. В 1927 г. в возрасте 21 года он вступил в германо-австрийское объединение фронтовиков. В 1932 г. при поддержке

своего земляка и друга Эрнста Кальтенбруннера, который был уже заметной фигурой в нацистском движении и которому спустя годы предстояло возглавить пост высшего руководителя РСХА, а позже быть повешенным за преступную деятельность этого управления по приговору Нюрнбергского трибунала, Эйхман вступает в ряды СС.

В 1933 г. Эйхман приступает к обучению в лагере СС в Клостер-Лехфельде, после чего в 1934 г. в чине унтер-офицера (унтершарфюрера) его направляют в печально известный концентрационный лагерь Дахау, где прилежный ученик с энтузиазмом осваивает навыки издевательств и пыток заключенных. В 1934 г. он вступает в пресловутую службу СД, где опять-таки с удивительной прозорливостью его направляют на работу в «еврейский» сектор этой организации, который трудится в тесном контакте с «еврейским» отделом гестапо. Только в 1938 г. Эйхман стал офицером СС — лейтенантом (унтерштурмфюрером).

Всегда алчущий внимания, которое помогло бы ему продвинуться по службе, получив очередное повышение, а значит, и более широкие возможности для достижения самых сокровенных жизненных целей, Эйхман придумал небылицу о том, что будто бы он является отпрыском старинной немецкой семьи из Палестины. Тем самым он причисляет себя к гордым надменным потомкам ордена тамплиеров, крестоносцев, которые боролись за Святую землю. Эйхмана как предполагаемого знатока Палестины направляют на Ближний Восток со шпионской миссией, суть которой заключалась в изучении возможностей создания в этом уголке земли немецкой разведывательной сети. Но когда летом 1937 г. он с полными карманами денег для подкупа будущих агентов прибыл в Палестину, англичане, которые в то время владели мандатом на эту землю, сумели сорвать с него дешевую маску обычного путешественника и угадать истинную цель его приезда, приказав ему покинуть страну.

Никогда не поддаваясь разочарованию от временных неудач, обладая даром умения превращать неудачу в успех, Эйхман проследовал в Каир, где встретился с главным

муфтием Иерусалима Хай Амином эль-Хуссейни, одним из самых ярых ненавистников еврейства во всем мире.

Позже эль-Хуссейни, узнав о том, что 4 тысячам еврейских детей удалось избежать уготовленной им смерти, назовет это «невыносимым скандалом». Он тепло принял Эйхмана, и вместе они принялись строить планы уничтожения евреев, проживавших на арабских землях. В декабре он посетил Германию, где был принят Гитлером, и вместе с Эйхманом совершил поездку по концентрационным лагерям.

В результате той в общем безрезультатной поездки Эйхмана на Ближний Восток, в ходе которой он посещал также еврейские поселения и сообщества и пытался интенсивно изучать еврейский фольклор, что делалось для того, чтобы произвести впечатление на руководство СС, он быстро приобрел себе репутацию самого информированного и знающего «специалиста по еврейскому вопросу». Было логичным, что вскоре ему предстояло занять в Берлине должность в учреждении под названием Научный музей по делам евреев. Деятельность «музея» была направлена на подробное изучение еврейства, сионизма во всех его проявлениях, имен, событий и фактов из жизни руководителей сионизма во всех уголках земли, а также в первую очередь обо всех еврейских организациях в мире.

Продемонстрировав упорное, ничем не прикрытое стремление активно участвовать в проведении мероприятий, направленных против евреев, в 1938 г. Эйхман был назначен руководителем ведомства по насильственной еврейской эмиграции в Вене. Он обрушился на евреев в Австрии, подобно реинкарнации Робеспьера. В свое время французский революционер любил, подписывая смертные приговоры в годы террора, украшать себя самыми роскошными нарядами, шелковыми штанами, парчовыми камзолами и туфлями с серебряными пряжками. Эйхман тоже обставлял свое появление во вверенном ему ведомстве с театральной драматичностью. Он всегда появлялся там в сшитой на заказ униформе и в начищенных до блеска сапогах. Даже пистолет в сверкающей кобуре у него

на боку был скорее элементом декорации, чем оружием. Гораздо больше страха у групп евреев, ожидавших его появления, вызывал его холодный, высокомерный тон, которым он заявлял им, что их дома и имущество подлежат конфискации, а сами они должны оплатить всеми своими денежными средствами разрешение, «позволяющее» им покинуть свою родину и стать несчастными изгоями в этом не знающем сострадания мире. «Каждый еврей, покидающий Австрию, делал рейх богаче», — признал Эйхман на судебном процессе.

Мера его моральной черствости видна из следующего эпизода. Однажды к нему на прием пришла группа евреев, которая попросила разрешения перевезти прах горячо почитаемого ими основателя сионизма Теодора Герцля из Вены в Палестину. В ответ на такой опрометчивый визит Эйхман стал хватать членов делегации за волосы и ударил по лицу их лидера доктора Левенгерца. Потом внезапно его настроение изменилось. Он вынул сигарету, прикурил ее от дорогой зажигалки и, выпустив струю дыма в лицо доктору Левенгерцу, заявил, что согласен обсудить с делегацией вопрос о перевозке гроба Теодора Герцля. С лицом человека, который делает этим людям огромную уступку, Эйхман огласил в своем решении: «Я сказал ему (Левенгерцу), что если я соглашусь решить его проблему, то и он должен сделать что-то для меня — уговорить еще 8 тысяч евреев покинуть Вену». Разумеется, слово «эмигрировать» означало лишиться домов, имущества и часто являлось для человека полной катастрофой. (Евреи выезжали в Палестину, но больше в США и другие страны. — *Ред.*)

Результаты деятельности Эйхмана в Вене пришлись настолько по вкусу Гиммлеру, что в 1939 г. рейхсфюрер СС отозвал его в Берлин и назначил руководителем подгруппы IV B4. Теперь карьера Эйхмана круто пошла вверх. Он получил власть и мог удовлетворять свою страсть к алкоголю. Он обожал шнапс, вино, пиво, разнообразные ликеры, а однажды во время празднования какой-то очередной победы он предложил тост, держа в руке бокал с «бренди, разбавленным кобыльим молоком»

(Schnaps und Stutenmilch). С неизменным щегольским стеком в руке и одной или двумя порциями выпивки в желудке, он всегда был готов с энтузиазмом выполнять свои служебные обязанности. Эйхман возглавлял жестокое изгнание евреев из Германии, Польши, Чехословакии. В РСХА, бастионе бескомпромиссной борьбы с ними, он имел полное право на заявление, которое сделал в письме своему другу: «Теперь они, эти евреи, все у меня в руках. Они не осмелятся сделать и шагу без моего разрешения. Можешь мне поверить, я заставлю этих господ суетиться».

Хотя его обязанностью и не было следить за тем, чтобы все евреи носили знак «звезда Давида», Эйхману доставляло удовольствие видеть, как к их одежде пришивается этот знак, обозначавший в тогдашней Германии символ унижения и притеснения. Для этой цели он всегда имел у себя в кабинете огромные куски желтой материи и иногда самолично вырезал ножницами и прикалывал звезду к одежде посетителей, которые имели несчастье ему не понравиться.

За день до того, как мне пришлось давать свидетельские показания на судебном процессе по делу Эйхмана в Иерусалиме, в качестве свидетеля на суде выступал седой мужчина с добрым лицом. Это был Дин Генрих Грубер, священник немецкой евангелистской церкви, который рассказывал о беседе с Эйхманом, которую он вел от имени преследуемых евреев в Берлине времен нацизма. Он описывал подсудимого как «глыбу льда или мрамора, полностью лишенную человеческих чувств», человека, полностью одержимого антисемитизмом, «охваченного безграничной злобой».

Дину Груберу пришлось дорого заплатить за свои человеколюбивые порывы. Эйхман приговорил его к заключению в лагере Заксенхаузен, где священнику выбили зубы и сломали несколько костей. Позже Грубера перевели в место, где Эйхман когда-то проходил обучение, в Дахау, где пытки и издевательства настолько подорвали его здоровье, что дни его сейчас сочтены. Несмотря на все это, присутствуя на суде над своим палачом, священник

даже о нем говорил с сочувствием и выразил надежду, что каждый, в том числе и подсудимый, «найдет свое спасение перед престолом Божьим».

Но если Эйхман и выглядел во время речи Грубера совсем не таким величественным и был гораздо более худым, чем во времена, когда он начальствовал в Берлине, то вовсе не потому, что это означало, будто эта «глыба льда» в кабинке обвиняемого стала таять.

Хвалебные рапорты о «робеспьеровских талантах Эйхмана» неизбежно достигли святая святых главного фюрера над всеми фюрерами, самого Адольфа Гитлера. Поэтому, когда Гиммлер проинформировал фюрера, что выбор руководителя проекта, о котором Гитлер мечтал еще во время написания своего труда «Майн кампф», а именно программы поголовного истребления евреев (первоначально предполагалось раздельное существование, стимулирование эмиграции евреев. Планировалось также вывезти евреев куда-нибудь подальше на Мадагаскар и т. д. После провала этих планов, а также палестинских прожектов немцы начали «окончательное решение еврейского вопроса» (с весны 1942 г.). — *Ред.*), пал на Эйхмана, «фюрер германского народа» одобрил эту кандидатуру.

Глава 3

Во всех операциях, проводившихся в рамках РСХА по еврейскому вопросу, соблюдалась четкая цепочка связи по команде от Гитлера к Гиммлеру, от Гиммлера к Гейдриху, от Гейдриха к Мюллеру и от Мюллера к Эйхману. Однако когда речь зашла об «окончательном решении еврейского вопроса», то, поскольку эта проблема была особенно близка сердцу Гитлера, если кто-то может применить этот термин в такой чудовищной связи, Гитлер иногда сам нарушал установившиеся связи и, минуя промежуточные инстанции, обращался к Эйхману напрямую, через Гиммлера, хотя вряд ли Гитлер и Эйхман когда-либо встречались лично. Таким образом, получи-

лось так, что Гиммлер сделал именно Эйхмана главным локомотивом в этом обширном аппарате убийства. Таким образом, Эйхман, имея за спиной всемогущего Гиммлера, а если было нужно, то и самого Гитлера, хоть он и носил погоны всего лишь подполковника (оберштурмбаннфюрера), в определенном смысле обладал властью более значительной, чем фельдмаршал или даже начальник Генерального штаба.

Свидетельствуя на судебном процессе в Иерусалиме, я рассказал, как летом 1944 г. берлинский суд, где ничего не знали о тайных покровителях Эйхмана, отдал приказ об его аресте по обвинению в жестоком обращении с заключенными и коррупции. Когда соответствующий документ прибыл в гестапо, группенфюрер (генерал-лейтенант) Мюллер смеялся чуть ли не вслух. Не слишком вежливым тоном он проинформировал посланника судебных органов, что Эйхман выполняет специальную миссию по указанию самого фюрера, и члены суда, которые теперь были в курсе своей тяжкой судебной ошибки, с пылающими лицами забрали ордер на арест.

Когда тень безжалостного преследования впервые стала падать на евреев, смертельная тройка в составе Гиммлера, Гейдриха и Эйхмана хранила известную долю сдержанности при осуществлении своих самых сокровенных желаний. Конечно, все они придерживались одинакового мнения, что «еврей должен умереть». Но они не были уверены в том, что нацистское руководство всемерно одобрит массовые казни и не будет чинить им препятствий в этом. Соответственно, они решили представить проблему в завуалированной форме. Они будут следить за тем, чтобы евреев лишали средств существования, чтобы их обрекали на голодную смерть, чтобы их заставляли выполнять самую тяжелую работу, например переносить каменные глыбы, тяжесть которых ломала спину рабочим. Чрезмерные нагрузки и недостаточное питание должны были приводить к смерти, прерывая физическое существование. Евреев отправляли в экологически грязные районы, где недостаток чистой воды и нормальной

пищи вел к развитию болезней, которые заканчивались неминуемой смертью.

Эйхман планировал депортировать миллион евреев на остров Мадагаскар, где им предстояло столкнуться с первобытными условиями жизни и конечно же нехваткой продовольствия. Этот план, который с энтузиазмом встретили многие видные нацисты, так никогда и не был реализован, так как:

1. Мадагаскар принадлежал Франции, и, несмотря на то что Франция находилась под пятой нацистской Германии, с ее отдаленными колониями все обстояло не так просто.

2. Остров уже был заселен, и, для того чтобы воплотить план Эйхмана, было необходимо сначала вывезти оттуда местных жителей и только потом завозить евреев.

3. Это мероприятие затянулось бы на слишком длительное время по сравнению с выполнением простого лозунга «убить всех евреев».

На суде Эйхман указал, что за массовое истребление евреев отвечал «триумвират» в составе Генриха Гиммлера, Рейнхарда Гейдриха и Освальда Поля. Я был одним из судей Нюрнбергского трибунала, на котором Поль был признан виновным и приговорен к повешению за преступления, совершенные им в качестве главного руководителя сети концентрационных лагерей (приговорен и повешен позже, в 1951 г. — *Ред.*). Можно легко представить себе, что, когда Поль поднимался по подмосткам виселицы, чтобы ответить за свои преступления, его руки должны были быть по локоть в крови. Он был виновен в многочисленных кровавых преступлениях. И все-таки он занимал не настолько высокий пост в нацистской иерархии, чтобы заменить собой Эйхмана в том дьявольском трио, которое в начале 1941 г. (1942 г. — *Ред.*) сообща приняло решение, что от вытеснения евреев настало время переходить к их полному уничтожению.

Дискуссию открыл Гейдрих, который перебирал различные способы убийств евреев в концентрационных лагерях (там уже проводились некоторые эксперименты в этом направлении). Однако Эйхман в ответ возразил,

что перевозка евреев к местам уничтожения привела бы к огромным затратам топлива и потребовала бы большого количества подвижного состава. Ради чего? Для того, чтобы просто убить их? Кроме того, следовало учитывать дополнительные расходы на то, чтобы кормить их и где-то размещать. Почему бы не попробовать испытать более простой способ? Почему бы не привозить исполнителей казней к евреям, вместо дорогостоящей процедуры транспортировки евреев к своим палачам? В этом случае не будет долгих очередей, дорогостоящего содержания в лагерях заключения с колючей проволокой, сторожевыми вышками, овчарками и ограждением под электрическим напряжением.

Особенно Эйхман рекомендовал сформировать мобильные группы, которые, передвигаясь на грузовых и легковых автомобилях вслед за частями армии, могли бы осуществлять расстрелы евреев на месте. Глаза Гиммлера жадно заблестели, когда он представил себе ту щедрую жатву, которую можно было бы собрать на востоке, согласившись с предложением Эйхмана. Но он не был намерен отказаться и от планов уничтожения евреев в концентрационных лагерях. Гиммлер рекомендует Гитлеру работать по обоим планам одновременно.

Конечно, позже, когда была доведена до совершенства процедура с использованием газа «Циклон-Б», Эйхман с готовностью приветствовал и метод массовых убийств с помощью газовых камер. Но сейчас он отстаивал свой план мобильных групп палачей. Кода план был доведен до Гитлера, тот сразу же его одобрил, и первые эйнзатцгруппы стали появляться на свет, подобно питомцам серпентария из яиц в инкубаторе.

Гиммлер приказал Гейдриху сразу же приступить к выполнению проекта. Гейдрих обратился к генерал-фельдмаршалу фон Браухичу, который как раз готовил вторжение в Россию. Как военному человеку, фон Браухичу не понравился запах похлебки, которую Гейдрих подложил ему под нос. Но, поскольку рецепт был утвержден самим Гитлером, Браухич приказал генерал-квартирмейстеру генералу Вагнеру обсудить с помощником Гей-

дриха Шелленбергом, как это блюдо следует подавать. Наконец, армия и РСХА заключили письменное соглашение о том, что эйнзатцгруппы будут двигаться вместе с силами вторжения с задачей обеспечения защиты тылов армии на оккупированных территориях востока.

Когда во время процесса над Эйхманом я упомянул об этих переговорах и договоренностях, генеральный прокурор Хаузнер спросил меня, соответствовала ли действительности цель деятельности эйнзатцгрупп, зафиксированная в письменном договоре между армией и РСХА? Я ответил, что нет.

«Это соглашение было всего лишь фальшивым фасадом. Эйнзатцгруппы не были созданы для ведения боевых действий. Вряд ли хоть один из офицеров в их составе получил соответствующую военную подготовку. Фактически с точки зрения организации эйнзатцгруппы представляли собой формирования на колесах для проведения массовых казней».

Причиной того, что соглашение было закамуфлировано, было то, что армейское командование не хотело официально иметь ничего общего с планировавшимися массовыми убийствами. Фельдмаршал фон Браухич был готов предоставлять эйнзатцгруппам питание, обслуживать их транспорт, снабжать боеприпасами, когда они подходили к концу, но ему совершенно не нравилась мысль официально быть в курсе того, что эти люди занимались убийствами безоружного гражданского населения, что шло вразрез со всеми законами ведения войны.

Фактически ни одно официальное лицо открыто так и не признало, что было в курсе существования таких групп и их варварских задач. А среди тех, кто являлся исполнителем человеконенавистнического проекта, циркулировало устное указание о том, что евреи подлежали уничтожению не за то, что они были евреями, а за то, что они были врагами рейха и несли в себе политическую угрозу для всех земель, оказавшихся под знаком свастики.

Даже позднее, когда никто уже не сомневался в истинных задачах эйнзатцгрупп, Эйхман, совершив поезд-

ку в район Прикарпатья, в места, где компактно проживали евреи, по возвращении сказал друзьям, что ездил на медвежью охоту.

Но Генриху Гиммлеру никто не мог помешать говорить на любимую тему убийств. В своей речи-обращении к офицерам СС он заявил: «Нашей задачей не является германизировать земли на востоке в прежнем смысле этого слова, когда это означало обучить жителей немецкому языку и немецким законам. Теперь мы должны обеспечить то, чтобы на востоке проживали только люди, имеющие чисто германское происхождение».

Наконец, в РСХА были утверждены штаты эйнзатцгрупп. Всего предполагалось создать четыре мобильные группы, обозначенные буквами от A до D. Эйнзатцгруппа А должна была действовать на территории Латвии, Литвы и Эстонии. Группа В должна была двигаться в направлении на Москву, южнее района ответственности эйнзатцгруппы А. На долю эйнзатцгруппы С приходилась большая часть территории Украины. И наконец, за группой D оставались районы Южной Украины, Крыма и Кавказа. Каждая из эйнзатцгрупп подразделялась на эйнзатцкоманды и зондеркоманды, а сами команды делились на еще более мелкие группы, которые назывались тейлкомандами (подкоманда). Что касается размера и организации, то эйнзатцгруппу можно было грубо приравнять к пехотному батальону (германскому пехотному батальону, который был очень большим (860 человек) по сравнению с советским. В эйнзатцгруппе было от 1000 до 1200 человек. — *Ред.*), эйнзатцкоманду или зондеркоманду — к пехотной роте (в германской пехотной роте 191 человек), а тейлкоманду — ко взводу (в германском пехотном взводе 49 человек).

Эйхман рекомендовал Гиммлеру и Гейдриху поставить во главе эйнзатцгрупп людей, обладавших такими же качествами по уничтожению евреев, какими обладал он сам. Командирами эйнзатцгрупп от A до D стали соответственно Вальтер Шталекер, Артур Небе, Отто Раш и Отто Олендорф. Раш и Олендорф позднее предстали перед судом. Шталекер и Небе погибли еще до оконча-

ния войны (первый умер от ран, а второго казнили сами нацисты).

Действуя среди армейских частей, эти структуры, многие из сотрудников которых были набраны непосредственно из аппарата РСХА, в тактическом отношении подчинялись армейским командирам[1].

Однако в рамках выполнения функциональных задач деятельность эйнзатцгрупп направлялась и контролировалась Гейдрихом, который, в свою очередь, действовал через Эйхмана.

Время от времени Эйхману приходилось инспектировать различные подразделения на месте их действий. Он же был автором практического руководства к действиям для командиров групп и команд. Как только команда или подкоманда войдет в город или другой населенный пункт, ее командиру надлежало собрать руководителей еврейской общины (количеством до 24 человек, включая раввина) и проинформировать их, что для их же блага создан план переселения евреев в другой район, находившийся не так близко к району ведения боевых действий. Эти наиболее видные еврейские представители должны были войти в так называемый еврейский совет старейшин, который своими силами должен был составить список всех евреев, проживающих на данной территории. Всем евреям предписывалось собраться в специально назначенном месте, взяв с собой все свои пожитки: деньги, документы, ювелирные украшения, одежду и прочие вещи, — все то, что они могли назвать своим.

Схема Эйхмана действовала, превосходя даже самые смелые ожидания. Когда евреи, получив соответствующие указания, прибывали на место сбора, их имущество подлежало конфискации в пользу рейха. Затем уже с пустыми руками их размещали в грузовых автомобилях, которые специально прибывали за ними. Без дальней-

---

[1] Например, Франц Зикс, сотрудник VII группы (отдела), Мартин Зандбергер из группы I B3, Вернер Брауне — I A 4, Вилли Зайберт — III D, Ойген Штеймль — VI B, Франц Шульц — IV A4, Вальтер Блюме — I A, Вальтер Хенш — I D.

ших церемоний их отвозили в заранее подготовленное для казни место, где все они уничтожались расстрельной командой. После того как казнь была закончена, члены совета старейшин, которым приходилось выдерживать огромные муки, сознавая, что они невольно стали пособниками в уничтожении своих самых дорогих людей, сами подлежали расстрелу.

Иногда возникали сомнения по поводу того, следует ли относить ту или иную группу лиц к евреям. Одному из подразделений эйнзатцгруппы D, действовавших на Крымском полуострове, пришлось столкнуться с сектой, члены которой называли себя крымчаками. (Крымчаки, как и караимы, — потомки тюркского населения Хазарского каганата (уничтожен в 965 г. князем Святославом), принявшего в конце VIII — начале IX в. иудаизм. — *Ред.*) Не существовало четких стандартов относительно того, следовало ли относить крымчаков к евреям или нет, то есть подлежали они казни или нет. О самих крымчаках было известно не так много. Они говорили на турецком языке. Однако когда-то в очень далеком прошлом этот народ породнился с евреями, отчего в жилах крымчаков стала циркулировать еврейская кровь. Стали ли они в результате евреями сами? Подлежали ли они уничтожению?

Переданную в адрес группы IV B4 радиограмму Эйхман получил в VII группе, занимавшейся вопросами идеологических и научных расовых исследований. Здесь изучали труды, написанные авторами-евреями, и Еврейскую энциклопедию. Он передал запрос своим подчиненным и приказал им подготовить рапорт о происхождении крымчаков. Мелкие чиновники, хорошо представляя себе, какого ответа от них ожидают, к тому же хорошо отдавая себе отчет в том, что легче что-то утверждать, чем опровергать, составили совместную резолюцию, где указывалось, что крымчаки должны были быть евреями. По радио из Берлина в Крым, в адрес эйнзатцгруппы, было передано распоряжение о том, что крымчаки были евреями и, следовательно, должны быть расстреляны. И они позже были расстреляны.

Несмотря на то что Эйхман был уверен в том, что ему никогда не придется держать ответ за массовые убийства, совершенные по его приказу, он, тем не менее, посчитал, что его преступления будут выглядеть менее чудовищными, если в официальных документах в качестве жертвы будет фигурировать не только и не просто еврейский народ. Независимо от того, насколько далеко он отошел в своих кровавых злодеяниях от любых моральных принципов, он все же сознавал, что в глазах некоторых людей безжалостная бойня людей по расовым признакам может быть расценена как нечто слишком уж преступное. Тот аргумент, что евреи представляли собой угрозу национальной безопасности, было необходимо подкрепить материальными доказательствами. Даже на своем судебном процессе Эйхман признал, что евреи «никогда не выступали прямо против рейха». Поэтому было необходимо подобрать правдоподобное объяснение, в чем же заключалась исходящая от евреев угроза.

И Эйхман нашел такую правдоподобную версию, правда, она не доказывала вину евреев, а утверждала, что существовали еще и другие группы, которые также были виновны. Если эйнзатцгруппы убивали какую-то другую группу населения, например цыган, то никто уже не мог заявлять, что евреев убивают просто за то, что они являются евреями: ведь одновременно казнят и тех, кто не является евреем. Кроме того, добавляя в списки обреченных на уничтожение другие группы людей, он никак не ослаблял эффективность работы над проектом по уничтожению евреев. Поэтому Эйхман с легким сердцем порекомендовал Гейдриху добавить в список обреченных еще и цыган.

Цыгане редко принимали участие в политической жизни страны, в которой находили себе очередной временный приют. Они любили веселые, яркие цвета и в течение многих столетий украшали простые сельские наряды яркими, живописными тонами.

Многие из мелодий этого народа были взяты за основу произведений таких композиторов, как Ференц Лист и Иоганн Брамс. Несмотря на то что цыгане порой вызыва-

ли раздражение своим непрекращающимся бродяжничеством, праздностью, мелким воровством и фантастическими предсказаниями, вряд ли кто-нибудь решился бы рассматривать их как смертельную угрозу и выступил за выдворение их навсегда из цивилизованного общества. Никто, но не Эйхман и его партнеры-убийцы с их маниакальными планами переделать все человечество и построить совершенную в биологическом плане арийскую цивилизацию. Для того чтобы отобрать цыган из прочей массы населения, не требовалось совета старейшин. В своих ярко раскрашенных кибитках и шатрах они всегда выделялись среди остального населения любой территории, и их легко можно было найти, предупредить о необходимости переселиться, и эта новость никогда не была для них чем-то необычным. Постоянное перемещение было смыслом их существования, страсть к путешествиям была у цыган в крови. Им говорили, что для сохранности они должны поместить свои скрипки, гитары, сложенные шатры, запасы одежды, золотые браслеты, серьги и другие украшения в грузовые машины, которые стояли неподалеку в ожидании. После этого их приглашали занять места в кибитках; при этом часть цыган сажали также в грузовики. Они повиновались и с веселыми песнями ехали к новому месту стоянки, как правило противотанковому рву где-нибудь среди лесов. И когда они видели в руках палачей из эйнзатцгруппы винтовки, улыбки покидали их лица, а песни застывали в горле.

Согласно глобальному замыслу нацистов, править миром должна была превосходящая все другие народы раса господ. И в замышляемом Гитлером храме совершенства не оставалось места для слабых, неизлечимо больных и умственно неполноценных пациентов. Конечно, если бы настоятель такого храма потребовал, чтобы сами нацисты соответствовали тем качествам, которые они установили для других, то немногие из их руководителей получили бы туда доступ. Сутулый Гитлер перенес болезнь Паркинсона; Геринг страдал патологической полнотой и наркотической зависимостью (Геринг, ас-истребитель Первой мировой войны, был тяжело ранен во время

«пивного путча» в 1923 г., после чего, страдая от невыносимых болей, пристрастился к морфию и набрал лишний вес. — *Ред.*); Геббельс, проповедовавший доктрину Ницше о физическом совершенстве, обладал внешностью гномоподобного карлика (однако пользовался большой популярностью у женщин, не забывал и свою жену, родившую ему шестеро детей. — *Ред.*) с деформированными стопами; Гиммлер, лишившись своего пенсне, не смог бы увидеть ничего дальше своего хищного носа; Рудольф Гесс постоянно балансировал между откровенным безумием и помрачением рассудка; символ военной мощи Германии Кейтель (в 1938—1945 гг. начштаба Верховного главнокомандования) при ходьбе не мог согнуть ног; начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) Йодль страдал хроническим люмбаго и т. д. Тем не менее, поскольку эйнзатцгруппы были призваны сделать мир более совершенным, для них не составляло проблемы опустошать больницы и дома для умалишенных. Ведь они занимали ценные здания, которые в дальнейшем могли быть приспособлены для более важных целей. А в соответствии с приказом фюрера, или, как его принято сейчас называть, директивой на уничтожение, все лица, страдающие заболеваниями рассудка, подлежали уничтожению.

Такая ссылка часто оказывалась очень кстати. В окрестностях расположенного в центральной части Украины города Полтавы одна из зондеркоманд прибыла на ферму, где работали умственно отсталые пациенты. Начальник немецкого офицерского госпиталя, расположенного в городе, обратился к ее начальнику с просьбой взять на той ферме молоко для своих пациентов. Заведующий же фермой подсчитал, что количество коров на ферме обеспечивает потребности лишь его пациентов. Но командир зондеркоманды оказался на высоте. Если возможности не соответствуют потребностям, то следует снизить сами потребности. Он рапортовал: «Выход из возникшего затруднительного положения был найден. Было принято решение о казни 565 неизлечимых пациентов в течение нескольких последующих дней. Их изъ-

яли с фермы под предлогом перевода в другую, лучшую больницу, находившуюся в Харькове».

В Юго-Восточной Латвии представителями эйнзатцгруппы была совершена небольшая ошибка: вместе с 40 умственно неполноценными детьми они казнили 20 здоровых малышей, которые были временно помещены в больницу для умственно неполноценных.

Командир зондеркоманды рапортовал: «22 августа 1941 г. умственно неполноценные пациенты из психиатрической больницы города Даугавпилса, примерно 700 взрослых и 60 детей, были расстреляны в небольшом селении Аглон. Среди казненных было 20 здоровых детей, которых временно перевели в больницу из детского дома».

«Неполноценные азиаты» были еще одной категорией, предназначенной для ликвидации эйнзатцгруппами. Это определение можно было толковать как угодно широко. Руководители эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд были уполномочены осуществлять казни таких лиц по своему усмотрению. Ни разу не было оспорено ни одного факта казни лиц, попавших под это определение. И еще меньше препятствий было перед проведением массовых казней людей, представлявших собой «асоциальные элементы, политически неблагонадежных лиц, расово и умственно неполноценных».

Случилось так, что весной 1941 г., когда мир замер в ожидании очередных реальных воплощений провозглашенной Гитлером политики геноцида и убийств, подчиненные Эйхмана были собраны для инструктажа и обучения в самом грандиозном проекте откровенной демонстрации ненависти, зафиксированном в анналах истории. Местом подготовки и дислокации рядового состава, набранного из подразделений СС и полиции, стали казармы пограничных войск в Пренче, в Саксонии, а также в приграничных городках Дёбене и Шмидеберге. Инструктаж и обучение длились всего три или четыре недели и почти полностью ограничивались упражнениями в стрельбе вперемешку с лекциями о необходимости истребления «недочеловеков», попадавших под действие параграфов приказа фюрера.

Несмотря на то что Эйхман контролировал деятельность всей машины по уничтожению евреев, он почувствовал необходимость проявить себя, непосредственно участвуя в убийствах евреев. Поэтому он обратился к руководству с рапортом о направлении в район непосредственной деятельности эйнзатцгрупп. Однако Гиммлер и Гейдрих знали о его талантах управленца и оставили его в мозговом центре, в группе IV B4. Пытаясь оправдаться, уйдя от обвинения в продемонстрированном им стремлении принять участие в физическом истреблении евреев, Эйхман заявил на суде: «В то время я считал, что эйнзатцгруппы будут представлять собой армейские подразделения на Восточном фронте, поэтому я проявил искреннее желание взять на себя такую работу и возглавить одну из групп. Я был очень разочарован, когда моего имени не оказалось в списках». Но Эйхману никогда не было необходимости предполагать что-то о том, что творилось в нацистском аппарате, если дело касалось еврейского вопроса. Он считался непревзойденным специалистом по евреям. Эйхман хорошо представлял себе тот факт, что личный состав эйнзатцгрупп набирался из подразделений полиции, которые не имели соответствующей военной подготовки и, следовательно, не могли быть использованы в боях на Восточном фронте. (В пехоте (рядовые) могли. — *Ред.*)

Эйхман признал, что во время оглашения последних указаний для эйнзатцгрупп он присутствовал в Берлине (в здании кинотеатра). На суде он пытался оправдать свое присутствие на том совещании как несущественное, заявив, что сидел «в задних рядах». Но как раз то, участвовал ли он в мероприятии, сидя в президиуме, или находился в задних рядах, было несущественно. Ведь он, несомненно, был дирижером всего процесса. Именно Эйхман снабжал Гейдриха и Штрекенбаха (начальника I группы РСХА, занимавшегося кадровыми вопросами), к которым поступали запросы от офицеров из подчиненных подразделений, данными о районах на востоке, наиболее плотно заселенных евреями, о местных обычаях, лицах, которые наиболее вероятно пойдут

на сотрудничество, методах подхода, а также другой информацией, которую он успел собрать за долгие годы работы в качестве «специалиста по еврейскому вопросу».

20 января 1942 г. главы министерств, департаментов и другие нацистские руководители собрались в принадлежавшем РСХА здании в Ванзее, вилле, расположенной в пригороде Берлина на живописном берегу озера (залива) Ванзее (части озера Хафель), чтобы обсудить «окончательное решение». Об этом так называемом «совещании в Ванзее» уже написано достаточно как о событии, когда была запущена программа поголовного истребления евреев. Но это мнение является ошибочным. К январю 1942 г. эйнзатцгруппы Эйхмана вот уже полгода как по колено в крови перемещались по территориям на востоке. Совещание в Ванзее скорее подтвердило, чем инициировало процесс, целью которого было стереть евреев с лица Европы. Работая над речью, которую должен был произнести Гейдрих на открытии конференции, Эйхман использовал данные из рапортов, которые он постоянно получал от руководителей эйнзатцгрупп, собиравших свою кровавую жатву.

Он перечислил 34 государства, которые должны были стать ареной «окончательного решения». Количество евреев во всех этих странах, вместе взятых, составляло примерно 11 миллионов человек. Напротив Эстонии Эйхман гордо записал, сославшись на рапорт командира эйнзатцгруппы: «Полностью очищена от евреев».

В заключение своей речи Гейдрих заявил, что те евреи, которые способны трудиться, будут использованы на работах, но «без всяких лишних слов понятно, что значительный их процент погибнет от естественных причин. С выжившими, которыми, несомненно, окажутся те из них, кто обладает максимальной сопротивляемостью, поступят так, как подсказывает логика развития событий». На совещании все согласились с тем, что самым лучшим «логиком» для этой группы будет Адольф Эйхман. Соответственно он был избран координатором и руководителем процесса «окончательного решения».

Деловая часть программы завершилась, владевшее участниками напряжение спало, и началось то, что было названо «празднованием». Были поданы закуски, коньяк лился рекой. Затем, в обстановке истинного товарищества, каждый посчитал нужным поучаствовать в обсуждении лучших способов уничтожения 11 миллионов евреев. Эйхман, подробно вспомнив исторические прецеденты прошлого, заявил, что лучшими способами являются расстрелы и применение газа.

Наконец, когда солнце, подобно кровавому диску, упало в воды озера, наступило время рукопожатий, похлопываний по плечам, возгласов «Хайль Гитлер!» и окончания совещания.

Однако трое его участников — Гейдрих, Мюллер и Эйхман — не уехали вслед за остальными. Они взяли стулья и, расположившись у камина, поздравили друг друга с успешным окончанием совещания, в особенности с тем, как легко был достигнут этот успех в то время, как они ожидали некоторых сложностей. Гейдрих, молодой, высокий, стройный человек со «стальным лицом», редко употреблявший никотин, пускал облака табачного дыма, сжав губами сигару. Мюллер, широкоплечий, низкорослый крепыш с широким лицом, коротко прорычал что-то одобрительное. Наверное, в горящих в камине дровах ему виделся пепел сожженных людей. Эйхман, гордый своей способностью без видимых последствий поглощать алкоголь, прижал к себе бутылку коньяку и, поднимая бокал за бокалом, провозглашал тосты за Гитлера, Гиммлера, Гейдриха, Мюллера. И наконец, он выпил за «смелых и отважных сотрудников эйнзатцгрупп, которые поддерживают чистоту арийской расы».

Вернувшись в июнь 1941 г., мы обнаруживаем, что в лагере эйнзатцгрупп в Саксонии царит лихорадочная подготовка к тому, чтобы яростно и незамедлительно подключиться к войне с Россией, которая вот-вот начнется. 22 июня 1941 г. гитлеровские танки пересекли

границу с государством «московитов», похоронив Пакт о ненападении между Германией и Россией. В то время, когда весь свободный мир содрогался в предчувствии беды, слушая по радио сообщения о катастрофическом поражении советских войск, попавших под таранные удары стальных полчищ Браухича, клубы пыли поднимались над дорогами, ведущими из Преча, Дёбена и Шмидеберга. Эйнзатцгруппы ехали на восток, вооруженные винтовками, автоматами и пистолетами, укомплектованные штатами стрелков-палачей, механиков, переводчиков, поваров и могильщиков. На каждой машине была нарисована свастика.

Бойцам эйнзатцкоманд не нужны были танки, пушки или самолеты. Им не было необходимости вести разведку, чтобы не подвергнуться неожиданному нападению. Они не собирались вступать в бой с противником. Единственным врагом для них было расстояние. Но и этот враг не представлял собой серьезной угрозы: они передвигались на современных автомобилях, а в распоряжении водителей были самые подробные дорожные карты. Но даже если им не удавалось обнаружить какой-либо географический объект, куда вел их путь, это тоже было не страшно. Ведь на гигантских просторах, раскинувшихся от Одера до Волги и от Балтийского до Черного моря, всегда можно было найти местных жителей, а среди них — евреев, цыган, умственно неполноценных, политических комиссаров, функционеров коммунистической партии, а также «антиобщественные элементы» — сравнительно легкие мишени для решительных солдат эйнзатцгрупп.

Как оказалось, победы немецких армий были кратковременными, чего нельзя сказать о победах эйнзатцгрупп. Им не приходилось вывешивать знамена над поверженными крепостями, зданиями городского управления, правительственными учреждениями. Они воздвигали их на могильных холмах, насыпанных над навеки замолчавшими толпами людей, которые уже никогда не будут населять земли, оставшиеся в тылу устремившихся вперед германских армий.

Глава 4

Зал судебных заседаний в Нюрнберге несколько больше по размеру, чем зал суда в Иерусалиме. А скамья подсудимых гораздо больше, так как она должна была дать место 23 обвиняемым, среди которых, возможно, находился и тот, что отдал команду устроить бойню в городке Загровском, о которой рассказала свидетельница на процессе в Бейт-Хаме. Этому залу тоже было суждено войти в историю. Ведь здесь судили Германа Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Вильгельма Кейтеля, Эриха Редера и других, всю эту зловещую команду, которая попыталась направить поезд цивилизации на путь неминуемой катастрофы...

В том зале не было пуленепробиваемых кабин. Стекло отделяло друг от друга переводчиков, которые, так же как и в Бейт-Хаме, были специально подготовлены осуществлять перевод так, чтобы слушатель мог понять то, что говорится, сразу же, как только свидетель, адвокат или судья произнесет свои слова.

За помостом подсудимых, который расположенными одна за другой двумя длинными деревянными скамьями несколько напоминал удлиненный вариант места присяжных в англосаксонском суде, расположились шесть американских солдат в форме темно-оливкового цвета и темных пробковых шлемах. Двадцать три адвоката подсудимых в черных одеждах, европейской одежде судейских чиновников, сидят перед помостом с подсудимыми за столами, на которых высятся стопки документов и юридических справочников. Они почтительно внимательны к трибуналу, который, как и в Иерусалиме, состоит из трех судей. Справа от меня сидит судья Джон Спейт из штата Алабама, слева — судья Ричард Диксон из штата Северная Каролина.

Справа от представителей защиты расположились, каждый за своим столом, представители обвинения. За ними расположились стулья для журналистов и посетителей. На балконе расположились посетители.

Стены зала суда украшают три бронзовых плиты. Изображение на одной из них напоминает об изначальной

греховности человечества: Ева предлагает яблоко Адаму. На второй плите крылатые песочные часы напоминают о скоротечности времени; на третьей записаны десять библейских заповедей. Двери зала суда окаймлены тяжелой рамкой из темно-зеленого мрамора. Белый свет струится из длинных флуоресцентных ламп под потолком, что очень напоминает обычный дневной свет. Покрашенная в белый цвет верхняя часть стен, темно-коричневые панели, темно-красные кресла — вся обстановка в зале суда излучает спокойное достоинство и как бы укрепляет уверенность в том, что работа суда стоила всех жертв, понесенных на полях сражений для того, чтобы восторжествовал закон — закон, который не просто мстит тем, кто был виновен в этих жертвах. Он обеспечивает обвиняемых всеми правами, как это принято цивилизованным обществом даже в отношении тех, кто нарушает законы цивилизации.

Что же представляют собой обвиняемые сотрудники эйнзатцгрупп? Лишены ли они полностью чувства ответственности? Некоторые уверены, что, поскольку их обвиняют в убийстве 1 миллиона людей, они должны быть грубыми неотесанными варварами. Однако перед нами (за редким исключением) явно находится группа людей, обладающих всеми признаками культуры. Вот они, перечисленные справа налево.

Первый ряд

Генерал-майор СС (группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. — *Пер.*) Отто Олендорф, руководитель эйнзатцгруппы D. Окончил университеты Лейпцига и Геттингена, где изучал право и общественные науки. Одно время был практикующим адвокатом судов Альфельда и Хильдесхайма

Бригадефюрер СС Гейнц Йост, руководитель эйнзатцгруппы А. Изучал право и экономику в университетах Гисена и Мюнхена

Бригадефюрер СС Отто Раш. Доктор права и экономики. В прошлом — мэр Виттенберга (ныне Лютерштадт-Виттенберг. — *Ред.*)

Бригадефюрер СС Эрвин Шульц. Изучал право в Берлинском университете. Позднее — член правления Дрезденского банка

Бригадефюрер СС Франц Зикс. Профессор университета

Штандартенфюрер СС Пауль Блобель. Бывший архитектор

Штандартенфюрер СС Вальтер Блюме. Окончил университет Эрлангена, факультет права

Штандартенфюрер СС Мартин Зандбергер. Изучал юриспруденцию в университетах Мюнхена, Фрайбурга, Кельна и Тюбингена. Заместитель судьи правительства земли Вюртемберг

Штандартенфюрер СС Вилли Зайберт. В 1932 г. окончил университет Геттингена, где изучал экономику

Штандартенфюрер СС Ойген Штеймль. Изучал историю, германские языки и французский в университетах Тюбингена и Берлина

Второй ряд

Штандартенфюрер (полковник) СС Эрнст Бибер-штейн. Бывший священник

Штандартенфюрер СС Вернер Брауне. Изучал право в университете Йены. Доктор юридических наук

Оберштурмбаннфюрер (подколковник) СС Вальтер Хенш. Изучал право в Лейпцигском университете. Имеет квалификацию референдария (третейского судьи)

Оберштурмбаннфюрер СС Густав Носке. Изучал банковское дело, экономику и право. Стал советником и входил в состав правового совета Галле

Оберштурмбаннфюрер СС Адольф Отт. Начал свою карьеру в Центральном комитете Германского Рабочего фронта в Линдау

Оберштурмбаннфюрер СС Эдуард Штраух. Окончил университет Эрлангена. Работал в службе разведки, пресс-центре, дисциплинарном управлении общих СС

Штурмбаннфюрер (майор) СС Вальдемар Клингельхофер. Преподаватель вокала и оперный певец

Штурмбаннфюрер СС Лотар Фендлер. Доктор-дантист

Штурмбаннфюрер СС Вальдемар фон Радецки. Лингвист. Работал в компании по импорту

Гауптштурмфюрер (капитан) СС Феликс Ройль. Работал в коммерческой фирме. Один год жил в Англии

Оберштурмфюрер (обер-лейтенант) СС Гейнц Герман Шуберт. Выпускник вуза. Кандидат в адвокаты, «регистратор». Работал на государственной службе

Унтерштурмфюрер (лейтенант) СС Матиас Граф. Имел свой бизнес. Состоял на государственной службе

Обращаясь к трибуналу, руководитель Американского совета по военным преступлениям бригадный генерал Телфорд Тейлор (сменивший на этом посту судью Верховного суда США Роберта Джэксона) охарактеризовал подсудимых следующими словами: «Эти подсудимые не являются немецкими крестьянами или мастеровыми, призванными в ряды вермахта. Они не являются и необразованными юнцами. Они имеют профессии адвокатов, преподавателей, художников. Среди них есть бывший священник. Одним словом, все они являются образованными люди, которые полностью овладели своими специальностями и которые ясно представляли себе тяжесть и зловещую направленность программы, которой они себя посвятили. Они относились к ядру организации СС. Они не просто на словах служили жестоким расовым доктринам, которые проповедовал Гиммлер. Этих людей выбрали для выполнения особых варварских задач, потому что считали, что они достаточно безжалостны для того, чтобы справиться с ними. Все они отборные фанатики, каж-

дый из них был офицером СС... Они не несчастные жертвы, которые силой были втянуты в злодеяния, совершаемые тиранией Третьего рейха. Эти люди сами, без постороннего влияния посвятили себя делу распространения доктрины нацизма огнем и мечом».

Было достаточно бросить один взгляд на обвиняемых, чтобы найти в их лицах общую, характерную для всех их черту: непоколебимое выражение решимости в достижении цели, которая когда-то заставила их преодолеть тысячи километров территории в непрекращающейся экспедиции, на которую решились эти представители рода человеческого. Теперь же они боролись за то, чтобы спасти себя от виселицы. Тысячи мертвых людей, присоединившихся к обвинению, создали вокруг обвиняемых невидимое облако в форме петли и одновременно покрыли их таким же невидимым белым плащом всепрощения. Какой из знаков возобладает, во многом зависело от того, что скажут сами обвиняемые, а также от слов их адвокатов.

Активным представителем группы обвинения является молодой прокурор Бенджамин Ференц, окончивший факультет права Гарвардского университета, специалист в области немецкого языка, воевавший в рядах американской армии на территории Германии. Генерал Тейлор поручил этому молодому человеку изучать и анализировать документы, захваченные у эйнзатцгрупп, готовить проект обвинительного заключения, осуществлять поиск обвиняемых в лагерях для военнопленных, подбор помощников адвокатов на судебном процессе, а также принимать активное участие в работе суда, осуществляя общий надзор за деятельностью группы обвинения.

Результаты своей огромной предварительной работы господин Ференц теперь предъявляет составу суда: «С вашего разрешения, ваша честь. Нашей целью не является просто месть, и мы не стремимся просто воздать преступникам по заслугам. Мы просто хотим, чтобы своим решением данный суд снова подтвердил право человека жить мирно и достойно, независимо от его расы и

верований. То есть мы как бы взываем к закону от имени и во имя гуманизма».

Сделав паузу, бросив быстрый взгляд на весь зал и в особенности на бывших офицеров эйнзатцгрупп, он продолжал: «Каждый из подсудимых, находящихся на помосте, когда-то командовал или занимал ответственную должность в подразделении, занимавшемся массовыми убийствами. Каждый полагал, что ему принадлежит право определять судьбы людей, и результатом такого права всегда было то, что человек намеренно обрекался на смерть. Из собственноручно составленных этими людьми рапортов видно, что массовые убийства, которые совершались по их приказу, не были вызваны военной необходимостью. Их причина лежит в высшей степени извращенной логике, продиктованной нацистской теорией о высшей расе. Мы докажем, что данные поступки этих людей в униформе представляли собой методические казни в рамках долгосрочных планов по уничтожению групп людей, которые были осуждены на смерть нацистским режимом по этническим, национальным, политическим или религиозным причинам».

Речь господина Ференца длилась примерно 45 минут. Затем он вызвал помощника группы обвинения Питера Уолтона, которому было поручено продолжить вступительную часть. Уолтон, человек примерно 40 лет, с висками тронутыми сединой и несколько протяжной речью, что выдавало его происхождение из штата Джорджия, вышел вперед и продолжил перечисление хроники страшных событий. Он пояснил, что структура террора включала в себя четыре эйнзатцгруппы, в составе каждой из которых насчитывалось от 500 до 800 человек. (В состав каждой эйнзатцгруппы входили: 350 эсэсовцев, 150 шоферов и механиков, 100 гестаповцев, 80 сотрудников вспомогательной полиции (полицаев — из местных предателей), 130 сотрудников полиции, порядка 40—50 работников уголовной полиции и 30—35 сотрудников СД. Итого 880—895 человек; кроме того, переводчики, радисты, телеграфисты, женский персонал (в том числе в расстрельных командах). Всего 1000—1200 человек. — *Ред.*)

«Эти немногочисленные подразделения общей численностью не более 3 тысяч человек оказались повинны в том, что в течение примерно двух лет они уничтожили не менее 1 миллиона человек. Эта цифра позволяет сделать некоторые вычисления для лучшего понимания того, с чем нам пришлось столкнуться. Итак, в течение двух лет эйнзатцгруппами уничтожалось в среднем по 1350 человек в день. По 1350 человек каждый день в течение всех семи дней недели без выходных, на протяжении более чем ста недель... Прежде чем убить всех этих мужчин, женщин и детей, их необходимо было обнаружить, собрать вместе, содержать в заключении, а затем отвезти к месту убийства. Их нужно было сосчитать, забрать их имущество, расстрелять и похоронить. И похоронами жертв дело не ограничивалось. Ведь все вещи, изъятые у несчастных, следовало собрать, упаковать и отправить в рейх. Кроме того, велись специальные отчетные документы об этих акциях. Каждую из них нужно было подробно запротоколировать и отослать рапорт руководству».

Ференц распределил работу группы обвинения между четырьмя прокурорами. Он взял на себя предоставление суду доказательств в отношении обвиняемых из состава эйнзатцгруппы B. Уолтон занимался делами эйнзатцгруппы D. Дела эйнзатцгруппы A и обвинение ее сотрудников были поручены прокурору Джону Гленси, а эйнзатцгруппой C занимался прокурор Арност Хорлик-Хохвальд. Все они были замечательными людьми, на наш взгляд совершенно не похожими друг на друга внешне. Бенджамин Ференц имел рост всего 132 сантиметра (4 фута 4 дюйма), и, когда он вставал на подиуме, его подбородок едва доставал до кафедры. Ему было всего 27 лет. Его хрупкая фигура и круглое, пухлое лицо делали его еще моложе. Джон Гленси также отличался внешне от Арноста Хорлик-Хохвальда, уроженца Чехословакии, как отличались друг от друга места их рождения. Гленси родился и вырос в Вашингтоне. Это был высокий широкоплечий мужчина атлетического сложения, похожий на игрока в футбол. Родившийся в Чехословакии Хорлик-Хохвальд с первого

взгляда производил впечатление человека, занятого умственным трудом. Среднего роста, волосы с проседью, в очках, он отличался певучей речью, вдумчивостью и вел себя очень вежливо. Во время войны он служил в армии своей страны, а после нее в качестве члена чехословацкой делегации в Комиссии ООН по военным преступлениям прибыл в Нюрнберг. Здесь генералу Тейлору и прокурору Ференцу потребовались его знания юриста, и он был назначен в группу обвинения по делу об эйнзатцгруппах.

Помимо людей, перечисленных выше, в работе трибунала участвовал еще уроженец штата Северная Каролина Джеймс Хит, высокий мужчина приятной наружности, обладающий обаянием истинного джентльмена из южных штатов. Он был назначен консультантом по данному делу, и его задачей было специально определено проведение перекрестного допроса обвиняемого номер один Отто Олендорфа.

Глава 5

История эйнзатцгрупп заставляет побледнеть перед собой любой из самых буйных вымыслов, относящихся к жанру фантастики. Она так и не была собрана воедино после того, как прошли годы с тех пор, как эти формирования прошлись разрушительным ураганом через многие города и селения Европы, заставив их окраситься кровью. История писалась по следам событий теми самыми людьми, что творили все эти «подвиги».

В конце каждого дня командиры подразделений направляли командиру эйнзатцкоманды письменные рапорты обо всех казнях, совершенных за день. В свою очередь, командиры эйнзатцкоманд рапортовали командирам эйнзатцгрупп об общем количестве людей, которые были истреблены всеми подразделениями эйнзатцкоманды. После этого уже командиры эйнзатцгрупп подводили общие итоги и суммировали количество смертей. Эти данные с комментариями курьерской почтой или телеграфом отправлялись в группу IV B4 РСХА. Там

с них снимались копии, которые переадресовывались Гитлеру, Гиммлеру, Гейдриху, Геббельсу, Герингу и другим авторам планов расовых чисток, после которых нацистский образ жизни, как об этом пророчествовал Гитлер, должен был утвердиться на тысячу лет.

После того как нацистские армии капитулировали, все здания, хранилища и архивы были захвачены победителями, и миру довелось увидеть эти документы. По словам Эйхмана, ему, как офицеру гестапо, приказали сжечь все обличавшие режим документы, но даже с его огромными способностями к разрушению и уничтожению ему не удалось одержать верх над тевтонской основательностью и скрупулезностью. Почти самоотверженное упорство, с которым нацисты документировали каждый свой поступок, высказывание и событие, чтобы восславить себя и запечатлеть эти события в незыблемом граните, было невозможно искоренить ни огнем, ни войной, ни решимостью избавиться от улик. Поэтому для Б. Ференца не составило труда собрать полный комплект таких рапортов, которые он и его ассистенты Уолтон, Гленси и Хорлик-Хохвальд предоставили в распоряжение суда.

Во всех рапортах речь идет о смерти, этом самом ужасном, жестоком, неумолимом и бесчеловечном событии на нашей планете, с которым невозможен компромисс. Но к смерти, этому чудовищному событию, в этих документах подходят настолько грубо, цинично и пренебрежительно, что, если бы не неопровержимость их подлинности, любой бы с легкостью поверил в то, что эти бумаги являются плодом воспаленного мозга умственно отсталого романиста.

Так, командир эйнзатцкоманды В, дислоцировавшейся в Белоруссии, составил свой рапорт от 19 декабря 1941 г. в таком тоне, будто речь в нем идет об отстреле кроликов или белок. Там рассказывается, как по пути из Могилева одним из подчиненных ему подразделений было обнаружено «135 человек, в основном евреев», из которых «127 человек были расстреляны». Палач никак не утверждает, что евреи напали на подразделение эйн-

затцгруппы, что они были врагами или преступниками, что они демонстрировали враждебность или хотя бы недружелюбие. Они просто оказались на дороге, некоторые возвращались домой к своим семьям, другие шли к месту работы, каждый занимался своим делом. Но они были евреями, и поэтому они были расстреляны.

Тем же невозмутимым тоном автор рапорта указывает, что его группа осуществляла в городском лагере для перемещенных лиц «поиск евреев и представителей власти. Было обнаружено 126 человек, которые были расстреляны». Затем, в районе города Бобруйска, центра деревообрабатывающей и текстильной промышленности, «была проведена специальная акция, в ходе которой было расстреляно 1013 евреев и евреек». Затем неподалеку, в городе Рудне, «было расстреляно 835 евреев обоих полов».

Сотрудники эйнзатцкоманды 4а, действовавшие на Украине в районе реки Десны, как хищные птицы в поисках диких уток, отрапортовали из Чернигова, что 23 октября 1941 г. было уничтожено 116 евреев, а на следующий день — 144 еврея. Один из филиалов команды доложил своему руководству в Полтаве, месте, где в 1709 г. состоялась битва русских со шведами, что «всего им было расстреляно 1538 евреев».

Эйнзатцкоманда 6, которая «сражалась с противником» в городе Днепропетровске в Центральной Украине, расположенном при впадении в Днепр реки Самары, 13 октября 1941 г. доложила, что из оставшихся в городе примерно 30 тысяч евреев расстреляно 10 тысяч человек.

Эйнзатцкоманда 2 30 ноября 1941 г. направила в адрес Эйхмана рапорт из столицы Латвии города-порта Риги о том, что «10 600 евреев были расстреляны».

Из столицы Белоруссии города Минска, промышленного и культурного центра, где располагались прекрасные медицинский и педагогический институты, действовавшая там эйнзатцкоманда доложила в марте 1942 г., что в курсе «большой массовой акции против евреев было расстреляно 3412 человек».

Эйнзатцгруппа D рапортовала из столицы Крыма Симферополя в своем рапорте, что «за отчетный период было расстреляно 2010 человек».

Подразделение эйнзатцкоманды, задержавшееся на несколько дней в городе Рахове (Закарпатская Украина), сообщило руководству о том, что там «было расстреляно 1500 евреев».

Временами авторы рапортов, очевидно, начинали испытывать усталость от необходимости слишком часто употреблять слово «расстрел». Они пытались в узких рамках военного языка как-то разнообразить свой словарный запас. Один из командиров подразделения в Латвии рассказывал: «Высший командир СС и полиции в городе Риге обергруппенфюрер СС Еккельн объявил приказ приступить к акции расстрела, и в воскресенье 30 ноября 1941 г. было ликвидировано 4 тысячи евреев из рижского гетто, а также прибывшие на эвакуационном транспорте из рейха». Однако до тех пор, пока все те, кто читает эти рапорты, не привыкли к разнообразию словарного запаса сотрудников эйнзатцгрупп и новый термин не был введен во всеобщее пользование, автору рапорта на всякий случай пришлось в скобках дописать «было уничтожено».

Сразу же приступая к сути дела, командир команды, «путешествовавшей» по Крымскому полуострову, решительно сообщил: «В Крыму были казнены 1000 евреев и цыган». Командир подразделения, действовавшего в окрестностях замка постройки XVII века и селения Ляховичи в Белоруссии, отметил, что «930 евреев были казнены с помощью команды военнослужащих из состава дивизии СС «Рейх». Затем он с гордостью добавил, что теперь это селение можно считать «свободным от евреев». Передовая группа зондеркоманды 4а, сообщая о своей деятельности в городе Переяславе-Хмельницком на реке Трубеже, Украина, доложила 4 октября 1941 г.: «Всего было выявлено и ликвидировано 537 евреев (мужчин, женщин и подростков)».

В своем рапорте из района Смоленска в России от октября 1941 г. эйнзатцгруппа В указала, что «912 евреев

было ликвидировано в Крупке (может быть, Крупки — между Минском и Оршей — в Белоруссии? — *Ред.*) и еще 822 в Шолопаниче» (может быть, Шиловичи? — *Ред.*).

Другие командиры в своих докладах использовали такие выражения, как «с ними поступили согласно предписанию», «были подвергнуты специальной обработке», «о них позаботились». Немало руководителей эйнзатцподразделений употребляли оборот «были очищены от евреев». Наконец, был еще один термин, одновременно мягкий, вежливый, откровенный и ясный. Он никоим образом не ранил впечатлительные души руководства картинами несчастных людей, которых расстреливали и бросали в рвы. Этот образец искусства риторики звучал так: «В такой-то области (городе, районе) еврейский вопрос был решен». И если кто-то использовал это выражение, то любому становилось понятно раз и навсегда, что на данной территории евреи вычеркнуты из списка живых.

По мере того как в распоряжение суда предоставляли рапорт за рапортом, стало казаться, что они создают бесконечные волны красного цвета, которые вздымаются над морем вместе с черной пеной ужаса и отчаяния. Время от времени кто-то из посетителей недоверчиво вслушивался в то, что передавалось ему через наушники, недоверчиво и изумленно всматривался в лица обвиняемых, а затем, медленно сняв наушники, уходил прочь, будто бы попав по ошибке в дом ужасов.

Не все руководители эйнзатцгрупп были равнодушными исполнителями, делая свою работу. Некоторые из них испытывали очень глубокие чувства. В одном из рапортов, составленных в форме письма, представленном суду, майор Якоб из фельдполиции раскрывал свое кровоточащее сердце, ему было трудно выполнять задачу умерщвления евреев. В письме на имя своего генерала майор поздравляет его с днем рождения, рассуждает о лошадях, о девушках, а потом переходит к евреям: «Я не знаю, генерал, видели ли и Вы в Польше эти ужасные

фигуры евреев... Из 24 тысяч евреев, которые жили здесь, в Каменец-Подольском (в Западной Украине, в Хмельницкой области. — *Ред.*), остался исчезающе малый процент. Нашими клиентами являются и маленькие евреи, проживающие в здешних районах. Мы приступаем к делу без всяких уколов совести, а потом... волны смыкаются, и снова все спокойно».

Далее майор критикует сам себя и делает себе суровое дисциплинарное самовзыскание от имени страны: «Я благодарю Вас за замечание. Вы были правы. Мы, люди новой Германии, обязаны быть твердыми даже сами с собой. Даже если это обрекает нас на долгую разлуку с семьями. Сейчас пришло время раз и навсегда очистить мир от военных преступников и создать для наших потомков еще более прекрасную Германию на века. Мы здесь не спим. Каждую неделю проводим по три-четыре акции, то против цыган, то против евреев, то против партизан или другого сброда».

В другом письме этот офицер становится слезливым и пускается в сентиментальные воспоминания о своем доме и детях: «Иногда хочется плакать. Невозможно так же сильно любить детей, как я». Но он не рассказывает о том, что произошло с детьми, которые жили там, где теперь живет он. «У меня уютная квартира в здании, где раньше располагался детский дом. Спальня и гостиная, где есть все, что мне нужно».

В одном из рапортов командир эйнзатцгруппы А жалуется на то, что задержался с осуществлением казней в Белоруссии из-за ряда несчастных обстоятельств, которые он был не в силах контролировать. А потом, когда эти обстоятельства все же удалось преодолеть, в его тоне снова чувствуется раздражение: выпал обильный снег, из-за чего «проведение массовых экзекуций сильно осложнилось». Позже этот командир был уязвлен фактом, что евреи живут «широко рассеявшись на просторах этой страны. В связи с большими расстояниями, неудовлетворительным состоянием дорог, недостатком транспорта и горючего, недостаточными силами, имеющимися в распоряжении тайной полиции и СС, для выполнения расстрелов от нас

требуется приложение всех усилий». В этом рапорте легко видится явное сожаление немецкого офицера, что евреи ведут себя очень неразумно, вместо того чтобы взять да и явиться самим со всех отдаленных территорий для того, чтобы отдать себя в руки расстрельным командам.

Другой командир подобного подразделения, узнав, что в городе Нежине на Украине (примерно 60 километров от Чернигова) все еще оставалось в живых 325 евреев, выразил сожаление, что не может подвергнуть их «специальной обработке», поскольку «доехать до места было бы просто невозможно по дорогам, покрывшимся после дождей грязью и ставшим непроходимыми для транспорта». Далее последовал еще один рапорт: «До сих пор было очень сложно проводить экзекуции из-за погодных условий».

Можно подумать, что безжалостная погода не дает принять участие в каком-то мероприятии или игре на свежем воздухе, праздновании Пасхи или параде, мешает путешествовать или проводить строительные работы. Кажется абсурдным думать о ней как о явлении, которое препятствует осуществлению массовых убийств, которые сами по себе являются бедствиями такого масштаба, что вряд ли на них может как-то повлиять влажность или мороз. Но конечно, логика, как всегда, была на стороне Эйхмана и его подчиненных. Зачем им было подвергать себя риску простуды или даже воспаления легких. Ради чего? Чтобы убивать евреев, которых можно убить и через месяц, и через два с тем же успехом? Поэтому командир эйнзатцгруппы А чувствовал, что он прав, когда зимой 1941/42 г. отправил командованию рапорт: «Командир подразделения в Белоруссии проинструктирован покончить с еврейским вопросом как можно скорее, несмотря на сложную обстановку. Но на это все равно потребуется еще примерно два месяца, в зависимости от погоды».

Иногда Эйхман, который, кстати, заявлял, что никогда не был антисемитом, мог чем-то помочь своим подчиненным, когда приключались эти заминки с исполнением казней. Он отправлял им поезда с евреями из Германии! На суде он признал, что отправлял немецких

евреев в Ригу и Минск, будучи на 100 процентов уверенным в том, что по прибытии к месту назначения они сразу же будут расстреляны эйнзатцкомандами. Генеральный прокурор Хаузнер спросил его: «Таким образом, когда вы предложили отправлять евреев с территории рейха в лагеря, где содержатся коммунисты, находившиеся в подчинении Небе и Раша, на самом деле вы предлагали отправить их на территории, где их умерщвляли эйнзатцгруппы. Это так?»

Эйхман ответил: «Да, должен признать, что знал об этом». Однако он тут же добавил два замечания:

1. Он полагал, что на данных территориях уничтожались только местные евреи.

2. Он отправлял евреев для расстрелов и захоронений во рвах, «выполняя приказ» (как и все остальное, что он совершал).

Однако под метким огнем перекрестного допроса прокурора Хаузнера Эйхман признал, что никогда не направлял евреев в Ригу или Минск, не убедившись предварительно, что в местных лагерях способны «абсорбировать» этих евреев.

Свидетельница Лиорна Нойман рассказала, что она находилась в одном из вагонов, направленных Эйхманом в распоряжение эйнзатцгруппы А для ликвидации, хотя в то время она еще не знала истинной цели путешествия. Только благодаря чуду ей удалось избежать уготовленной ей участи. Когда она и другие прибыли к месту назначения, их определили на работу, заставив штопать одежду людей, которых уже расстреляли, предназначенную для отправки в Германию. Она рассказывала, что время от времени ее отрывали от работы пронзительные крики женщин, которые обнаруживали окровавленные тряпки, в которых они узнавали вещи своих уже расстрелянных детей.

Гейдрих гордился талантами Эйхмана и рассказывал о его находчивости Герингу и другим министрам. Получая благодарность руководства, Эйхман, конечно, не упускал случая отпраздновать это событие одной-двумя рюмками шнапса или коньяка с кобыльим молоком. Но

когда похвальба Гейдриха дошла до него на суде, он постарался отмахнуться от догадок, что это явно было связано с преступлениями, цинично заметив: «Я не знаю, какую выгоду пытался извлечь Гейдрих, поступая таким образом».

Возможно, в попытке убедить самих себя в законности своих поступков или, может быть, зло иронизируя (это точно неизвестно) некоторые из руководителей команд пытались назвать «причины», по которым они убивали евреев. В Марьиной Горке (Пуховичи. — *Ред.*), небольшой железнодорожной станции в Белоруссии, евреев заставляли выполнять работы, которые, по мнению руководителя команды, они делали «с большой неохотой». Для того чтобы ускорить выполнение задания, по команде руководителя 996 евреев и евреек были подвергнуты «специальной обработке».

Один из офицеров эйнзатцгруппы, прогуливаясь по улицам Могилева, обнаружил рядом с церковью нескольких евреев, которые «вели себя крайне беспокойно». Кроме того, они не носили положенного евреям знака. Он был очень обеспокоен этим фактом, поэтому вызвал свое подразделение, которое расстреляло 28 человек.

В Минске командир команды, наблюдая за толпой людей, пришел к выводу, что 733 человека из этих людей были расово неполноценными лицами с преобладанием азиатской крови. Как он указал в рапорте № 73 от 4 сентября 1941 г., он отдал приказ расстрелять их. В докладе не указано, какими инструментами или какими критериями офицер руководствовался для определения степени неполноценности личности и преобладания азиатской крови.

В Радомышле, городе на Украине на реке Тетерев, где было расположено предприятие по переработке шерсти, согласно рапорту командира эйнзатцгруппы С, не хватало продовольствия для евреев и для детей. Поэтому, продолжает он, во избежание все большей опасности возникновения эпидемий, решив покончить с таким положением, он отдал приказ, по которому 1101 взрослый еврей был расстрелян солдатами эйнзатцкоманды, а еще 561 подро-

сток — силами украинской вспомогательной полиции. Всего до 6 сентября 1941 г. эта зондеркоманда «позаботилась» об 11 328 евреях.

В еврейском гетто в городе Невеле, неподалеку от Витебска, городе (старинном русском. — *Ред.*), который оказывался под властью Литвы (Великого княжества Литовского. — *Ред.*), затем Польши (Речи Посполитой — после объединения Литвы и Польши. — *Ред.*), а затем вошел в состав Советского Союза (автор забыл по Российскую империю, в состав которой Невель вошел после первого раздела Польши в 1772 г. Ныне в Псковской области. — *Ред.*), как указано в оперативном рапорте № 92 от 23 сентября 1941 г., было обнаружено, что среди евреев часты случаи заболевания чесоткой. Командир эйнзатцкоманды быстро принял решение: «В целях предотвращения дальнейших случаев заражения 640 евреев были ликвидированы, а их дома сожжены».

В том же рапорте далее говорится о том, что в городе Яновичах (близ Витебска) стало быстро распространяться заразное заболевание, сопровождавшееся лихорадкой. Возникла угроза распространения заболевания на город и сельское население. Для того чтобы предотвратить это, были расстреляны 1025 евреев. Рапорт завершался гордым заявлением: «Данная операция была выполнена силами самого командира и 12 солдат».

По мере того как эйнзатцкомандиры все больше и больше узнавали о лечебных возможностях стрелкового оружия в руках своих подчиненных, они приступили к осуществлению мер профилактики. Так, когда руководитель команды в том же городе Витебске обнаружил признаки «неминуемо надвигающейся эпидемии», он вызвал своих солдат и приказал расстрелять 3 тысячи евреев.

Эйнзатцгруппа С доносила, что при следовании тейлкоманды зондеркоманды 4а через город Чернигов к ее командиру обратился директор местного дома для умалишенных с просьбой о ликвидации 270 неизлечимо больных. Просьба была выполнена.

В оперативном рапорте № 5, посвященном действиям эйнзатцкоманды 5 в период с 13 по 19 октября 1941 г.,

говорится, что помимо казни 21 саботажника и мародера и 1847 евреев было расстреляно примерно 300 евреев, страдавших умственными расстройствами, что «явилось особенно тяжелым грузом для членов эйнзатцкоманды 5, участвовавших в акции».

В рапорте № 150, датированном 2 января 1942 г. и касающемся акций в Крыму, докладывается об операциях по зачистке территорий, в результате которых «Симферополь, Евпатория, Алушта, Карасубазар (ныне Белогорск. — *Ред.*), Керчь и Феодосия, а также другие районы Крыма были очищены от евреев».

Наверное, бессердечие и трусость этих групп убийц достигли апогея, когда команды стали участвовать в жестоких убийствах беспомощных раненых военнопленных. В ноябре 1941 г. командование эйнзатцгруппы С отрапортовало: «По просьбе коменданта лагеря для военнопленных в районе Борисполя (восточнее Киева. — *Ред.*) 14 октября 1941 г. взводом солдат из состава зондеркоманды 4а было расстреляно 752 военнопленных еврея, 10 октября — еще 357 военнопленных, в том числе несколько комиссаров и 78 раненых евреев, за которыми ухаживал лагерный врач». (Это пленные из Киевского котла. Здесь во второй половине сентября 1941 г. были взяты в плен (по немецким данным) свыше 600 тысяч советских солдат и офицеров. Большинство из них позже умерли от голода и болезней в полевых лагерях-«загонах», организованных немцами, в частности, у Борисполя. — *Ред.*)

Возглавлявший в тот момент эйнзатцкоманду А Вальтер Шталекер, который тоже был одним из приятелей Эйхмана еще в дни их юности в Линце, любил иллюстрировать свои донесения, рисуя на них гробы и делая надписи на крышках гробов цифрами, обозначающими количество евреев, казненных в районе, который указывался в рапорте. Рядом с гробом он обычно добавлял еще одну цифру, обозначавшую количество евреев, которое еще предстояло убить. Эйхмана передернуло, когда ему было предъявлено свидетельство о таких манерах Шталекера. Он заметил, что Шталекер «всегда отличался склонностью к драматизму».

Иногда командиров эйнзатцподразделений приводило в недоумение и ярость непонятное поведение тех, кого они преследовали. В одном из рапортов указывалось, что выселенные из своих домов евреи были вынуждены влачить жалкое существование в подвалах и заброшенных лачугах. Холод, недостаток пищи и теплой одежды неизбежно приводили к серьезным заболеваниям этих людей. Командир команды сообщал: «По этой причине опасность возникновения эпидемий значительно возросла. Только по одной этой причине необходимо производить тщательную зачистку на такой местности». Далее он добавил: «Даже в таких обстоятельствах наглость евреев не становится меньше».

То есть, выгнав людей из дома, заставив голодать, расстреливая свои жертвы, завоеватели все же обижались на то, что евреи недостаточно вежливы с ними!

Та же рука, которая била еврея обычно перед тем, как он упадет, не забывала опустошить его карманы. Каждый живой еврей платил за свое наследство жизнью, жилищем, землей и деньгами — всем тем, чем владел. Каждый мертвый еврей отдавал не только это, но также и свои часы, ручку, украшения, одежду, обувь, золотые зубы и коронки. Иногда золото вырывалось изо рта еще живого человека.

31 мая 1943 г. начальник минской тюрьмы доносил генеральному комиссару Белоруссии, что «13 апреля 1943 г. бывший немецкий дантист Эрнст Израэль Тишауэр и его жена Эльза Сара Тишауэр, урожденная Розенталь, были доставлены в тюрьму сотрудниками службы безопасности... С того времени у всех доставляемых к нам немецких и русских евреев извлекаются или выламываются золотые мосты, коронки и пломбы. Это проводится всегда за один-два часа до акции. С 13 апреля 1943 г. было покончено с 516 евреями из Германии и России... Примерно половина евреев имела золотые зубы, мосты или пломбы».

Осужденный на убой был обречен еще и на мучительную боль с того момента, когда его зубы были выбиты,

рот разбит, десны разорваны. Теперь ему предстояло отправиться на смерть. Странно, что чернила не застывали от таких описаний.

Надзиратели не брезговали ни крупным, ни мелким имуществом. Ничто не могло избежать этого всепоглощающего магнита: все, начиная от домов, заводов и автомобилей и кончая последней парой обуви, отбиралось у несчастных беззащитных евреев. Если бы не полные точные описи, составленные самими нацистами, и не настойчивые допросы на судебных процессах, никто и никогда не поверил бы в этот откровенный грабеж и воровство, которые могли быть организованы в государственном масштабе и достичь своих целей.

В своем последнем заявлении, сделанном в израильском суде в защиту Адольфа Эйхмана, доктор Серватиус спросил: «Каковы же были настоящие цели преследования евреев?» И сам ответил на этот риторический вопрос: «Невозможно подобрать к ним юридическое определение... Защита получила огромное количество писем со всего мира, чтобы доказать, что ясной картины здесь не существует. Из этих писем следует, что весь мир не благополучен. Специалисты, философы, теологи и историки — вот кто должен попытаться решить проблему».

Но эта проблема не нуждается в рассмотрении способом, предложенным доктором Серватиусом. Ответ на все эти вопросы довольно прост. Антисемитизм — продукт самых грубых человеческих страстей: жажды власти, мании величия, основанной на ложной теории расового превосходства, и алчности. Судебные процессы в Нюрнберге и Иерусалиме ясно продемонстрировали, что гибель еврея обогащала его гонителей, поправляла материальное положение тех, кто его угнетал, и наполняла карманы его палачей. Нацистские руководители и их последователи не выносили евреев, они питали к ним ненависть и отвращение, но это не мешало им носить их часы, писать их ручкой и украшать себя ювелирными изделиями, изготовленными из золотых зубов тех, кого они преследовали и уничтожали.

Оказалось, что иногда организовывались специальные рейды в еврейские поселения с целью получения добычи. Один из обвиняемых майор Вальдемар Клингельхофер рассказывал, как он путешествовал «из Смоленска в Татарск и Мстиславль для того, чтобы добыть меховые изделия для немецких войск и ликвидировать часть евреев, проживавших в тех местах». Когда его спросили, раздевали ли людей, захваченных и казненных во время этой поездки, он ответил: «Нет, одежду не забирали. Поездка была организована с целью конфискации меховых изделий».

В документе, подготовленном штабом эйнзатцгруппы D в феврале 1942 г., упоминается о «конфискации» часов во время казней. Часть серебряных и золотых часов была отправлена в Берлин, часть часов была передана командованию вермахта (для рядового состава). Оставшиеся часы «за символическую цену» были проданы членам эйнзатцгрупп или даже переданы безвозмездно (все зависело от обстоятельств). В рапорте также упоминается, что часть захваченных денег была потрачена на «повседневные нужды» (например, выплату зарплаты и т. д.). Итак, палачи оплачивали свои услуги из денег, взятых у ограбленных и убитых жертв. Помимо прочего, эйнзатцгруппы продемонстрировали патриотизм и трогательную заботу о семьях проживавших на юге России этнических немцев, предоставив в их распоряжение дома, мебель, детские кроватки и другое имущество, отобранное у евреев.

По-видимому не желая отставать от коллег из эйнзатцгруппы D, 7 октября 1941 г. эйнзатцгруппа C отрапортовала, что проблему чрезмерной скученности в жилых домах в Киеве удалось частично преодолеть после того, как «после казни приблизительно 35 тысяч евреев освободились соответствующие жилые площади». (Имеется в виду Бабий Яр, где немцы организовали расстрелы (в основном руками украинских полицаев) свыше 100 тысяч человек, из них 35 тысяч евреев. — *Ред.*)

После того как в городе был назначен совет старейшин, он получил указание составить подробный список

всего имущества евреев, наверное, для того, чтобы грабители не теряли времени на расспросы при «сборе урожая», прежде чем отправиться на новую «жатву». Имея на руках такие списки, офицеры эйнзатцгрупп могли, как граблями, собрать все еврейское имущество. Теперь им не нужно было специально его искать.

Нацистские вожди хорошо знали Эйхмана не только как мастера эффективных массовых убийств, но и как специалиста по работе такими «граблями». Когда непосредственный начальник писал представление на присвоение Эйхману звания оберштурмбаннфюрера (подполковника) СС, он писал о нем так: «Я предлагаю повысить этого офицера в звании, поскольку хорошо осведомлен об исключительных служебных успехах Эйхмана в освобождении от евреев территории Австрии в период его деятельности на посту центрального управления по эмиграции евреев. Благодаря работе Эйхмана в германский рейх поступило огромное количество имущества».

Иногда Эйхман пользовался собственностью евреев в личных интересах.

В Австрии он подарил одной из своих возлюбленных ферму, которую отнял у еврейских владельцев.

Глава 6

Свидетельские показания открывали широкий кровавый след бесконечных казней. Почти всегда палачи пытались отвозить свои жертвы в безлюдную лесистую местность, где только деревья и неразумные звери могли быть свидетелями того, что происходило.

Иногда только горные вершины передавали эхо винтовочных выстрелов, которые обрывали жизнь людей. Бывали случаи, когда казни осуществлялись на берегу реки, озера или морского залива, воды которых окрашивались кровью жертв. Часто подмостками кровавой драмы, которую мог поставить лишь продюсер с воспаленным мозгом, служили целые селения, от которых потом оставались лишь пылающие факелы пожаров.

То, что не по силам было придумать никакому драматургу, планировали и исполняли командиры эйнзатцгрупп, а потом увековечивали свои произведения в документах, «способных бросить вызов времени». Поэтому теперь никому не приходится раздумывать о том, как был убит 1 миллион человек. (Одновременно с зондеркомандами действовали карательные части, мстившие за действия партизан. Только в Белоруссии было истреблено до 3 миллионов человек — каждый третий белорус — в основном за поддержку партизан. Всего же на временно оккупированных территориях СССР было преднамеренно истреблено свыше 7 миллионов человек. Еще несколько миллионов преждевременно умерли — от недоедания, болезней. — *Ред.*) Способы убийств стали широко известны. Как и все «подвиги» нацистского режима, и эти зловещие свершения подробно задокументированы. Дела нацистов были темными, но те, кто шел по их следам, никогда не испытывали недостатка в источниках света в виде документов, устных заявлений и откровенных признаний, что освещали все надписи в написанной нацистами книге злодейств.

Одной из тем, которая хорошо освещалась в рапортах эйнзатцгрупп, была трогательная забота их командования о расстрельных командах. В некоторых документах описывается, как командиры позволяли делать перерывы в стрельбе через каждые несколько минут, чтобы утомившиеся исполнители могли выкурить по сигарете и, когда уляжется пороховой дым, спокойно вдыхать аромат табака, смешанный со свежей кровью.

В других отчетах говорится о том, как некоторые солдаты не любили очищать землю, если тела убитых не падали прямо в предназначенную для них яму.

Поэтому был изобретен способ избавить их от дополнительного труда. Узников подводили к могиле еще живыми. Один из очевидцев из числа эсэсовцев пояснял: «Казнь осуществлялась выстрелом в шею. Тела хоронили в больших противотанковых рвах. Приговоренные к смерти уже стояли над ямой на коленях. Едва успевали расстрелять одну группу, как подходила следующая, которую сбрасывали прямо на тела только что убитых».

Насколько совершенно была отработана процедура казни, можно увидеть из рапорта № 24 от 16 июля 1941 г., в котором лаконично указывается: «Арестованные евреи без дополнительных церемоний расстреливаются и закапываются в заранее подготовленных могилах».

Однако некоторые из командиров команд, которых, по-видимому, больше волновало понятие о вечном порядке вещей, все-таки чувствовали необходимость соблюдения некоторых церемоний. Поэтому они называли имена приговоренных, прежде чем погрузить их на грузовики. Это и был весь суд, одновременно и обвинение, и приведение доказательств, и приговор, всегда один — смертная казнь.

Иногда общее правило не приводить приговор в исполнение на людях не соблюдалось. В одном из докладов приводится факт, как казнь осуществлялась возле находившихся поблизости домов, жители которых стали свидетелями ужасной сцены: «По главной улице следовала большая войсковая колонна и колонна эвакуированных гражданских лиц. Все события можно было наблюдать из окна здания штаба батальона. Кроме того, были хорошо слышны крики людей, обреченных на смерть. На следующее утро на том месте лежали груды одежды, рядом с которыми собрались любопытные гражданские лица и солдаты».

Командир одной из команд был настолько горд своими достижениями, что снял на кинокамеру как минимум одну процедуру казни. Этот фильм был показан во время суда над Эйхманом. Там были сцены, как евреев подгоняют бегом к братским могилам, другие эпизоды, как охваченные страхом евреи спрыгивают с грузовиков, а затем — выстрелы, выстрелы, выстрелы. И тела, падающие в ров. На упавших сбрасывали слой земли, а затем там же расстреливали других, которые падали сверху на тела тех, кто был застрелен перед ними.

Репортер газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Роберт Берд так описывал редакцию судей трибунала на эти кадры: «Когда снова включили свет, судья Ицхак Равех сидел, прижав руки к глазам и пытаясь остановить слезы.

Он встал и поспешил в свой кабинет. Председательствующий судья Моше Ландау выглядел подавленным и потрясенным, а судья Бенджамин Халеви устремил свой взгляд куда-то вдаль. Они поднялись и молча покинули помещение».

Однако Эйхман, эта глыба льда или мраморная плита, как его описал Дин Грубер, застыл, как гранитное изваяние, когда он смотрел фильм о казни. Он ни разу не отвел глаз от экрана и ни разу не выразил ни малейших эмоций. Он не увидел в той картине ничего для себя нового. Возможно, те кадры напомнили ему, как однажды он сказал своему заместителю Дитеру Вислицени, что, когда придет время, он прыгнет в свою могилу смеясь, потому что в его сознании будет мысль о том, что благодаря ему было уничтожено 5 миллионов евреев. И это, как он сказал, послужит ему «источником необычайного удовлетворения».

Эйнзатцгруппы не просто выполняли убийства своими силами. Там, где они встречали сообщества людей, настроенных враждебно по отношению к евреям, они поощряли их на еврейские погромы (прежде всего, в Прибалтике и в Западной Украине. — *Ред.*).

Герман Фридрих Грабе, управляющий и главный инженер немецкой строительной фирмы в городе Здолбунове (близ Ровно) в Украине, очень живо рассказал о том, как проходил погром. Когда он узнал, что в его городе планируется в очередной раз это ужасающее мероприятие, он поспешил к старшему офицеру в своем районе, штурмбаннфюреру СС Петцу. Он попытался защитить от погрома несколько еврейских рабочих, которые трудились на его фирме. Штурмбаннфюрер опроверг слухи о погроме. Однако позже Грабе узнал от комиссара района штабслейтера Бека, что все это было правдой, но Бек предупредил Грабе, чтобы тот держал полученную информацию в секрете. В обмен на молчание он снабдил Грабе охранной грамотой, которая должна была защитить его рабочих в момент, когда начнется кровавая буря. Ниже приводится тот удивительный документ:

Компания ЮНГ
г. Ровно

Еврейские рабочие, работающие на вашей фирме, не будут затронуты погромом (акцией). До среды 15 июля 1942 г. вам надлежит отправить их к новому месту работы.

Выдано комиссаром района Беком.

В тот вечер по улицам Ровно, подобно урагану, прокатился погром. Вот как вспоминал об этом сам Грабе:

«Живших там людей выволокли на улицы, не обращая внимания на то, одеты они или взяты прямо с постели. Поскольку в большинстве случаев евреи отказывались покидать свои дома и сопротивлялись, солдаты СС и полиция применили силу. Наконец, им удалось с помощью ударов ружейными прикладами, кнутами или кулаками, пинками заставить людей покинуть свои дома. Людей выводили из домов в такой спешке, что иногда маленьких детей забывали в их кроватях. На улицах матери звали детей, а дети своих родителей. Но это не остановило эсэсовцев, которые гнали людей вдоль дороги бегом, подгоняя их ударами, пока они не добежали до ожидавшей их заранее подготовленной колонны машин.

Машины заполнялись людьми одна за другой, постоянно слышались удары хлыста и винтовочные выстрелы, которые делались все громче. Поскольку некоторые семьи или группы людей забаррикадировались в самых прочных зданиях, двери которых не смогли взломать с помощью ломов и дубин, эти двери подрывали ручными гранатами. Так как гетто находилось вблизи железнодорожных путей, которые вели на Ровно, некоторые молодые люди пытались переправиться через пути и небольшую реку и покинуть район гетто. Местность там не освещалась электричеством, поэтому для освещения применялись осветительные ракеты.

Всю ночь загнанных избитых и раненых людей вели по улицам города при свете фонарей. Женщины несли

на руках мертвых детей, дети тащили за собой за руки и за ноги по дороге к машинам мертвых родителей. Тут и там над гетто доносились новые крики: «Откройте двери! Откройте двери!»

Несмотря на выданный комиссаром Беком документ, семь рабочих Грабе были схвачены и отведены на сборный пункт. Грабе продолжает свой рассказ:

«Я отправился на сборный пункт, чтобы спасти тех 7 человек. Пока я шел по улице, то по обеим ее сторонам я видел десятки трупов людей обоих полов. Двери домов были открыты, окна разбиты. Под ногами лежало белье, обувь, чулки, жакеты, кепки, шляпы, пальто и т. д. На углу одного из зданий лежал ребенок в возрасте менее одного года с разбитым черепом. Кровь и мозги забрызгали стену здания и место, где лежал ребенок. На ребенке была только легкая рубашка.

Командир подразделения СС майор Петц ходил около 80—100 евреев-мужчин, которые склонились перед ним на земле. В руке он держал тяжелый хлыст для собак. Я подошел к нему и, показав письменное разрешение комиссара Бека, потребовал освободить своих рабочих, которых я увидел среди лежавших на земле мужчин. Доктор Петц пришел в ярость, узнав, что комиссар выдал мне такой документ. Ничто не могло убедить его освободить тех 7 рабочих. Он сделал движение рукой вокруг себя и заявил, что тот, кто сюда попал, уже никогда не выйдет наружу. Все же, несмотря на то что Петц был рассержен распоряжением Бека, он разрешил мне забрать моих людей из здания по адресу Банхофштрассе и вывезти их из Ровно не позднее 8 часов.

Когда я вышел от доктора Петца, мне встретилась на дороге украинская сельская телега, запряженная двумя лошадьми. На телегу были погружены застывшие трупы, их руки и ноги свешивались с краев. Телега везла тех, кого не увезли на машинах. Я забрал оставшихся 7 евреев, которые были заперты в здании, в городе Здолбунове».

В ходе этого погрома было убито 5 тысяч евреев.

В Нюрнберге мою душу часто охватывало чувство, которое было сродни безнадежному отчаянию. Как мог я смириться с существованием концепции спланированного хладнокровного убийства целого народа? Это было настолько фантастично и лишено смысла, что об этом больше не хотелось слышать, хотелось, чтобы уши оставались глухими к этим словам, звучащим как откровенный абсурд. Дикие племена в непроходимых дебрях джунглей убивали другие такие же дикие племена до последнего человека; деспоты Древнего мира и Средневековья отдавали приказы об уничтожении всего живого в целых городах и районах; на Диком Западе во времена восстаний индейцев бывали случаи уничтожения целых поселков и караванов переселенцев. Но то, что образованные люди в XX в. решили полностью уничтожить других образованных людей, причем не в бою, не в порыве безумия, а планомерными расстрелами, применением смертельного газа и огня, выглядело как фантастические рассказы, от которых кровь застывала в жилах, вызывало ассоциации с химерами Г. Уэллса о нашествии марсиан.

Если бы не официальные подлинные документы и не показания самих обвиняемых, а также многочисленных очевидцев, засвидетельствовавших правдивость тех событий, все это можно было бы отнести к бреду алкоголика или наркомана. До суда следователи и аналитики союзников проверяли и перепроверяли документацию эйнзатцгрупп. Будучи гуманистами, они иногда сомневались в правдивости приведенных там цифр, поскольку от такого количества убийств просто бросало в дрожь. (Гуманисты-союзники, видимо, забыли концлагеря на оккупированном ими в годы Гражданской войны Русском Севере (например, на острове Мудьюг), а еще раньше — концлагеря для бурских женщин и детей в ходе Англо-бурской войны 1899—1902 гг. — *Ред.*)

Друг детства Эйхмана генерал СС Шталекер, возглавлявший эйнзатцгруппу А, не дожил до дня, когда он мог бы предстать перед судом за свои преступления. Он оставил тщательно составленные данные статистики, со-

гласно которым за четыре месяца его подразделением было уничтожено 135 тысяч евреев и коммунистов. Генерала Отто Олендорфа, которому было суждено продолжить его дело, спросили относительно правдивости приведенной в рапорте цифры, которая показалась завышенной для такого короткого периода. Олендорф изучил документ почти с обидой, как бы спрашивая: «Как же люди могут быть настолько недоверчивыми?» Затем он заявил: «Я видел рапорт Шталекера (документ L-180), касающийся деятельности эйнзатцгруппы А, где Шталекер утверждает, что за первые четыре месяца работы его группой было уничтожено 135 тысяч евреев и коммунистов. Я лично знал Шталекера и считаю, что в документе содержится правда».

Как все это можно объяснить? Даже когда Германия отступала на всех фронтах, войска, которые были отчаянно необходимы для того, чтобы остановить наступление союзников, использовались для участия в миссиях массового уничтожения. Вопреки военной необходимости, экономическим законам и всем правилам логики, не поддающаяся исчислению рабочая сила жестоко истреблялась, а бесценное имущество просто уничтожалось.

То тут, то там возникали протесты. Уполномоченный генерал СС в Белоруссии гаулейтер Вильгельм Кубе (1887—1943; уничтожен белорусскими партизанами — подорван бомбой, заложенной в кровать. — *Ред.*) возражал против массовых казней на вверенной ему территории. Он делал это, конечно, не из гуманизма, а потому, что считал, что дикие убийства наносят ущерб престижу Германии: «Прежде всего, любой акт, который принижает авторитет германского рейха и его организаций в глазах населения Белоруссии, следует исключить... Я составил этот рапорт в двух экземплярах. Одна копия будет направлена рейхсминистру. Подобными методами невозможно поддерживать мир и порядок в Белоруссии. То, что тяжело раненных людей хоронят заживо, а они потом выбираются из могил, — о таких случаях подлости и грязи будет докладываться фюреру и рейхсмаршалу».

Для страны, которая ведет войну, не может быть ничего важнее того, чтобы солдаты на фронте вовремя получали боеприпасы. Но в случае, когда проводились массовые убийства в Слуцке, грузовики с боеприпасами для фронта неподвижно замерли на улицах. Водители-евреи, незаконно мобилизованные на эти работы, были уничтожены солдатами батальона карателей. Несмотря на то что само существование нации зависело от того, чтобы продолжать производство продуктов питания, 15 из 26 специалистов в области консервирования были расстреляны.

Кровавая баня в Слуцке вызвала очень интересную переписку. Главный уполномоченный потребовал от рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий (Альфреда Розенберга. — *Ред.*) объяснений, почему ликвидация евреев на востоке проводилась без учета экономических интересов вермахта и требований специалистов военной промышленности. Министр ответчал: «Скорее всего, к настоящему моменту все разъяснения по еврейскому вопросу уже были даны в устной форме. Экономические соображения при решении этой проблемы в большинстве случаев не должны приниматься во внимание».

Иногда разлучались семьи, потому что кормильцы производили предметы, необходимые для немецкой армии. Но такая разлука всегда была временной. В докладе эйнзатцгруппы С о положении дел в Новороссии (Южная Украина) указывалось, что в регионе остались хорошие портные и кожевенники только еврейской национальности. На некоторых других участках «в качестве плотников и слесарей могут быть использованы только евреи». Поэтому «с целью не подвергать риску ход ремонтных и восстановительных работ, а также в интересах следующих через город воинских частей пришлось временно исключить квалифицированных еврейских рабочих старшего возраста из списков приговоренных к казни».

Но Эйхман всеми силами возражал против таких временных исключений из программы уничтожения, потому что, по его словам, это давало приговоренным шанс на

совершение побега. К тому же это вело к задержке «полного истребления евреев как биологического вида».

Гиммлер бил в те же барабаны. В сентябре 1941 г. он вместе с Эйхманом посетил генерала Отто Олендорфа, командовавшего эйнзатцгруппой D, расквартированной в районе Николаева, на юге Украины. Олендорф распорядился на несколько дней отложить казнь евреев, привлеченных на сельскохозяйственные работы, чтобы дать им возможность собрать урожай, предназначенный для отправки в Германию, где большая часть крестьян была мобилизована в армию. Даже несмотря на то что Олендорф был личным другом Эйхмана, и он, и Гиммлер обрушились на Олендорфа, задержка была отменена, евреи уничтожены, а урожай пропал на полях (наверное, это все же редкий и нетипичный пример. На полях Украины работали украинцы и русские. — *Ред.*).

Немецкий инспектор на Украине по делам военной промышленности, вникнув в программу уничтожения евреев, доложил генералу пехоты Томасу, возглавлявшему департамент военной промышленности, что с точки зрения интересов Германии эта программа являет собой абсолютную глупость. На Украине вся торговля была представлена евреями. Они же представляли собой существенную часть рабочей силы. «Таким образом, их уничтожение обязательно приведет к далекоидущим экономическим последствиям, причем прямым последствиям для военной промышленности (речь идет о предметах снабжения войск)».

Яростно взывая к чувству разума, немецкий инспектор восклицал: «Если мы убиваем евреев, позволяем умирать военнопленным, обрекаем значительную часть городского населения на голодную смерть и по той же причине потеряем в будущем году часть сельского населения, необходимо ответить на поставленный вопрос: «Кто на всех этих территориях будет производить нужную рейху продукцию?»

На этот вопрос никто так и не дал ответа. Как никто и не дал ответа на вопрос о гуманности как главной причине отказаться от кровопролития. Чувство здравого

смысла, как и совесть, уже очень давно было потеряно в джунглях нацистской веры и заносчивости. Здесь всем правило Безумие, открыто маршировала Ненависть, небо окрасилось в красные тона пламени разрушений, а мир рыдал и рыдает до сих пор.

Глава 7

Когда прокурор Ференц заявил суду, что докажет факт убийства подзащитными 1 миллиона человек, почти все в зале суда подумали, что речь идет о некоей абстрактной величине. Однако в результате свидетельских показаний вскоре начала складываться совсем другая картина. В одном из рапортов вскользь упоминается о том, что в ходе выполнения программы в одном из гетто для начала «будет казнено минимальное количество людей, от 50 до 100 человек». В другом рапорте (№ 55) в описании операции, проводившейся в Калининградской области России (образована только в 1946 г. на части земель бывшей Восточной Пруссии, поэтому непонятно, где происходило описанное. — *Ред.*), говорилось, что «2 января 1942 г. по приказу командования эйнзатцгруппы А село Аудрини было сожжено после изъятия всех продуктов, а его жители были расстреляны». Затем в соседнем городе Росситене «был публично расстрелян на рыночной площади 301 человек... Все эти акции были проведены без всякой причины».

Меня поразило, как люди могли дойти до состояния такой чудовищной жестокости.

Но, даже имея факты убийства здесь 300 человек, там — еще нескольких сотен человек, все равно казалось невозможным, что общее число умерщвленных людей может достигнуть 1 миллиона. Однако, когда посыпались рапорты об уничтожении тысяч и десятков тысяч людей, как будто суду приходилось пробираться сквозь бесконечные ряды могил, все поняли, что, говоря об 1 миллионе погибших, прокурор Ференц мыслил не цветистыми фигурами речи, а сухими цифрами действительности.

В отчете о своей деятельности в Латвии за 5 октября 1941 г. эйнзатцгруппа А доносит: «На настоящий момент всего было уничтожено 30 тысяч евреев».

Эйнзатцгруппа В, действовавшая на Московском направлении, доносила, что за октябрь 1941 г. «было ликвидировано 37 180 человек».

Эйнзатцгруппа С рапортовала об убийствах на Украине, в районах сельскохозяйственного производства, 51 тысячи человек. Там же приводились и причины казней: «Команды проводили казни по следующим признакам: принадлежность к политическому руководству, мародерам и саботажникам, активным коммунистам и представителям власти, евреям, которым обманом удалось избежать лагерей заключения, агентам и информаторам НКВД, лицам, которые сфальсифицированными показаниями или ложными свидетельствами способствовали выселению этнических немцев, носителям идей еврейского садизма и мстительности, партизанам, политрукам, возможным возбудителям эпидемий, членам русских банд, группам вооруженного сопротивления, агентам русских банд, повстанцам и агитаторам, бродячей молодежи...» А в заключение следовала фраза: «Всех евреев без исключения».

Массовые казни групп людей, определенных как «бродяги из числа молодежи», а также приведенные ранее определения «нежелательные элементы» дают поразительный пример того, насколько безграничным являлось поле деятельности для смертоносной косы палачей эйнзатцгрупп. Ссылка на евреев, которые «обманом смогли избежать заключения в лагерь», конечно, является отвратительным лицемерием, поскольку фраза «всех евреев без исключения» не давала права на жизнь никому из евреев.

Когда Эйхман в суде в Иерусалиме под давлением свидетельских показаний признал, что приказы о казнях евреев через повешение проходили через его руки, генеральный прокурор Хаузнер спросил его: «Какие преступления совершили эти евреи, чтобы быть повешенными?»

Всегда готовый уклониться от ответственности, спрятавшись в амбразуру субординации, Эйхман ответил:

«Я только передавал приказы Гиммлера по своим каналам».

Но вскоре этот путь был закрыт для Эйхмана судьей Ландау, который снова спросил: «Так какие преступления совершили эти евреи?»

На этот раз Эйхман ответил: «Я не помню».

Ему следовало бы ответить, что он не помнит, почему эти жертвы были повешены, а не расстреляны, как это было принято, так как не оставалось никаких сомнений в отношении того, за что эти люди были убиты: они были евреями!

Автор рапорта № 190 эйнзатцгруппы D под командованием Олендорфа отметил, что во второй половине марта 1942 г. было казнено 1501 человек, а затем добавил как бы между прочим: «Общее число расстрелянных составило 91 678 человек».

Несмотря на то что палачи эйнзатцгрупп (выполняя инструкции Адольфа Эйхмана) старались скрывать свои подвиги, заглушить звуки залпов их винтовок не удалось: человеческий живой телеграф безостановочно передавал ужасные истории об их деятельности. Командир эйнзатцкоманды 5 в городе Умани (железнодорожная станция южнее Киева) жаловался в группу IV B4 на то, что армейские власти неохотно ведут борьбу с нежелательными разговорами среди солдат. Как следствие, предупрежденным евреям удалось скрыться в городе. «Разговоры об акциях против евреев постепенно просачиваются по вине евреев, которым удалось спастись, русских, а также немецких солдат, которые ведут неосторожные разговоры». Тем не менее евреи, которым удалось было бежать, все равно были пойманы и казнены вместе с представителями населения близлежащих городов. Поэтому команда с легким сердцем могла отрапортовать: «Всего было казнено 75 881 человек».

До Эйхмана дошло, что теперь евреи были знакомы с тем, что в понятии немцев означает слово «переселение». Поэтому, услышав это слово, они при первой же возможности спешили скрыться. Если невозможно было бежать из города, пытались прятаться на чердаках и в

подвалах. Иногда они даже рыли себе убежища под полом в собственных домах. Эйхман рассылал директивы о том, как выслеживать таких беглецов. Из таких директив следовало, что в поисках евреев нужно было применять такие инструменты, как топоры, ножи и прочее. «Если в доме нет подвала, большое количество людей можно найти в пространстве между полом и землей. В таких случаях рекомендуется вскрывать полы, прибегать к помощи разыскных собак или применять гранаты. Это обязательно заставит евреев покинуть свое убежище. Желательно также исследовать землю вокруг с помощью жесткого прута, так как многие отрывают себе норы-убежища и снаружи тщательно их маскируют». Кроме того, Эйхман рекомендовал с помощью ласки и подарков узнавать у детей, где прячутся взрослые.

Невод забрасывали все шире и шире. В рапорте об обстановке и деятельности за январь 1942 г. на имя Эйхмана указывалось, что «очистка территории Белоруссии от евреев идет полным ходом. На настоящий момент, по данным гражданской администрации, количество евреев на этой территории составляет 139 тысяч человек. В то же время силами эйнзатцгрупп, тайной полиции и СД было расстреляно 33 210 евреев».

В рапорте от 10 августа 1942 г. на имя генерального уполномоченного на данной территории отмечается, что «в городе Минске 28 и 29 июля ликвидировано 10 тысяч евреев, 6500 из которых являлись евреями из России, в основном стариками, женщинами и детьми. Оставшиеся — это евреи, направленные в этот район на работы».

Но генеральный уполномоченный не был удовлетворен темпами «работ» в городах Барановичи и Ганцевичи. Он жаловался, что в Барановичах «только в самом городе находятся 10 тысяч все еще живых евреев», и требовал «принятия самых радикальных мер». Он обещал, что «в следующем месяце будут ликвидированы 9 тысяч евреев». Почему он решил оставить одну тысячу евреев еще на один месяц, так и осталось неясным.

Итак, в ясную погоду и в ненастье, в цветущую весну и при осеннем листопаде, при ярком солнце и глубоком

снеге эйнзатцгруппы продолжали собирать свой кровавый урожай. А в это время в штабе Эйхмана счетные машины шумно стучали в ночи, сводя воедино цифры, указанные в рапортах командиров эйнзатцгрупп и команд, переданные по радио, почтой или курьерской службой.

Крестьяне в грубой одежде, рыбаки в непромокаемых накидках, пропахших запахами моря, механики в комбинезонах, пропитанных машинным маслом, сапожники, от которых пахло ваксой и кожей, плотники со следами опилок на одежде, адвокаты, лишившиеся своих портфелей и бумаг, врачи, которых оторвали от больниц и пациентов, клерки с мятыми воротничками и лоснящимися манжетами, старики и старухи, опирающиеся на костыли и трости, молодые девушки, розовощекие, пышущие здоровьем и обещанием, маленькие дети, смеющиеся, кричащие или хныкающие, — всех их грузили в грузовики, направлявшиеся к общему для всех месту свидания, общей могиле в лесу.

Как бюллетени на выборах, цифровые данные о казнях стекались в отдел (группу) IV B4, а затем с характерной для тевтонской расы аккуратностью и любовью к порядку эти цифры сводились воедино и отпечатывались на ротаторах, копии направлялись указанным адресатам, а оригиналы подшивались в папки.

Но когда по окончании войны работа ротаторов была остановлена, так же как замолчали пулеметные очереди на фронтах, Эйхман внезапно понял, какой ценной является жизнь, особенно если речь идет о его жизни. Он быстро избавился от своего черного мундира СС, поменяв его на форму простого рядового солдата, сменил имя, воспользовавшись данными погибшего человека, и канул в неизвестность. Пока сотрудники ЦРУ обшаривали самые отдаленные уголки Европы в поисках его убежища, солдаты союзных войск вышли к самой вожделенной цели, сокровищнице Эйхмана, где он хранил документальные свидетельства того, что по его приказу делали с евреями. Сами документы были покрыты пылью и строительным мусором, но отпечатанные тексты читались без труда. Их смысл был так же ясен, как чудо-

вищен по своей сути. Пришло время, и эти документы появились в Нюрнберге, а потом и в Иерусалиме. В свое время ни сам Эйхман, ни командиры его эйнзатцгрупп даже представить себе не могли, что такое может быть возможно.

Несмотря на то что с точки зрения простой статистики нет большой необходимости продолжать цитировать рапорты палачей, невозможно не упомянуть доклад эйнзатцгруппы А от 15 октября 1941 г. После того как командир группы доложил об уничтожении в Литве 71 105 евреев, он составил сводную таблицу по количеству людей, уничтоженных его подразделением, подобно тому как филиал торгового дома информирует главный офис о деловых успехах, достигнутых к определенному дню.

Вот эти данные:

Общее кол-во	Евреи	Коммунисты	Итого
Литва	80 311	860	81 171
Латвия	30 025	1845	31 868
Эстония	474	684	1158
Белоруссия	7620		7620
	118 430	3387	121 817

К этим данным следует добавить:	
в Литве и Латвии во время погромов было ликвидировано	5500 евреев;
на территории России казнено евреев, коммунистов и партизан	2000 человек;
казнено умалишенных	748 человек
Итого с учетом исправлений	130 065
Ликвидировано евреев и коммунистов силами государственной полиции и службой безопасности «Тильзит» во время акций поиска	5502
Итого:	135 567

Разумеется, человеческий мозг не в состоянии воспринять ужасающую реальность гибели 1 миллиона человек (повторимся: на временно оккупированных территориях СССР было преднамеренно истреблено более 7 миллио-

нов человек гражданского населения, в том числе около 1 миллиона евреев. — *Ред.*), поскольку жизнь является главной ценностью человеческого сознания и существования, ее цена не поддается никаким реальным оценкам. Жизнь настолько выше размышлений ума, что только в смерти понимается вся ее бесконечная ценность. Потерю одного только человека могут впоследствии оценить лишь его выжившие родственники и друзья, которые намерены помнить о нем всегда. Но массовое истребление 1 миллиона человек вызывает такую бесконечную бурю эмоций, которую невозможно себе представить. Никто не может представить себе даже приблизительно те чувства, которые вызывает ужас смерти, помноженный на миллион раз (и тем более на 26,6 миллиона раз — столько советских людей в 1941—1945 гг. погибли и преждевременно умерли. — *Ред.*).

Для того чтобы привести некоторую интеллектуальную оценку размаха деятельности эйнзатцгрупп, читатель может разбить это количество — 1 миллион человек — на более легко воспринимаемые человеческим разумом группы людей. Можно, например, вспомнить о семьях, таких как семья Йосселевской, павшая под пулями палачей. Или, возможно, следует отвлечься от всего этого горького пафоса от убийства семьи из 8 человек и попытаться оценивать те события так, как об этом рассказал нам Герман Фридрих Грабе, вспоминая о еврейском погроме.

5 октября 1943 г. Грабе пришлось стать свидетелем массового убийства, осуществленного эйнзатцгруппой в городе Дубно, Западная Украина:

«Моника и я подошли прямо к ямам. Никто нас не останавливал. Теперь я слышал частые винтовочные выстрелы, которые доносились откуда-то с обратной стороны земляной насыпи. По приказу эсэсовца, в руке которого был кнут для верховой езды или собачий хлыст, люди, которых выгрузили из грузовиков — мужчины, женщины, дети разного возраста, — должны были раздеться.

Они должны были оставить свою одежду в указанных местах, отсортировав так, чтобы отдельно лежала обувь,

отдельно верхняя и нижняя одежда. Я видел гору обуви, примерно 800 или 1000 пар, огромные кипы нижнего белья и одежды. Без криков и плача голые люди стояли, собравшись семейными группами. Они целовали друг друга, прощались и ждали, когда другой эсэсовец, который тоже с хлыстом в руке стоял у края ямы, подаст команду.

В течение 15 минут, которые я простоял у ямы, я не слышал мольбы о пощаде или милосердии. Я видел семью из 8 человек: мужчина и женщина, оба примерно 50 лет, с детьми, примерно 1 года, 8 и 10 лет, и двумя взрослыми дочерьми, примерно 20 и 24 лет. Седоволосая женщина держала на руках годовалого ребенка, пела ему песню и поглаживала его. Ребенок ворковал от удовольствия. Супруги со слезами на глазах смотрели друг на друга. Отец держал за руку мальчика, примерно 10 лет, и что-то говорил ему мягким тоном. Ребенок боролся со слезами. Отец показал рукой на небо, вскинув туда голову. Казалось, он что-то объясняет своему сыну. В этот момент эсэсовец у ямы что-то крикнул своему товарищу.

Я заглянул в яму и увидел, что некоторые тела еще подергивались в агонии, в то время как головы уже лежали неподвижно на трупах тех, кого расстреляли прежде. Из шеи мертвых текла кровь. Я очень удивлялся, что никто не прогонял меня. Поблизости кроме меня стояли еще двое или трое в форме почтальонов. К яме уже приближалась очередная партия».

Глава 8

15 сентября 1947 г. перед залом суда в Нюрнберге предстал один из самых примечательных людей, которых когда-либо привлекали к суду в любой из стран мира. Красивый, уравновешенный, с мягкими, вежливыми манерами, он вел себя с естественным достоинством и проявлял все признаки незаурядного интеллекта. А во время допроса в качестве свидетеля он продемонстрировал та-

лант искусного рассказчика. Примерно 40 лет, высокий, с тонкими чертами лица и аккуратно причесанными темными волосами, он смотрел на мир своими проницательными серо-голубыми глазами. Он обладал прекрасным тембром голоса, ухоженными руками благородной формы, двигался грациозно и с чувством собственного достоинства. Единственным изъяном этой замечательной личности было то, что этот человек убил 90 тысяч человек.

Это открытие, если и повергло в состояние некоторого ужаса даже самых стойких, тем не менее не отвлекло их от созерцания стоящего перед ними человека. Казалось, каждый пытался найти в нем что-то, что свидетельствовало бы о его злодействах. Посетители, прежде чем сесть, чуть ли не сворачивали себе шею в направлении места на помосте подсудимых, где сидел пленник. Несмотря на окрики охраны, они продолжали тыкать указательными пальцами в направлении Отто Олендорфа, спрашивая друг друга, этот ли человек убил 90 тысяч человек. Собравшиеся в зале заседаний женщины бросали на него восхищенные взгляды, а некоторые даже пытались передавать обвиняемому записки, в которых выражали это восхищение и ободряли его.

Участники и очевидцы судебных процессов над военными преступниками в основном сходились в том, что после Германа Геринга самым значительным лицом среди всех обвиняемых являлся Отто Олендорф. Как и пресловутый министр финансов рейха Ялмар Шахт, среди всех узников Нюрнберга Олендорф обладал самым высоким показателем IQ. Он родился в Ганновере, окончил университеты в Лейпциге и Геттингене, был преподавателем политологии. Олендорф рано присоединился к движению нацистов и продемонстрировал такие таланты, которые позволили быстро продвигаться наверх в нацистской иерархии. Когда структура эйнзатцгрупп находилась только в стадии формирования, он возглавил III группу РСХА. В качестве руководителя этого подразделения он часто встречался с Эйхманом и заместителем Гейдриха Шелленбергом. Оба дали Олендорфу самые лестные рекомендации перед

Гейдрихом. Так, в возрасте 34 лет, имея звание генерал-майора (бригадефюрер) всемогущих Schutzstaffeln, или СС, как кратко называли эту элитную гвардию Гитлера, он возглавил эйнзатцгруппу D, которой суждено было покрыть себя соответствующей славой и кровью на Крымском полуострове и в других отдаленных областях на востоке.

Магическое ощущение абсолютной власти, которую дает высокое воинское звание, никогда не оставляло молодого генерал-майора. Даже на суде Олендорф, казалось, продолжал носить на плечах невидимые погоны, и он, несомненно, пронес их до самой могилы, эти символы, перед которыми однажды склонилась большая часть Европы и перед которыми продолжала сгибаться в поклоне почтения и страха.

Даже после того, как немецкая армия прекратила сопротивление, но он еще не находился в плену, Олендорф спорил с Гиммлером по поводу того, следует ли ему сдаться союзникам. Рассказ об этом эпизоде в ходе заседания суда 8 октября 1947 г. заставил меня спросить подсудимого: «Но когда вы говорите, что 9 мая вы обсуждали вопрос о том, следует ли вам отправиться в плен к союзникам, это очень походило на то, как мышь собирается отправиться к коту. Вы уже сдались к тому времени».

Но он не считал, что тогда уже сдался, поскольку все еще существовало правительство во Фленсбурге (здесь, на севере Шлезвич-Гольштейна у границы с Данией, до 23 мая 1945 г. существовало так называемое «правительство Дёница», которому Гитлер завещал власть. По требованию СССР ставка Дёница была распущена, а сам он вместе со своими министрами и офицерами арестован англичанами. — *Ред.*). Таким образом, настаивая на своем официальном статусе представителя этого правительства и офицера СС, он обратился к представителям союзников с просьбой о собственном аресте. И он проделал это три раза.

«Когда это случилось? Какого числа?»

«Это было 23 мая».

«Итак, они сделали вам одолжение, арестовав вас».

Без тени улыбки он ответил: «Да, это случилось 23 мая».

Будучи обвиняемым, Олендорф, как и Геринг, разыграл целый спектакль, который, как на театральных подмостках, должен был произвести переполох среди зрителей по обе стороны океана. От него не укрылось ни одной подробности судебного процесса. Он усердно отслеживал любое противоречие в показаниях свидетелей, гримасничал, когда дело шло не так, как он того хотел, улыбался, когда показание свидетеля нравилось ему, ворчал на своего адвоката, когда ему казалось, что тот действует недостаточно активно, и выражал явное неудовольствие, когда кто-то из его коллег-подсудимых невнятно что-то мямлил, находясь на месте дачи свидетельских показаний. К судьям Олендорф относился подчеркнуто уважительно. Каждое утро, занимая свое место на помосте подсудимых, он отвешивал церемонный поклон в сторону судейского состава, а каждый вечер, покидая свое место и отправляясь спать в камеру, он с улыбкой доброжелательно произносил: «Auf Wiedersehen!» И конечно же в одиночной камере его не мучили призраки и кошмарные сны о тех, кого он приказал умертвить.

На его лице не дрогнула даже ресница, когда обвинитель Питер Уолтон провозгласил, что подразделение Олендорфа «убивало в среднем по 340 человек в день», но в период с 16 ноября по 15 декабря 1941 г. это число достигало в среднем «700 человек ежедневно в течение всех 30 дней».

Находясь на месте для дачи свидетельских показаний, Олендорф в оправдание этих убийств примерял на себя многочисленные роли различных актерских амплуа на сценических подмостках. Иногда он казался Гамлетом, погруженным в глубокую печаль и раздумья, потом гордо выпрямлялся, подобно Макбету, смело сделавшему последнюю ставку и рассчитывавшему на окончательную победу. Когда он скрещивал шпаги в поединке с членами группы обвинения, он блистал искрометным остроумием, к удовольствию и восхищению своих коллег-подсудимых. Олендорф занимал особое положение в списке из 23 человек как обвиняемый № 1 не только потому,

что сидел с краю на помосте обвиняемых, но и благодаря своему бесспорному интеллектуальному превосходству над ними и необычайному хладнокровию. Только опасались его коллеги-обвиняемые: Олендорф был честен в математических вычислениях. И если бы им пришлось, следуя его примеру, признать все статистические данные по убийствам, а Олендорф безоговорочно согласился с тем, что его люди отправили в лучший мир 90 тысяч человек, то как после этого они могли рассчитывать на снисхождение?

С гордо отведенными назад плечами, с убедительным голосом архитектора, под руководством которого строились египетские пирамиды, Олендорф рассказывал со свидетельского места, иногда прерывая свое легко льющееся повествование глотком воды из стакана, как, будучи командиром эйнзатцгруппы D, он со своими подчиненными следовал за немецкими войсками через Бессарабию (Молдавию) и Крымский полуостров, выполняя распоряжения своего вождя и повелителя Адольфа Гитлера по осуществлению геноцида.

Он не испытывал удовольствия от всего этого, объяснял он тоном сознательного родителя, которому пришлось наказать непослушное дитя. Он говорил, что в этом состоял его долг. А затем, разбавив свой голос нотками жалости к себе, замечал: «Ничто не доставляет таких душевных мук, как необходимость расстреливать беззащитное население».

Но его яркий призыв к сочувствию и оправданию оставил глухими уши обвинителей. Во время перекрестного допроса профессор Хит заметил в ответ: «Хуже может быть разве что подвергнуться расстрелу самому». И затем Хит саркастическим тоном закончил: «будучи беззащитным».

Но Олендорфа это, казалось, совершенно не обескуражило.

«Я могу представить и худшее, например умереть от голода!» — произнес он скрипучим голосом.

Хит встал из-за стола обвинителей и подошел к обвиняемому. С наушниками на голове он казался еще выше

ростом. Олендорф, на голове которого красовался тот же аксессуар, стал еще более внушающей ужас фигурой в том горячем поединке. Переводимый спор через наушники мог тут же услышать каждый из посетителей зала суда. Стороны перестреливались вопросами и ответами со скоростью теннисных мячей, и почти не чувствовалось, что противники кричат друг на друга на разных языках.

Жертвами Олендорфа были в основном евреи, но его люди убивали и цыган.

«На каком основании вы убивали цыган?» — спрашивал прокурор Хит.

«Здесь тот же случай, что и с евреями», — отвечал Олендорф.

Поскольку нацисты провозгласили теорию высшей расы, Хит вложил все свое презрение к этой теории в вопросе из одного-единственного слова: «Кровь?»

Олендорф ответил: «Я могу добавить из своего собственного знания истории Европы, что евреи на протяжении европейских войн регулярно занимались шпионажем в интересах всех сторон».

Хит посмотрел на меня, как бы желая убедиться в том, что аппаратура перевода находится в рабочем состоянии. Ведь он задал вопрос о цыганах, а Олендорф продолжал говорить о евреях. Я указал Олендорфу на то, о чем спрашивал Хит. Сделав рукой жест пренебрежения, Олендорф ответил: «Между евреями и цыганами нет разницы. В те времена в отношении евреев действовали те же порядки. Как я добавил в своем пояснении, из европейской истории известно, что евреи на протяжении всех войн выполняли шпионские задания для обеих воюющих сторон».

Я снова напомнил обвиняемому: «Ну, то, что мы сейчас пытаемся сделать, — это узнать, что вы собираетесь сказать по поводу цыган, но вы постоянно возвращаетесь к вопросу о евреях. Господин Хит спросил про цыган. Говорит ли европейская история что-нибудь об участии цыган в европейской политике и войнах?»

Олендорфу нравилось заглядывать в книги по истории.

«Конкретно о цыганах. Я хотел бы обратить ваше внимание на собрание трудов, посвященных Тридцатилетней войне, авторами которых являются Рикардо, Гук и Шиллер...»

Поскольку тридцатилетняя война велась в 1618—1648 гг., я не мог не вмешаться: «Это слишком далекий пример для того, чтобы оправдать убийства цыган в 1941 г., не так ли?»

То, что, оправдывая свои убийственные злодеяния, он приводит в качестве причины события 300-летней давности, нисколько не смущало бывшего генерала СС.

«Как я пояснил, частично причина принятия тех решений лежала и в событиях тех времен».

Так что же было действительной причиной убийств евреев и цыган? Олендорфа почти раздражали такие вопросы. Но это же была мера самообороны, пояснял он таким тоном, будто говорил о таких же очевидных вещах, как то, что земля круглая. Евреи представляли собой постоянную угрозу для немецких оккупационных войск. К тому же однажды они сами могли напасть на немцев, и чувство самосохранения диктовало необходимость их уничтожения, пока они не начали наступление на Берлин.

Хита не удовлетворил этот аргумент. Предположим, заявил он, что евреи Бессарабии, Крыма и Украины с винтовками на плечах выступили против немцев. Предположим, что жены выступят вместе с ними. Но как же быть с еврейскими и цыганскими детьми? Хит задал этот вопрос Олендорфу громоподобным голосом.

Но Олендорф невозмутимо ответил: «Согласно приказу их следовало убить, как и их родителей».

Хит подался вперед со свидетельского места, попытавшись справиться с гневом, вызванным равнодушием, с которым Олендорф говорил об убийствах детей. Затем, быстро развернувшись, он снова обрушился на подсудимого: «Можете ли вы объяснить трибуналу, какую ощутимую угрозу безопасности вермахта, по вашему мнению, могли нести дети?»

Олендорфа удивило то, что Хит так долго задерживается на этом вопросе.

«Боюсь, что не могу ничего добавить к тому, что сказал в ответ на ваш предыдущий вопрос. В моей компетенции не было определение степени угрозы. В приказе говорилось, что все евреи, включая детей, представляли угрозу для безопасности этих территорий»[1].

Хит повысил голос, который теперь стал подобен грому: «Согласны ли вы, что не было абсолютно никаких реальных причин для убийства детей, за исключением того, что здесь речь идет о геноциде с целью уничтожения целого народа?»

Атмосфера в зале заседаний накаляется: все предчувствуют, что сейчас последуют какие-то ужасающие разоблачения. Можно заставить себя смириться с самыми злодейскими сценами, но целенаправленные убийства невинных детей глубоко ранят сердца людей и одновременно вызывают чувство недоумения. И Олендорф не разочаровывает ожидания аудитории, которая в беспомощном шоке выслушивает его холодный ответ: «Я полагаю, это легко объяснить с той точки зрения, что речь идет о достижении не временной, а постоянной безопасности. Ведь дети со временем вырастут и станут взрослыми. И поскольку они являются детьми тех, кто был уничтожен, в будущем станут представлять не меньшую опасность, чем их родители».

Хит застывает, чтобы дать возможность шоку пройти самому по себе. Затем он переходит к следующему вопросу. Однако по тому, как вытянулось его лицо, ясно, что он все еще думает о детях, которых следует убивать, чтобы, став взрослыми, они не попытались отомстить убийцам своих родителей. В этом высказывании содержится чистая логика, прямо как у Аристотеля, даже чересчур совершенная логика. Но и в ней должна где-то скрываться трещина, поэтому Хит переходит к допросу своего очаровательного, как сама смерть, обвиняемого: «Возвращаюсь к вопросу об убийствах детей во время

---

[1] Обвиняемый Эрвин Шульц также заявил по этому поводу: «Было приказано в случае необходимости расстреливать еврейских женщин и детей для того, чтобы избежать возможных актов мести».

массовых казней в России. Я полагаю, что вы все еще не ответили на мой вопрос. Какую непосредственную угрозу войскам вермахта могли нести дети возраста, скажем, менее пяти лет?»

Олендорф заявляет, что уже ответил на этот вопрос, поэтому, чтобы помочь Хиту, я суммирую все пояснения Олендорфа по этому поводу: «Свидетель заявил, что дети младше пяти, четырех, трех и так далее лет, как я понял, были убиты, потому что могли представлять собой угрозу для Германии в будущем. Таков его ответ, и он настаивает на нем».

Но Олендорф все же не был совсем бессердечным человеком. Была одна вещь, которая при массовых убийствах детей все же задевала его чувства. Некоторые из его подчиненных имели семьи и детей. У самого Олендорфа их было пятеро. Когда палачи смотрели на беспомощных малышей, в сторону которых были направлены стволы их винтовок, они часто вспоминали собственных маленьких мальчиков и девочек и иногда намеренно стреляли мимо. После этого командир команды или взвода вынужден был ходить с пистолетом или карабином и лично расстреливать плачущих малышей, извивающихся на земле. Это было совсем не по-военному. Точно так же солдаты часто стреляли мимо, когда приходилось расстреливать женщин, потому что в такие моменты они думали о своих женах, дочерях, сестрах и матерях, находившихся где-то далеко.

Олендорф обсудил этот вопрос со своим другом Эйхманом. Тот обратился в транспортный отдел (Amt II), который после этого снабдил сентиментальных убийц газвагенами. Эти транспортные средства внешне были похожи на крытые грузовики-фургоны. По бокам находились закрашенные окна, изображения цветочных горшков там, где должны были находиться окна, еще более усугубляли обманчивое впечатление. Приятные с виду автомобили подъезжали к томящимся в ожидании матерям с их отпрысками. Им говорили, что их отвезут к мужьям и отцам. Олендорф так описал эту процедуру: «По виду фургона невозможно было определить, для ка-

ких целей он использовался, и людям говорили, что их будут перевозить на новое место, поэтому люди без колебаний садились туда».

Итак, обрадованные женщины садились в фургоны, держа детей за руки или на руках. При этом некоторые улыбались, другие плакали, но все были рады поездке, после которой они окажутся далеко от жестокостей и гонений. Там они смогут начать жизнь заново на другой земле, рядом и под защитой своих сильных мужей, которые, как им сказали, уже готовят им радостную встречу.

Как только ничего не подозревающие переселенцы оказывались внутри, двери автоматически и герметично закрывались. Водитель нажимал на педаль акселератора, и внутрь подавались выхлопные газы (в которых, как известно, много окиси углерода (CO) — так называемого угарного газа. — *Ред.*). Женщины кричали, когда их дети падали на пол или умирали прямо у них на руках, но прежде, чем они могли спасти их или помочь восстановить дыхание, смертельный газ через легкие быстро проникал в кровь. И вскоре движущийся фургон превращался в «карету мертвецов». К тому времени, когда машина прибывала к месту назначения, как правило глубокому рву где-то за городом, все пассажиры были уже мертвы. Там они действительно присоединялись к своим мужьям и отцам, которые на самом деле ожидали их на новом месте, куда их доставили раньше с помощью автоматов и винтовок члены удивительной организации под названием эйнзатцгруппа.

Олендорфа спросили, сколько времени требовалось для того, чтобы умертвить обитателей газвагена. Бывший генерал поднес руку ко лбу, как будто пытался ускорить работу своей памяти. Об этих подробностях он, похоже, никогда раньше не задумывался. Наконец он снова опустил руку и произнес: «Насколько я помню, примерно десять минут».

Иногда газвагенов (в русском народе газвагену дали прозвище душегубка. — *Ред.*) не хватало на всех нуждающихся, но Олендорф всегда старался оказывать своим подчиненным посильную помощь.

«Если нам поступало три запроса, мы отправляли два фургона тем командам, перед которыми были поставлены более масштабные задачи. Все решалось просто и по-деловому».

Для эйнзатцгрупп было простым все то, что касалось применения этих дьявольских машин смерти. В переписке между командирами эйнзатцгрупп и их шефами в РСХА о газвагенах рассуждали с той же невозмутимостью, будто речь шла о простых грузовиках для перевозки угля. К тому же, принимая во внимание извечное немецкое стремление все фиксировать документально, не было недостатка в докладных записках, касавшихся этих смертоносных машин. В бесчисленных папках хранились копии писем, накладных, смет, счетов на ремонт и т. д., в которых речь шла о душегубках. В одном из писем от сотрудников тайной полиции и службы безопасности восточных территорий от 15 июня 1942 г. содержался запрос на срочную поставку одного такого автомобиля грузоподъемностью 5 тонн и 20 газовых шлангов на замену вышедших из строя во избежание возможной задержки в «специальной обработке» евреев.

В письме, датированном 16 мая 1942 г., унтерштурмфюрер (лейтенант) СС Беккер дает ряд практических рекомендаций по обращению с этой смертоносной техникой. Он пишет, что многие водители продемонстрировали неумение правильно применять газ. «Для того чтобы конец наступил как можно скорее, водитель сразу же полностью нажимает на педаль акселератора. В результате смерть лиц, находящихся внутри, наступает от удушья, а не во сне, как планировалось. По моим наблюдениям, при правильном пользовании педалью газа смерть наступает быстрее, узники просто мирно засыпают».

На практике, однако, оказалось, что здесь было необходимо нечто большее, чем просто навыки в управлении педалью подачи выхлопных газов. Поэтому при РСХА была открыта школа, где проходили обучение водители газвагенов.

Сами такие фургоны строили в Берлине, затем они своим ходом следовали в районы использования. Было бы

интересно проследить за мыслями их водителей, когда они проезжали, пересекая города и страны, пол-Европы, взбирались на горы, оставляли за собой равнины, преодолевали со своими смертоносными газвагенами, заменившими гильотины, многие тысячи километров, чтобы убивать женщин и детей, которых они никогда не видели и не знали прежде.

Хотя газвагены давали палачам то преимущество, что им не приходилось смотреть своим жертвам в глаза, убивая их, они разочаровывали в другом отношении. Когда казнь осуществлялась методом простого расстрела, «работа» выполнялась быстро, так как тела падали в заранее отрытые ямы-могилы. В случае применения газовых камер на колесах приходилось извлекать трупы из фургонов и хоронить их. В машине сохранялись остатки газа, проблемой являлись и сами трупы, если их было много. Палачи жаловались на головные боли. Как жаловался в своем официальном рапорте Беккер, процесс разгрузки тел из фургонов «доставлял дополнительные психологические проблемы и наносил вред здоровью» сотрудников, привлекаемых к этим работам.

Олендорф держал в своем штате доктора, задачей которого было залечивать такие «психологические травмы» и заботиться об общем состоянии здоровья подчиненных. Иногда доктора привлекали для того, чтобы убедиться, действительно ли находившиеся в фургоне узники были мертвы, прежде чем они будут захоронены. Однако вскоре выяснилось, что в этом не было необходимости: по словам Олендорфа, «доктор после осмотра говорил, что люди погибали легко и без страданий».

Олендорф заявил трибуналу, что на протяжении всей своей карьеры нациста им двигали только самые высокие идеалы и этика. Это заставило Хита задать подсудимому вопрос, считал ли он законы, принятые Гитлером против евреев и других групп населения на оккупированных территориях, соответствующими нормам морали.

«Было ли это оправданно с моральной точки зрения или это было неправильно?»

В ответ Олендорф заявил, что рассуждать о намерениях Гитлера было не его делом.

«Я не прошу вас дать оценку моральных качеств Гитлера; я прошу вас пояснить собственную концепцию морали. Вопрос состоит не в том, следовал ли Гитлер нормам морали, а в том, как этот приказ соотносится с вашими собственными соображениями о морали. Был ли тот приказ моральным или аморальным?»

Нисколько не обескураженный и не потерявший былой уверенности в себе, похожий на прусского фельдмаршала на параде, Олендорф тем не менее понимал, что дискуссия о вопросах морали все же не сделает его похожим на того спартанца, что храбро и честно выполнял приказы командиров, которым должен был повиноваться безоговорочно. Поэтому он снова повторил, что не его делом было оценивать моральные качества Гитлера и его поступков. Но Хит настаивал на своем вопросе и обратился с этим к суду. Я повернулся к Олендорфу: «Когда вам отдавали приказ о том, что вы должны были приступить к планомерным убийствам, вы должны были инстинктивно оценить его. Солдат, идущий в бой, знает, что ему придется убивать, но он знает, что вступает в бой с таким же вооруженным противником. Вам же предстояло убивать беззащитных людей. Неужели вопрос оценки этого с точки зрения морали не приходил вам в голову? Давайте представим, что (я не имею намерения оскорбить вас этим вопросом) приказом вам предписывалось бы убить свою сестру. Неужели вы не дадите этому приказу моральную оценку в том смысле, правильно ли это или неправильно с моральной, а не с военной или политической точки зрения? Соответствует ли это понятиям гуманности, совести и справедливости?» Олендорф слегка повернулся в кресле свидетеля. Его взгляд блуждал по залу суда. Его рука конвульсивно сжималась и разжималась. Он сознавал, что человек, который убьет собственную сестру, в результате превратится в нечто меньшее, чем человек. И напротив, если бы он ответил, что он бы отказался выполнить такой приказ, он опроверг бы собственное утверждение, что у него не было

выбора, кроме как повиноваться приказам вышестоящего командования. Поэтому Олендорф ответил уклончиво: «Я не хотел бы, ваша честь, рассматривать этот случай в отрыве от прочих».

И чтобы не выдать той тревоги, которую вызвал в нем этот вопрос, он попытался провести параллель с немецкими мирными гражданами, которые были убиты в результате авиационных налетов союзников (кстати, цифра сопоставима — не менее 600 тысяч немцев погибло в тылу от бомбежек союзной, большей частью английской авиации. — *Ред.*), а затем снова провозгласил: «Я не готов и не вправе сегодня давать моральную оценку того приказа».

Но Хит не был удовлетворен этим и не собирался позволить, чтобы вопрос так и повис в воздухе без ответа. Он поставил вопрос таким образом: как Олендорф повел бы себя, получив прямое указание сделать что-то, что было бы для него трудновыполнимым.

«Если бы вы получили от Адольфа Гитлера приказ убить того, в ком течет ваша родная кровь, выполнили бы вы его или нет?»

Олендорф парировал удар: «Я полагаю, что этот вопрос является несерьезным». Но на самом деле вопрос далеко не казался Олендорфу таким уж несерьезным. Кроме пятерых детей, у него были сестра и два брата.

Хит продолжал свой жестокий допрос: «Итак, я понял, что, если речь идет об одном человеке и о приказе его убить, здесь возникает почва для размышлений о моральном аспекте этого приказа. Если же дело касается тысячи людей, то в данном случае речь идет лишь о цифрах?»

Бледное лицо Олендорфа стало белым, как пергамент, когда он сердито ответил: «Господин обвинитель, я думаю, что только вы один истолковали мой ответ подобным образом. И здесь речь ни в коей мере не идет об одном лице. Давно произошедшие в истории события привели в том числе и к тому, что совершалось в России, и вы требуете от меня дать моральную оценку всего этого исторического процесса. Однако я отказываюсь давать

ее по причинам, которые изложил выше. Так подсказывает мне моя совесть».

Хит продолжал наступление еще более активно: «Предположим, вы нашли в Советской России свою сестру, и она оказалась причисленной к той категории людей, например к цыганам. Она оказалась даже не еврейкой, а членом цыганского табора. И вот ее приводят к вам для того, чтобы вы осудили ее на казнь за принадлежность к группе цыган. Как бы вы поступили в этом случае? Она оказалась там в ходе исторического процесса, как вы об этом говорили».

Олендорф попытался тянуть время. Подмигнув, он дал своему адвокату сигнал, чтобы тот вмешался. Доктор Ашенауэр, высокий, темноволосый, в своей длинной черной мантии, несколько походил на актера шекспировских времен; вот он картинно встал и, выражая протест своего клиента, продекламировал: «Я возражаю против этого вопроса и прошу не принимать его. Это не вопрос для перекрестного допроса».

Обвинение настаивало на своем вопросе. Олендорф выражением лица призывал адвоката не снимать протест. Ашенауэр поднял руку в черном рукаве мантии и повернулся к суду: «Я прошу, чтобы суд принял решение по поводу моего возражения».

Я посоветовался со своими коллегами, и мы приняли решение, что обвиняемый должен ответить на этот вопрос.

Я объяснил Олендорфу, что вопрос, конечно, был необычным и, конечно, не должен был быть задан в суде, но в данном случае речь идет не о простом заседании суда, а о процессе, где одной из сторон предъявлено обвинение в убийстве 90 тысяч человек. А при этих обстоятельствах вопрос был правомерен, поскольку ответ на него должен был пролить свет на то, как обвиняемый лично относился к приказу фюрера.

Но Олендорф все же не был убежден в том, что должен отвечать на этот вопрос. Мне пришлось пояснить, что подсудимый признал приказ фюрера как направленный на убийство беззащитных людей.

«Вы признаете, что при нормальных обстоятельствах такой приказ считался бы невероятным и невыполнимым, но, по вашим же словам, сложившиеся обстоятельства не были обычными. И поэтому то, что в нормальной обстановке было бы воспринято с испугом и осуждением, в тех обстоятельствах было расценено как необходимый долг».

Далее я решил все же добиться от подсудимого ответа на вопрос, заданный Хитом: «Предположим, что при выполнении своего служебного долга вам пришлось столкнуться со случаем, когда среди сотен незнакомых людей было необходимо принять решение о казни кого-то, кого вы хорошо знали».

Олендорф колебался только одно мгновение, а затем, бросив мимолетный взгляд на Хита, которым, казалось, готов был смахнуть его из зала суда куда-нибудь подальше, он во всеуслышание объявил, что при таких обстоятельствах ему пришлось бы действительно расстрелять свою сестру: «Если бы это было продиктовано обстоятельствами, которые вписываются в рамки приказа и являются абсолютно необходимыми с военной точки зрения, мне пришлось бы исполнить приказ».

Несмотря на то что Олендорф был готов расстрелять по приказу Гитлера собственную сестру, он объяснил, что испытывал бы те же чувства при необходимости расстрела кого бы то ни было. Он не испытывал вражды по отношению к осужденным.

«Я никогда не ненавидел противника и любого врага и не испытываю этого сейчас», — заявил он, обратив свой взор на журналистов, сидящих в кабине прессы, будто призывал общественное мнение подтвердить его моральную щепетильность.

Он убивал евреев и цыган за их историческую вину, будь то в настоящем или прошлом, но он не испытывал к ним злобы. Фактически тем самым он признал, что испытывал некоторую антипатию к приказу Гитлера, который требовал от него убивать безоружных гражданских лиц. Это послужило причиной следующего вопроса: «А не могли бы вы после некоторого периода попытать-

ся уклониться от выполнения этого приказа, например по болезни?»

Он застыл в кресле свидетеля, как бы показывая на невидимые погоны у себя на плечах.

Может быть, председатель суда пытается оскорбить его?

«Если бы я отказался от моей должности, тем самым я предал бы своих подчиненных», — заявил он ледяным тоном.

Проявляя трогательную заботу о благополучии своих солдат, он и мысли не допускал о том, что, если он покинет свой пост, его место будет занято другим, кто будет таким же «чутким и заботливым». Все более громким голосом, полным гордости и морального удовлетворения, Олендорф добавил: «Несмотря ни на что, я считал это своим долгом и продолжаю думать сегодня, что это понятие долга является более высоким, чем дешевые аплодисменты, которые мог бы заслужить, если бы в то время предал своих людей, прикрывшись несуществующей болезнью».

Позже, на следующем допросе, Олендорф признался, что еще до суда он предвидел, что его могут спросить, почему он не стал прятаться, симулировав болезнь, для того чтобы избежать выполнения того, что, по его собственным словам, он не хотел делать. Поэтому ответ был у него готов заранее. Но каким бы проницательным ни был Олендорф, это не спасло его от необходимости сделать еще более убийственное признание в момент, когда он не ожидал обвиняющего вопроса. Если его совесть действительно беспокоили факты убийств безоружных людей, у него были возможности другим способом избежать работы убийцы, не симулируя болезнь. Его эйнзатцгруппа действовала в зоне ответственности немецкой 11-й армии, с командованием которой он имел указание сотрудничать. Похоже, командующий армией был не такого высокого мнения об офицерах СС, так как позднее между ним и Олендорфом возникли трения. Олендорф рассказывает об этих разногласиях так: «Меня вызвали к начальнику штаба полковнику Велеру. Он принял меня

со словами, что, если взаимодействие между армией и моими людьми не улучшится, он будет ходатайствовать, чтобы меня отозвали в Берлин».

Когда он закончил свой пространный рассказ, я спросил его: «Неужели вы настолько зависели от рекомендаций представителей армии, что рапорт того офицера в Берлин мог бы действительно привести к вашей отставке, как он угрожал?»

Олендорф ответил уверенно: «Конечно да».

И этим Олендорф взорвал всю собственноручно построенную систему защиты. Если ему действительно внушала отвращение мысль отдавать приказы о расстрелах безоружных людей, ему следовало попросту отказаться взаимодействовать с армией, и он сразу же оказался бы на пути домой за новым назначением. Но этот высокомерный офицер предпочел быть униженным представителями армии, но не покинуть желанного поста командира эйнзатцгруппы D, которая достигла впечатляющих успехов, уничтожив 90 тысяч человек. Его больше интересовало мнение о себе со стороны своего друга и начальника Адольфа Эйхмана, который несколько раз приезжал к нему, чем заботы о жизни и смерти невинных людей.

Пытаясь оправдать себя за убийства детей, которые, став взрослыми, могли бы отомстить своим палачам, Олендорф заявил, что в этом смысле и страны-союзницы являются виновными, так как в результате ударов союзной авиации погибло большое количество немецких детей. На такой аргумент Хит заметил: «Вы пытаетесь приравнять морально летчика бомбардировщика, который сбрасывает бомбы, надеясь, что они не попадут в детей, и себя, который намеренно их расстреливал? Это, по-вашему, честно с точки зрения морали?»

Олендорф не стал уклоняться от ответа: «Самолеты систематически бомбили плотно застроенный город, метр за метром, используя зажигательные и фугасные бомбы, а потом снова фосфорные бомбы, и так дом за домом. Я видел в Дрездене нечто подобное на площадях, где ютились беженцы. И эти люди, как вы говорите, на-

деялись не нанести вреда гражданскому населению и детям».

В этом пункте Хит потерпел поражение.

«Я признаю, что в ваших словах может быть правда, хотя я никогда не видел этого». Но он подчеркнул, что Олендорф затронул лишь часть общей мрачной картины. «Не приходило ли вам в голову, что, когда ваш вермахт без всякого повода вошел в Польшу и когда вы вторглись в Норвегию и в Нидерланды, когда вы разгромили Францию, а затем разрушили Белград в Югославии и покорили Грецию, когда вы подмяли под себя Румынию, Болгарию, а затем пытались уничтожить Россию, люди, решившиеся выступить против вашей тирании, находятся на более высокой ступени морали, чем вы? Даже когда им, для того чтобы покончить с вашим господством, приходится совершать такие же ужасные поступки, которые первыми начали совершать вы? Ответьте на этот вопрос, пожалуйста».

Олендорф не стал медлить с ответом: «Поймите, что я смотрю на события военных действий, о которых вы упомянули, с других позиций, не так, как вы».

В этом и заключалась главная проблема Олендорфа и тех, кого он защищал: он и другие офицеры СС смотрели на мир не так, как остальное человечество. Олендорф отказывался признавать, что авиация бомбила города, в пределах которых располагались заводы по производству боеприпасов, другие предприятия, железнодорожные станции, телеграф и почта. И целью летчиков было разрушить все эти объекты, чтобы сокрушить военную мощь врага. Конечно, при выполнении такого рода операций неизбежно случается, что гражданские лица гибнут так же, как и военные. (Союзная, прежде всего английская, авиация целенаправленно бомбила именно гражданские объекты, исторические города, жилые кварталы — с целью подавить способность немцев к сопротивлению. И эта цель была главной, а уже на втором плане — промышленные и военные объекты, которые тем более были лучше защищены. — *Ред.*) Это тяжелый, но неизбежный итог вооруженной борьбы. Но при этом гражданские лица не

являются целями, на которые направлены удары (именно они и были целями — например, в Дрездене. — *Ред.*). Допустим, бомба, нацеленная на железнодорожные пути, попала в дом, расположенный по соседству, и в том доме погибли люди. Это абсолютно разные вещи, как фактически, так и с точки зрения закона, по сравнению с тем, когда вооруженные силы маршируют вдоль тех самых железнодорожных путей и попутно входят в те самые дома, вытаскивают оттуда мужчин, женщин и детей, принадлежащих к определенной расе, и расстреливают их.

Олендорф презрительно заметил, что всякий, кто использовал атомную бомбу, обязательно виновен в убийствах беззащитных гражданских лиц (хороший ответ. Хиросима и Нагасаки — типичные акты устрашения. — *Ред.*).

«Тот факт, что отдельным людям приходилось, стоя лицом к лицу, убивать представителей гражданского населения, считается особенно ужасным и выглядит особенно отвратительным, потому что в приказе военные получили четкие указания убить этих людей. Я не могу дать моральную оценку этому факту, как и факту того, что было признано возможным совершать такие поступки, когда простым нажатием кнопки можно было убить гораздо большее количество гражданских лиц: мужчин, женщин и детей. Я не могу даже выставить этих людей на суд будущих поколений и сравнить их действия с действиями конкретных людей, которые, руководствуясь такими же целями войны, были вынуждены расстреливать конкретных людей. Я считаю, что придет время, когда эти моральные преграды в достижении целей войны вовсе исчезнут...»

Несомненно, изобретение атомного и водородного оружия, а также баллистических ракет добавило забот человечеству. Но атомные бомбы, сброшенные во время Второй мировой войны, все же не были направлены на представителей определенных этнических групп. Как и всякая другая авиационная бомба, они были использованы для того, чтобы преодолеть военное сопротивление и заставить противника поскорее сложить оружие.

Поэтому, какой бы ужасающей ни была такая акция, как бомбежка с воздуха, с применением как обычных,

так и атомных бомб, ее единственной целью является заставить нацию, на которые эти бомбы обрушились, капитулировать. Если этот народ сдается, тут же прекращаются бомбежки и останавливаются убийства. К тому же город вообще может избежать бомбежек, объявив себя открытым городом. Что касается деятельности эйнзатцгрупп, здесь ситуация была совсем иной. Даже если народ, среди которого жили евреи, спускал свой государственный флаг, евреев все равно продолжали истреблять. Ни один из обвиняемых не осмелился заявить, что в случае победы Германии над странами-союзницами убийства евреев прекратились бы.

За все время, пока продолжался судебный процесс, защите не удалось привести ни одного факта, который доказывал бы, что убийства евреев каким-то образом ослабляли или уменьшали военную мощь противника. Никому не удалось продемонстрировать, как в результате массовых убийств безоружных людей можно было способствовать победе Германии в войне. Уничтожение мужчин, женщин и детей, объявленных «неполноценными», не оказало никакого влияния на события на фронте.

Например, Олендорф в качестве одной из причин убийств евреев в Советском Союзе приводил тот факт, что «соотношение количества евреев в общем населении России, в сравнении с их представительством в высших органах власти, было очень и очень небольшим». Он подчеркивал, что «до 90 процентов должностей в административных и государственных органах Крыма были заняты евреями. Таким образом, нам было ясно, что еврейство в большевистской России играет непропорционально важную роль». Точно таким же аргументом пользовались и в самой Германии, чтобы оправдать лишение евреев гражданства и собственности, наложить на них множество других наказаний, что было не просто актом беззакония, но и проявлением варварства. Но у Олендорфа явно не было права и обязанности в России или где бы то ни было с помощью расстрельных команд уравнивать представительство в официальных органах евреев и неевреев, даже если предположить, что

данные его статистики были верными, что вызывало сомнения.

Многие из подсудимых заявляли, что в Пречe и Берлине им внушали, будто евреи — оплот большевизма, за что их следует уничтожить. Однако не было доказано, что каждый из евреев исповедовал большевизм, и даже если бы это было действительно так, то уничтожение людей за их политические убеждения все равно остается убийством. Когда эйнзатцгруппы входили в города, поселки и деревни, у них не было при себе списков евреев, которых они должны были уничтожить. Они даже не могли с уверенностью сказать, кто из жителей был евреем. При командах состояли переводчики, но они были бессильны перед множеством языков и диалектов, с которыми им пришлось столкнуться. Поэтому нет никаких сомнений в том, что, учитывая ту спешку, с которой организовывались убийства, вместе с евреями было убито бесчисленное количество неевреев. В оперативном докладе по обстановке в СССР № 170 от 18 февраля 1942 г. отмечалось, что «количество лиц, казненных в Симферополе как евреев, достигло 10 тысяч человек, что примерно на 300 человек превышает число евреев, зарегистрированных в городе».

Если кто-то, не являясь евреем, попадал в списки уничтожения как еврей, какими возможностями он обладал, чтобы доказать свое арийское происхождение? Обращаясь по этому поводу в письме к одному из обвиняемых, Эдуарду Штрауху, Гейдрих писал:

«Многие из перечисленных в вашем реестре евреев постоянно всеми правдами и неправдами пытаются отрицать свою принадлежность к еврейской расе. В целом это является одним из свойств натуры полукровок, особенно в первом колене, отрицать то, что они евреи.

Вы, конечно, согласитесь со мной, что на третий год войны перед тайной полицией и службой безопасности стоят более важные с военной точки зрения задачи, чем обращать внимание на стенания евреев, проводить тщательные расследования и тем самым отрывать множество своих коллег от решения действительно важных проблем».

Глава 9

В понимании любого немца военная дисциплина находит свое высшее выражение в безусловном выполнении приказов вышестоящих руководителей. Считалось, что немецкий солдат должен повиноваться приказам, даже если небо упадет на землю. Это выражение стало легендарным. В процессе над членами эйнзатцгрупп выяснилось, насколько это соответствует действительности и где начинаются вымысел и мифы. Заместитель Олендорфа оберштурмбаннфюрер СС (на самом деле — штандартенфюрер СС. — *Пер.*) Вилли Зайберт решил опереться на эту легенду. На этом его адвокат доктор Гавлик строил защиту своего подзащитного. Заняв свидетельское место, Зайберт отрывистым тоном говорил об основах взаимоотношений в армии, которые, по его мнению, должны были освободить его от всех обвинений в убийствах, выдвинутых против него. Одетый в синий костюм в широкую розовую полоску, напоминавший внешним видом разодетого разбогатевшего приказчика в магазине, Зайберт выразил большое удивление, почти негодование, когда обвинитель объявил, что теперь ему придется отвечать за все случаи массовых убийств, совершенных его командой. А затем, при проведении перекрестного допроса заместителем главного обвинителя Уолтоном, Зайберт зашел так далеко, что заявил, что не знает, где начинается и где кончается убийство.

«Полковник, когда вы получали образование, особенно когда сдавали экзамены на получение офицерского чина, и потом, во время вашей карьеры в армии и СД, доводилось ли вам слышать об общепринятых правилах ведения войны?»

«Конечно».

«Слышали ли вы когда-либо на протяжении своей военной карьеры о Женевской и Гаагской конвенциях?»

«Да».

«Знали ли вы, что Германия является страной, подписавшей обе эти конвенции?»

«Да, я знал об этом».

«Кроме того, было ли вам известно, что уничтожение гражданских лиц на оккупированных территориях без суда рассматривается международными законами и законами о правилах ведения войны как убийство?»

«Я не могу ответить на этот вопрос, господин обвинитель, так как я просто не знаю, где начинается и где заканчивается убийство».

Такой ответ заставил меня задуматься о том, действительно ли этот человек полагает, что ссылка на приказы вышестоящего командования поможет ему уцелеть. Или, может быть, он настолько привык проливать кровь, что не видит моральных и юридических отличий между убийством вооруженного врага на поле боя и казнью не оказывающих сопротивления безоружных гражданских лиц. Поскольку задачей нашего трибунала была опора только на факты и на нормы законов, мы взяли на себя одновременно функции присяжных и судей. Согласно порядку судебной процедуры, принятой в континентальной Европе, единственной судебной системе, с которой были знакомы обвиняемые и их адвокаты, председательствующий на процессе судья сам задает большинство вопросов как подсудимым, так и свидетелям. Это давало мне право в случае необходимости задавать вопросы Зайберту с тем, чтобы, по мере возможности, он разъяснил свое понимание необходимости и меры применения силы в рамках выполнения приказов вышестоящего командования. Я спросил: «Вы пытаетесь убедить трибунал в том, что не могли понять разницу между узаконенным убийством на поле боя и истреблением людей?»

Он ответил, что это такой вопрос, на который он не в состоянии ответить «в данный момент».

Предположим, спросил я его, что вы видите такую картину, когда полдюжины эсэсовцев убивают еврейского ребенка в Крыму, оправдывая свои действия приказом, который отдал Гитлер. Назовете ли вы это убийством?

Он ответил, что такое следует называть «убийством по приказу», и, по его мнению, это не было убийством в полном смысле этого слова.

Адвокат доктор Ганс Гавлик поднялся, чтобы помочь своему клиенту.

«Свидетель, помните ли вы изречение германского кайзера относительно выполнения приказаний солдатами?»

«Я не помню точно, был ли это Вильгельм I или Вильгельм II, но в любом случае один из кайзеров Германии любил говорить: «Если военное положение или общая ситуация делает это необходимым, солдат должен выполнить приказ, даже если ему придется расстрелять своих родителей».

Я спросил подзащитного, согласен ли он с этой сентенцией. К удивлению большинства из присутствующих в зале суда, он вновь ответил, что не может дать ответа на этот вопрос. Лица других подсудимых дрогнули. «Ну почему вы, идиот, — казалось, говорили они, — не отвечаете, это же наш общий принцип».

Я предложил Зайберту все-таки ответить на вопрос, так как эту тему поднял его адвокат. Он нервно потянул себя за лацкан пиджака и начал бросать встревоженные взгляды на своего адвоката. Но доктор Гавлик, очевидно, был столь же обескуражен, как и его подзащитный. Зайберт сейчас попал в положение, в котором раньше оказался Олендорф, когда того спросили, способен ли он расстрелять свою сестру. Но у Зайберта не было таланта Олендорфа; не обладал он и красноречием, подобным тому, что было у его начальника. Кроме того, он обнаружил, что именно его собственный адвокат устроил ему такую ловушку, когда ему придется либо признать, что он настолько чужд гуманизму, что готов расстрелять собственных родителей, либо отказаться от общей линии защиты, согласно которой у него не было другого выхода, кроме как выполнять приказы командования.

«Так вы согласны с этим или нет? Согласны ли вы с цитатой, которую привел доктор Гавлик?»

«Ваша честь, я не могу ответить на это, не представляя себе всю картину. Если того потребует военная обстановка или в каких-то особых обстоятельствах, все может произойти».

«Таким образом, вы согласны с высказыванием кайзера Вильгельма?»

«Я не стал бы так говорить. Я только понимаю, ваша честь, что всякому иностранцу может показаться, что мы придаем преувеличенное значение выполнению приказов».

«Ну, тот император был немцем, не так ли?»

«Да».

«Вильгельм I или Вильгельм II?»

«Да».

«И он сделал такое заявление?»

«Насколько я помню, да».

«Ну хорошо, может ли что-нибудь заставить вас предположить, что он говорил всерьез, что он говорил именно то, что имел в виду?»

«Ваша честь, невозможно представить себе, что кому-то когда-то пришлось оказаться в таком положении, что ему придется расстрелять своих родителей».

«То есть Вильгельм I или II вовсе не имел в виду то, что сказал?»

«Лично я не могу сказать, что именно он имел в виду, но, по моему мнению...»

«Тогда скажите, что вы думаете по этому поводу. Вы согласны с этим высказыванием или нет?»

«Лично я воспринимаю это заявление лишь как попытку показать солдатам, насколько важным для войск является выполнение приказа, а также то, что подчинение и дисциплина являются связующим звеном в действиях воинского формирования, и если оно ослабнет, то такое подразделение или часть ни на что не будет годиться».

Другие подсудимые смотрели друг на друга с выражением неудовольствия и недоверия. Казалось, их глаза спрашивали: «Что произошло с Зайбертом?»

Я снова спросил Зайберта, воспринимает ли он высказывание кайзера Вильгельма как руководство к действию.

«Я могу понимать его только так, как только что пояснил, ваша честь».

«Вы наговорили нам много слов, но вы так и не ответили на вопрос. Вы привели это высказывание по своей собственной воле. Его не цитировали члены суда. Оно не относится к тем материалам, которыми пользуется обвинение. Но если вы что-то заявляете, то должны либо защищать это утверждение, либо отвергать его. Вопрос очень тонкий. В высказывании, которое вы привели, говорится, что в германской армии приказ понимается так, что, если военная ситуация (или что-либо другое) потребует того, солдат, получив соответствующее приказание, должен быть готов расстрелять своих родителей. Итак, признаете вы это высказывание или нет? У вас было достаточно времени для того, чтобы дать нам свои пояснения. Теперь дайте нам свой ответ. Вы согласны с этим высказыванием или вы фактически отвергаете его? Если это заявление является бессмысленным и представляет собой всего лишь набор слов, собранных вместе без всякого серьезного намерения поразить собеседника их истинностью, то так и скажите. Если же оно является руководством к действию, скажите и это».

«Я полагаю, что эта сентенция была высказана с целью произвести впечатление».

«Однако она не предполагает безусловной необходимости руководствоваться ею в жизни?»

«Это зависит от обстоятельств».

«Хорошо, давайте предположим, что ваш вышестоящий командир объявляет вам, что возникла ситуация, выйти из которой вы можете лишь в том единственном случае, если расстреляете собственных родителей. Теперь это стало приказом. Хорошо, будете ли вы претворять в жизнь заветы Вильгельма I или II?»

«В этих обстоятельствах приказ следует выполнить, ваша честь».

«Значит, если того потребует ситуация, вы расстреляли бы собственных родителей?»

«Сейчас речь идет о моей психологической реакции, и я не знаю, смог бы я, полагаясь на нее, выполнить приказ, которому следует повиноваться, или я бы предпочел понести наказание за его невыполнение».

«Вы должны ответить на вопрос. Если военная ситуация сложится так, что единственным способом спасти ее, как говорит вам старший офицер, будет расстрелять собственных родителей, расстреляете ли вы их или нет?»

«Я не могу ответить на этот вопрос, ваша честь. У меня было слишком мало времени, чтобы его обдумать. Все это относится к области психологической борьбы, и здесь я не готов сказать ни «да» ни «нет».

Подсудимый мрачно посмотрел в окно, туда, где угасал последний свет уходящего дня. Я спросил его: «А завтра с утра будете ли вы готовы дать ответ на этот вопрос?»

«Я не знаю, ваша честь».

Я повернулся к доктору Гавлику: «Мы дадим ему время подумать над ответом до завтрашнего утра. В заседании объявляется перерыв до 9:30 завтрашнего дня».

Когда обвиняемых вывели из зала суда и судьи разошлись по своим кабинетам, сам зал и коридоры превратились в настоящее поле для дискуссий. Зрители, адвокаты и представители суда обменивались предсказаниями, размышлениями и догадками о том, что же Зайберт скажет на следующее утро. Что было бы для него лучше: признать, что он готов расстрелять собственных мать и отца, или открыто унизить своего адвоката?

На следующее утро в зале заседаний были заняты все сидячие места, а у стен в два и даже три ряда стояли случайные посетители. В гостиничных холлах, ресторанах и прочих местах прошлым вечером публика обсуждала в основном одну-единственную тему: останется ли Зайберт, открытый сторонник морали старого кайзера, верен своему сегодняшнему «кайзеру». По тому, как выглядел Зайберт, пока он ожидал своей очереди подойти к месту свидетеля, бледный и неотдохнувший, с покрасневшими глазами, было непонятно, сумел ли он за ночь найти решение неразрешимой вчера дилеммы. Когда судебный исполнитель назвал его имя, он будто бы вышел из транса и почти как сомнамбула медленно направился к кафедре свидетелей. Дав ему время вернуть себе выдержку, я снова повторил вчерашний вопрос: «Теперь, как и было ска-

зано в заявлении главы Германской империи того времени, военная ситуация потребовала от вас после получения приказа вышестоящего офицера расстрелять своих родителей. Что вы намерены предпринять?»

Он прищурил воспаленные глаза, как будто хотел отдалить время принятия окончательного решения, и пристально посмотрел в зал. Однако он ни разу не бросил взгляда на своих коллег-обвиняемых, которые, безусловно, еще более, чем зрители, были полностью охвачены жадным ожиданием. Затем, глубоко вздохнув, он медленно выдавил из себя слова, как будто для того, чтобы сказать каждое из них, ему нужно было бить себя в грудь: «Господин председатель, я не сделал бы этого».

Аудитория принялась оживленно шептаться и взволнованно тыкать друг друга локтями. На помосте подсудимых раздался общий гул негодования. Призвав с помощью молотка зал к порядку, я перешел к следующему вопросу: «Предположим, вам сверху пришел приказ расстрелять родителей кого-то другого, допустим, еврея и его жену... Единственное, что о них известно, — это то, что они евреи... Рядом стоят их дети и просят вас не расстреливать родителей. Вы расстреляли бы родителей?»

Теперь Зайберт смотрел только на одного человека, и его взгляд нельзя было назвать благосклонным. Он вперил свой взгляд в своего адвоката, который втравил его в такую невозможную ситуацию, когда теперь ему приходилось выступать защитником евреев, остро ненавидимых им всю жизнь. Он вцепился руками в края свидетельской кафедры и с трудом выдохнул: «Ваша честь, я не стал бы расстреливать тех родителей».

И затем, завершая допрос, я подвел итог: «Таким образом, как немецкий офицер, вы сейчас заявляете трибуналу, что, если бы вам спустили по военным инстанциям приказ о расстреле двух беззащитных родителей только за то, что они были евреями, вы бы отказались выполнить такой приказ».

Зайберт ответил: «Я уже ответил на приведенный вами пример отрицательно. Я сказал: да, я не смог бы выполнить этот приказ».

Таким образом, то, что было начато как демонстрация рабской покорности немецкого солдата тем, кто стоял выше его на служебной лестнице, закончилось тем, что сам адепт этой теории провозгласил, что не только готов игнорировать приказ высшего военачальника о расстреле своих родителей, но и отказался бы выполнить приказ о расстреле родителей кого-то другого. Тем самым на примере своего личного отношения к немецким военным законам он доказал, что солдат не является бессловесным рабом.

Примечательно то, что очень многие люди верят, что солдат обречен делать все, что придет в голову тому, кто является его начальником. На очень простом примере можно продемонстрировать, до какого глубокого абсурда может довести эта теория.

Если же солдат попытается протестовать или обжаловать в высшей степени несправедливый приказ, не получив на то разрешения от старшего военачальника, солдата могут расстрелять за невыполнение приказа! Но солдат может опротестовать приказ совершить убийство, например убийство невинного, никому не делающего вреда ребенка.

Это правда, что первым долгом солдата является повиновение, но правда и то, что, согласно основным законам здравого смысла, это не повиновение бездушного механизма. Он является мыслящим существом. Тот факт, что он не может без дальнейших неблагоприятных для себя последствий отказаться заниматься строевой подготовкой, приветствовать начальника, выполнять положенные упражнения, вести разведку местности или даже принимать участие в бою, не значит, что от солдата можно требовать абсолютно всего. Следует начать с того, что приказ, подразумевающий беспрекословное подчинение, должен касаться чисто военных вопросов. Так, офицер не может требовать от солдата, чтобы тот воровал для него или убивал ради него. А то, чего старший начальник не может требовать от подчиненного по закону, подчиненный не обязан выполнять.

Генерал Дж. Лоутон Коллинз, в то время занимавший пост начальника штаба армии США, прекрасно проил-

люстрировал это утверждение, когда он заявил: «Дисциплина в нашей армии не может основываться на слепом безоговорочном подчинении. В своей основе она должна иметь уважение прав и обязанностей каждого». Например, никто не упрекнет солдата в невыполнении приказа старшего начальника, если он откажется по приказу этого начальника перейти на сторону противника.

Там, где солдата или младшего офицера принуждают к выполнению незаконного приказа, его никто не будет преследовать в судебном порядке за его невыполнение. Суд, как уже было сказано, никогда не станет наказывать человека, который был вынужден спускать курок в то время, как к его голове был приставлен пистолет. И в Нюрнберге на самом деле не был осужден ни один военный за выполнение приказа, если он действительно не знал, что это приведет к незаконным последствиям. Если к суду привлекались военные, то они были полностью в курсе того, что нарушали законы ведения военных действий и принципы гуманизма. Ни один из рядовых из состава эйнзатцгрупп не предстал перед судом во Дворце правосудия в Нюрнберге.

Международный военный трибунал, поясняя этот вопрос, сделал такое заявление: «Истинным критерием при определении того, насколько эффективным является уголовное законодательство большинства народов, является не наличие приказов свыше, а действительное наличие права сделать моральный выбор».

Ребекка Уэст с едким юмором подтвердила это: «Ясно, что, если адмиралу приказом выжившего из ума первого лорда адмиралтейства предложено подавать офицерам на обед жареных младенцев, он не должен выполнять такой приказ».

Стоя на месте свидетеля во дворце Бейт-Хам, я привел несколько примеров того, когда солдаты из состава эйнзатцгрупп освобождались от участия в экспедициях, потому что считали, что не могут хладнокровно убивать гражданских лиц: «Те, кто не мог принимать участие в казнях, исключались из списков и отправлялись домой, потому что они стояли на пути тех, других, всегда гото-

вых, желавших и способных выполнять приказы Гитлера о массовом истреблении евреев».

Я представил документы, подтверждающие мое заявление.

Кроме того, я рассказал о нёскольких беседах (после процесса над офицерами эйнзатцгрупп) с генералом (бригадефюрер — с 1944 г.) Вальтером Шелленбергом, который был заместителем генерала (группенфюрера) Мюллера и часто сталкивался с Эйхманом в связи с деятельностью эйнзатцгрупп. Однажды Шелленберг сказал мне: «Лидеров нацизма трудно обвинить в великом гуманизме, но они были сторонниками эффективной работы, и, если солдат не был способен исполнить такой приказ, его следовало отправлять домой. И назад домой были отправлены многие».

Поскольку Эйхман придерживался той линии защиты, что он сознательно отправлял на смерть миллионы людей, повинуясь приказам руководства, он решительно отрицал любую, даже малейшую инициативу со своей стороны. Ведь если бы он признал, что проявлял самостоятельность даже в незначительных вопросах, его легко можно было бы обвинить (как он сам считал) в том, что он демонстрировал ту же самостоятельность и инициативу в более важных делах. Но эту систему защиты с легкостью опрокинул при перекрестном допросе главный обвинитель Хаузнер. Он спросил Эйхмана, зачем тот подверг узников концентрационных лагерей дополнительным лишениям, даже зная то, что они обречены на смерть. Эйхман отрицал свою ответственность за ужесточение режима для заключенных концлагерей.

«Но когда вас лично попросили разрешить отправлять им посылки и деньги, вы отказались?»

«Я выполнял приказ. Я не мог разрешить этого, это было запрещено».

«Какое отношение вы, служащий железной дороги, имели к проблеме посылок и денег для заключенных?» (Эйхман настаивал на том, что он был всего лишь клерком, который управлял движением поездов в концентрационные лагеря.)

«В Центральном управлении получали множество писем. Те из них, что касались евреев, направляли мне, и я обратился за инструкциями к руководству».

«Не хотите ли вы сказать, что вы обратились к Мюллеру, чтобы он принял решение по такому незначительному вопросу, как получение посылок?»

«Да, пришлось создать такой прецедент».

Было общеизвестно, что в нацистской иерархии Эйхман считался специалистом (референтом) по всем вопросам, связанным с евреями, поэтому Хаузнер сказал ему: «Я считаю, что, когда вы отправились к Мюллеру, он должен был спросить вашего совета как референта».

Эйхман оглянулся вокруг как бы в поисках выхода: «Я уже говорил, что приехал тогда в Берлин против своего желания. И когда я прибыл туда, на первых встречах с представителями центрального аппарата я был очень осторожен».

Дверь запасного выхода с грохотом захлопнулась, когда судья Ландау объявил: «Вас спросили о том, интересовался ли Мюллер вашим мнением?»

«Я должен был доложить Мюллеру содержание писем и дожидаться указаний. Я ничего не предлагал».

Хаузнер: «И во всех разговорах с Мюллером вы ни разу ничего не предложили?»

«Я ни разу ничего не предлагал после Мадагаскарского плана, даже в переходный период после этого».

«Это значит, что вместо того, чтобы вызывать вас, Мюллер мог просто воспользоваться диктофоном. Мюллер мог бы прослушать запись, а затем ваши ответы были бы запротоколированы. Вы хотите уверить нас, что ваша роль сводилась к этому?»

«Все было не совсем так. Я должен был суммировать содержание писем в одном документе и вкратце доложить его Мюллеру. А он сам должен был подготовить окончательный ответ».

Судья Ландау: «И Мюллер не поинтересовался мнением человека, который занимался этими вопросами ежедневно?»

«Мюллер знал меня и был в курсе того, что я никогда не принимал решений и не готовил рекомендаций»[1].

Однако из дальнейших допросов выяснилось, что Мюллер был полностью удовлетворен активной деятельностью, которую Эйхман развил в рамках выполнения программы уничтожения евреев. Он даже как-то заявил, что, если бы в Германии было пятьдесят таких Эйхманов, она никогда не проиграла бы войну! В Эйхмане он увидел человека, который готов внимательно отслеживать судьбу каждого еврея с момента, когда тот надел свою желтую шестиконечную звезду (отличительный знак для евреев, введенный в нацистской Германии. — *Ред.*), до того мгновения, когда с той же звездой на груди он предстанет перед могильным рвом под прицелом расстрельной команды, или его тело не будет предано желтому же огню печи крематория.

Эйхман признал, что Международный военный трибунал справедливо приговорил к смерти высших руководителей рейха, таких как Геринг, Кальтенбруннер, Риббентроп, Франк и другие, так как, по его словам, именно они были инициаторами приказов. Этим признанием Эйхман практически лишил основания свои аргументы о выполнении приказов сверху. Ведь если бы эта линия защиты была верна, то даже Геринг и его друзья и коллеги-обвиняемые на Нюрнбергском процессе не были бы повешены, так как они получали приказы на убийства от самого Гитлера.

Позиция Эйхмана по вопросу об ответственности за преступления не отличалась от линии защиты Геринга, Кальтенбруннера, Риббентропа и Франка. Профессор Франц Зикс, который был руководителем и коллегой Эйхмана по службе в РСХА, в своих показаниях указывал, что «отдел Эйхмана занимал особое положение, что сам Эйхман, можно сказать, не подчинялся Мюллеру, а

---

[1] Эти свидетельские показания Эйхмана и другие его реплики во время судебного процесса даны с небольшими сокращениями, однако, как отмечает газета Jerusalem Post, при этом полностью сохраняется общий смысл вопросов и ответов.

его место в структуре РСХА было близким к положению самого Мюллера, руководителя гестапо».

Имея такие показания, можно было предугадать, что Эйхман при перекрестном допросе неизбежно столкнется с серьезными трудностями. Когда Хаузнер спросил его, должны ли были руководители РСХА выполнять приказы Гитлера, Эйхман ответил утвердительно.

«И вы подтверждаете справедливость приговора Нюрнбергского суда Кальтенбруннеру, несмотря на то что, если следовать вашей логике, он тоже всего лишь получал указания сверху?»

«Нет, как руководитель в звании генерала, он сам отдавал приказы».

«Но я спрашиваю вас о роли Кальтенбруннера в уничтожении евреев. Здесь он тоже получал приказы?»

«Нет, здесь он тоже отдавал приказы».

«Но вы не можете противоречить своим же словам, сказанным всего лишь пять минут назад».

Было ли это правильным ответом или нет, но Эйхман не колебался ни минуты. Он заявил, что Кальтенбруннер и другие играли роль «первых скрипок».

Но здесь ему пришлось столкнуться с очередной трудностью. Судья Ландау, председательствующий на суде, заметил: «Я должен сказать, что удивлен, услышав это. Государство национал-социалистической Германии было организовано на основе соблюдения принципов иерархии. Это означает, что все те, кто стоял ниже Гитлера, получали приказы».

Эйхман ответил, что те, кто возглавлял крупные структуры власти, обладали особыми полномочиями.

Судья Ландау: «Вы имеете в виду, что в рамках полученных приказов они обладали широкой личной свободой действий?»

Эйхман подтвердил, что эти люди действительно обладали широкими полномочиями. Тем самым он невольно согласился с тезисом обвинения о том, что и он сам, являясь руководителем отдела, обладал той же свободой действий, что и другие руководители. А это значит, что и он подлежал суду, как и Геринг, Кальтенбруннер,

Франк и другие, чье обвинение на Нюрнбергском процессе он признал обоснованным и казнь которых через повешение он нашел справедливой.

В то время как, находясь на месте обвиняемого, Эйхман постоянно отрицал, что он когда-либо обладал реальной властью, ранее, в 1957 г., в Аргентине, во время беседы с голландским журналистом Вильгельмом Зассеном, он не был столь же скромен. Ему он рассказывал, что, когда Мюллера не было на месте и его обязанности исполнял Шелленберг, Эйхман обычно сам принимал решения, которые Мюллер утверждал по возвращении.

Кроме того, Эйхман заявил журналисту: «Я являюсь мыслящим человеком и не могу просто слепо выполнять свою работу, потому что в таком случае я буду работать без инициативы. Было время, когда я понимал необходимость того, чем занимаюсь, и делал свою работу с большим желанием и дальним прицелом. Я говорю о евреях...»

Затем выступил с показаниями Дин Грубер, который засвидетельствовал, что, разговаривая с ним, Эйхман всегда употреблял местоимение «я». Говоря о том, что следовало сделать, он всегда говорил: «Я хочу, я приказываю и т. д.»

Глава 10

Эйхман настаивал на том, что, хотя ему и было известно то, что миллионы тех, кого он отправлял в лагерь, сажая в вагоны для перевозки скота, должны были вскоре принять смерть, а затем сгореть в печах крематориев, в то время он не отдавал себе отчета в том, что эти действия были незаконными. Если Эйхман действительно не осознавал этого, если он не знал, что было преступлением отправлять команды из состава эйнзатцгрупп для осуществления расстрелов безоружных мужчин, женщин и детей, беспомощно стоявших на краю ям-могил, то он должен был быть либо полным идиотом, либо слабоумным. Но, стоя на месте обвиняемого, он демонстрировал

острый и гибкий ум. Документы, подготовленные им собственноручно, рапорты о выполнении заданий, письма — все говорило о том, что этот человек вовсе не был глупцом или слабоумным, все выдавало в нем в высшей степени умного и образованного человека.

Было ли возможно, чтобы сотрудник СС с менталитетом явно существенно выше уровня двадцатилетнего юнца не понимал, что нацистская политика в отношении евреев (если бы только одних евреев. В планах Гитлера и его команды было подробно расписано, что делать с каждым из народов, населявших намеченное для онемечивания «жизненное пространство германской нации». Здесь счет шел уже не на миллионы, как с евреями, а на десятки миллионов (как с русскими и другими). — *Ред.*) идет вразрез с установленными законами и нормами морали цивилизованного общества? Одними из самых первых лозунгов нацистской партии были антисемитские. Штурмовики в коричневых рубашках, маршируя по улицам городов Германии, распевали гимн «Хорст Вессель».

Те, кто, как Эйхман и другие старшие офицеры эйнзатцкоманд, вступили в нацистскую партию в первые же годы ее существования, не могли не понимать, что эта партия ведет их к океану крови. Те, кто, выражаясь поэтическим языком, стояли у руля корабля СС, могли спрыгнуть с него, пока он еще находился во внутренних водах и не вышел в открытое море, но они совсем не желали покидать этот корабль, потому что в этом случае им пришлось бы отказаться от путешествия, которого все они жаждали.

С февраля 1920 г., когда нацистская партия обнародовала свою знаменитую программу из 25 пунктов, в которой антисемитизм значился одним из главных принципиальных моментов, самая махровая юдофобия никогда не сходила с повестки дня. Книга «Майн кампф», журнал Der Stürmer («Штурмовик») и все остальные печатные издания нацистов призывали к борьбе с евреями. Растущий антисемитизм в Германии выплеснулся в ноябре 1938 г. (так называемая «хрустальная ночь». — *Ред.*), когда была предпринята широкомасштабная акция про-

тив всего, имевшего отношение к евреям. Разрушались синагоги, самые известные евреи были арестованы и брошены в тюрьмы, на всех евреев был наложен коллективный штраф в размере 1 миллиард марок.

Мог ли Эйхман и обвиняемые на процессе по эйнзатцгруппам не знать об этом факте? Могли ли они удивляться, когда кампания насилия, наконец, вылилась в знаменитый эдикт фюрера об «окончательном решении еврейского вопроса», что конечно же означало физическое уничтожение всех евреев?

Предположим, что в приказе фюрера вместо поголовной резни евреев провозглашается массовое истребление всех людей, имеющих светлые глаза. И это означало бы, что для тех несчастных, у кого радужная оболочка по воле случая оказалась окрашенной в светлые тона, настали бы самые мрачные дни. Здесь не играли бы никакой роли характер человека, его профессия и состояние здоровья. То же самое можно сказать о религии, политических убеждениях и национальности. То, что человек задумал, к чему он настойчиво стремился, о чем мечтал, — ничто не могло бы изменить предопределенности его судьбы. Будет ли это фермер за его плугом, учитель за письменным столом, доктор у постели больного или священник, выступающий с проповедью с кафедры, пожилая женщина за вязанием, ребенок, играющий во дворе, младенец у груди матери — все они были бы обречены на смерть в том случае, если бы смотрели на наш прекрасный мир через предательски серые глаза.

Давайте возьмем в качестве примера семью, все члены которой благодаря непостижимому выбору генов в таинственной колбе времени имеют светлые глаза. Внезапно в доме, где живет эта семья, раздаются оглушительные удары в дверь, дверь распахивается, и внутрь устремляются человеческие существа в стальных шлемах с автоматами и пистолетами на изготовку. С помощью оружия они выгоняют обескураженных обитателей дома на улицу.

Мы слышим крики испуганных женщин и детей, громкие протесты мужчин и оглушительный топот сапог захватчиков по дому. Они переворачивают мебель, опро-

кидывают шкафы с посудой и одеждой, лезут на чердак в поисках мест, где могли укрыться охваченные ужасом сероглазые обитатели дома. А те горестно прощаются со своим домом и вместе со своими наспех собранными пожитками грузятся в грузовик, в котором уже сидят такие же ошеломленные обреченные люди с серыми глазами. Вот грузовик рванулся вперед, делая по пути остановки, чтобы собрать других таких же несчастных людей. Еще больше сероглазых собралось на рыночной площади, у здания администрации и в местной церкви.

После всего этого последовала дикая гонка на максимальной скорости, где уже ждет множество сероглазых людей с бледными как мел лицами. Онемевшие, они смотрят друг на друга. Вот вновь прибывших выгружают из грузовиков, слышится гортанная команда построиться в ряд. И теперь уже начинают красноречиво говорить свинцовыми языками пулеметы, они выдают длинные предложения слева направо и справа налево. Жители городка падают, многие сразу по двое, кровь струится изо рта и глаз. Жертвы как бы умоляют объяснить им, чтобы они смогли понять, за что же с ними так поступили? Почему? Другие всего лишь ранены, но все равно падают в общую могилу. Партия палачей уезжает, из незасыпанной могилы в мольбе тянутся вверх руки. Слышатся стоны, которые временами переходят почти в шепот, потом слышится чей-то крик, и, наконец, все окончательно затихает.

Конечно, все это фантастично и невероятно, но не более чем то, что постоянно происходило в районах, где действовали эйнзатцгруппы. Если слово «сероглазый» заменить словом «еврей», аналогия будет неоспоримой.

Можно предположить, что, если бы обвиняемые вдруг получили приказ уничтожать ту часть населения, которая обладает серыми глазами, они бы не выполнили его и сразу же посчитали такое распоряжение незаконным и аморальным. Но если бы за десять лет до этого программой нацистской партии все сероглазые люди были объявлены врагами, если бы Гитлер в каждой своей речи поносил сероглазых, если бы они видели, как грабят

магазины и разрушают дома сероглазых, если бы они знали, что Гиммлер отдал приказ о заключении всех сероглазых в концентрационные лагеря, если бы они слышали речи своих шефов в СС, которые провозглашали, что уничтожение сероглазых направлено во благо и к выгоде тех, кто осуществляет программу по их ликвидации. Если бы все это произошло, можно ли было бы с уверенностью утверждать, что обвиняемые с таким же пылом не принялись бы выполнять приказ фюрера, направленный против той части населения, что имеет серые глаза? А если бы такое случилось, то не стали бы они в дальнейшем пытаться уйти от обвинения под прикрытием выполнения приказов вышестоящего командования?

Но тот факт, что Гитлер мог объявить о преследовании части населения за то, что цвет глаз этих людей серый, и что такое узаконенное преследование продолжалось в течение уже десяти лет, не делает зверства по отношению к этим людям более законными, чем жестокость в отношении евреев. Любой здравомыслящий человек, у которого нет личных причин подстрекать к этому и который не имеет от этого выгоды лично для себя, сразу бы признал незаконность и аморальность такого варварского притеснения людей.

Но большинство обвиняемых считали, что с евреями все обстояло совсем не так, поскольку, являясь носителями большевизма, они, евреи, представляли собой угрозу для немецких войск, которые сражались в России. Как заявил Олендорф, «представители этого (еврейского) народа оказались наиболее восприимчивыми к идее большевизма. Таким образом, те, кто несет в себе еврейскую кровь, стали самыми активными представителями большевизма». Однако не было никаких доказательств того, что артерии евреев были специально приспособлены для того, чтобы заражать кровь тельцами большевизма. В Германии и в других странах проживали евреи, которых никто не обвинял в том, что они являются проводниками большевистского мировоззрения; тем не менее их точно так же убивали.

Не существовало и какой бы то ни было идеи исторического возмездия, объяснявшей необходимость истребления евреев. Евреи всегда были верными гражданами Германии, и великое множество их представителей служило в германской армии во всех войнах, в которых участвовала страна. Министр юстиции Израиля П. Розен сам когда-то был офицером в армии кайзера Вильгельма.

Когда обвиняемый штандартенфюрер СС Вернер Брауне занял место свидетеля, он предпринял смелую попытку поддержать теорию о слиянии еврейства и большевизма. Насколько ему это удалось, следует из его показаний. Я спросил его: «Считаете ли вы, что подавляющее большинство евреев поддерживали дело большевиков?» Он ответил, что «убежден в этом».

Тогда я указал ему, что, если большая часть евреев поддерживала большевиков, существовало и незначительное меньшинство, которое их не поддерживало. Разве в этом случае не следовало провести расследование, прежде чем осуществлять массовые казни с тем, чтобы спасти от смерти тех, кто не исповедовал большевизм?

Он заявил, что такое расследование было бы невозможно «как с практической точки зрения, так и чисто технически».

«Если вы считаете, что подавляющее большинство было на стороне большевиков, отсюда неизбежно следует, что лишь незначительное меньшинство не поддерживало большевизм, не так ли?»

«Ваша честь, речь идет об очень незначительном количестве, может быть, это 10, 20 или 30 процентов».

«Хорошо. Давайте допустим, что речь идет о 30 процентах. То есть 30 процентов евреев не одобряли идей большевизма. Не было ли логично прийти к этому заключению?»

Подсудимый в ответ заявил, что «всегда какое-то количество людей бывает полностью равнодушно к политике».

«Хорошо, тогда приведите нам приблизительный процент тех евреев, которые были сторонниками большеви-

ков, и тех, кто не были ими. Как вы сказали, подавляющее большинство могло составлять 70 процентов?»

«Я не могу привести точный процент, ваша честь».

«Хорошо, будем считать их просто большинством. Итак, большинство поддерживало идеи большевизма?»

«Я уверен в этом. Да».

«Это значит, что меньшинство было против этих идей».

«Всегда есть прослойка людей, которая находится где-то посередине между теми, кто за и кто против. Кто-то может быть убежденным фанатичным сторонником идеи, готовым бороться за нее до конца, а кто-то может просто одобрять ее, но полагать: «Я не хочу ни за что воевать», а кому-то может быть просто все равно. Кто-то может сомневаться и не быть до конца уверенным, а кто-то может быть сознательно против идеи».

«Ну, давайте тогда сведем их вместе, просто для того, чтобы продолжить дискуссию. Итак, большинство принимает идею, скажем, 60 процентов. Это, конечно, не подавляющее большинство, но все же большинство. Остается 40 процентов тех, кто либо совсем не признает эту идею, либо относится к ней равнодушно. Мы ведь можем разделить людей на эти группы, не так ли?»

«Я не знаю, правильно ли такое разделение, ваша честь, но я готов принять его в качестве примера».

«Очень хорошо. Вы сказали, что подавляющее большинство, допустим, 60 процентов, чтобы быть в точности уверенными в этом, действительно поддерживали большевиков. А 40 процентов (мы говорим только о евреях) либо вовсе не поддерживали идеи большевизма, либо относились к ней в той или иной степени равнодушно. Итак, когда настало время казни всей этой группы людей, если вы исключите из списков 40 процентов, будет ли это составлять для вас слишком большую проблему?»

«Ваша честь, здесь у меня не было выбора. Я был на войне, и мне приходилось действовать в чрезвычайной обстановке. У меня был приказ вышестоящего командира о расстреле всех евреев по причинам, которые уже

были изложены. И у меня не было возможности действовать по-другому, кроме как выполнить этот приказ, так как шла война, что предполагало действие в чрезвычайной обстановке».

«Хорошо, допустим, что вы нашли способ определить те 40 процентов людей, которые не были активными коммунистами. Могли ли вы в таком случае не расстреливать этих людей?»

«Нет, ваша честь, я вынужден заявить, что такой возможности не существовало».

Но можем ли мы принять версию Брауне о том, что «такой возможности не существовало»? Командиры эйнзатцгрупп имели полное право карать и миловать население на обширных территориях. Ни один римский император не обладал такой абсолютной властью над жизнью и смертью своих подданных, как эти люди. Если бы они действительно не хотели убивать безоружных людей, они могли бы простым кивком или мановением руки спасти людей от уничтожения. Печальная правда состояла в том, что у офицеров эйнзатцгрупп не было ни малейшего намерения воздержаться от убийства евреев. Они с готовностью выполняли приказ фюрера, поскольку он придавал видимость законности тому, что они всегда были готовы совершать, так как это давало им личное удовлетворение и сулило личную выгоду. То, что умерщвлению подлежали все евреи, опрокидывало аргументы о мести за принадлежность к большевизму. Ведь даже Брауне признавал, что многие евреи не были большевиками.

Фактически для Брауне убийство евреев было настолько рутинным мероприятием, что при составлении рапортов о казнях он упоминал о них лишь мимоходом. (Естественно, эйнзатцгруппы и оккупационные власти занимались не одними евреями. Главным было обеспечение надежного тыла для германской армии, сражавшейся на Восточном фронте, а эти несколько миллионов солдат кормились за счет оккупированных территорий. Для этого надо было организовать работу в колхозах (только теперь — на немцев), бороться с партизанским

движением, саботажем, диверсиями на транспорте. Вот что на самом деле было главным. — *Ред.*) Так, докладывая о поисках «коммунистов и других подрывных элементов», Брауне писал, что «за период, указанный в рапорте, только в Симферополе удалось выявить и уничтожить, помимо евреев, более сотни коммунистов, агентов НКВД и саботажников».

Брауне охотно рассказывал о своих подвигах. В здании суда висела большая карта Европы и Азии, на которой были обозначены и территории, где дислоцировались все четыре эйнзатцгруппы. Брауне охотно и точно указывал на этой карте места, где действовал со своими подчиненными. При этом он выглядел так непринужденно и раскованно, будто был преподавателем в колледже, который читает лекцию студентам. Все выдавало в нем образованного человека. В возрасте двадцати четырех лет он стал доктором права, а в тридцать два пошел служить в эйнзатцгруппу, где при проведении казней демонстрировал высокое чувство этики. Он отказался от использования газовых фургонов, так как считал это нечестным. «По моему мнению, казнь через расстрел является более честной для обеих сторон, чем убийство в газвагене. Поэтому я решил отказаться от их применения».

Отстаивая то, что он занимался вполне законным делом, Брауне тем не менее признался, что испытывал «внутренний дискомфорт» оттого, что ему приходилось расстреливать не способных оказать сопротивление гражданских лиц. Однако он так и не смог указать, в чем конкретно выразился этот «дискомфорт». Если бы он на самом деле действовал по принуждению и не желал совершать убийства, он стремился бы выразить это спасением хотя бы некоторых из массы беззащитных людей. Он бы сделал это хотя бы для того, чтобы позже иметь основания быть удовлетворенным, что пытался пусть морально, но противиться приказу фюрера. Я спросил его, приходилось ли ему когда-либо отпускать «обреченных на смерть беззащитных женщин и плачущих детей, которых должны были казнить только за то, что они были евреями?».

«Ваша честь, мне не пришлось видеть ни одного плачущего ребенка. Я уже говорил, как тяжело было нам, мне и моим солдатам, выполнять этот приказ...»

«Вы знаете, что, если ребенка ведут убивать, он, конечно, не пойдет навстречу своей смерти с улыбкой. Но вам, похоже, не нравится фраза «плачущий ребенок».

Он ответил, что не возражает против этого определения, но он не делал исключений ни для кого. Позже я снова вернулся к этому вопросу, надеясь, что, возможно, он все же вспомнит случай, когда сделал для кого-то исключение.

«Выполняя тот приказ, вы даже не пытались успокоить свою совесть, освободив хотя бы одного человека еврейской расы, будь то мужчина, женщина или ребенок?»

Но он продолжал, подобно профессору геологии, настаивать на своем: «Ваша честь, я уже говорил, что не искал специально детей. Я могу только сказать правду. Не было никаких исключений, я не видел в этом возможности».

Но мне снова и снова неотвратимо приходило в голову: разве такое возможно? Брауне отделяли от его руководителей в Германии горы, озера, реки, леса, широкие равнины, множество городов и миллионы живущих в них людей. Ему бы не составило труда взять за руку мальчика или девочку и увести его или ее подальше от ямы, которая должна была стать для ребенка могилой. Если бы хоть однажды ему довелось лично спасти пусть даже одного плачущего ребенка с перепачканным лицом, только тогда в случае если хвастливое пророчество Гитлера о тысячелетнем рейхе окажется ложным, он мог бы спустя годы с полным правом заявлять, что испытывал чувство «внутреннего дискомфорта» при выполнении приказа фюрера.

Но, как и сам Адольф Эйхман, Брауне не был заинтересован в спасении еврейских детей. В своих мемуарах, которые он надиктовал в Аргентине, прежде чем был захвачен израильтянами, Эйхман так описывает казнь 5 тысяч евреев, которые были расстреляны в окрестностях Минска:

«На следующее утро, когда началась казнь, я находился на прогулке, поэтому мне довелось увидеть лишь ее окончание. Несмотря на то что я был одет в кожаное пальто, которое доходило мне почти до лодыжек, мне было очень холодно. Я увидел последнюю группу евреев, которые были раздеты до рубашек. Им предстояло пройти еще 100 или 200 шагов. Никто их не сопровождал. Они сами подошли к яме и спрыгнули туда... Затем солдаты взвода дали в яму залп из винтовок и автоматов.

Почему эта сцена так врезалась в мою память? Возможно, потому, что у меня самого были дети. А в той яме тоже были дети. Я видел, как женщина умоляюще подняла на руках малыша одного или двух лет. В тот момент все, что я хотел было сказать: «Не стреляйте, заберите ребенка...»[1]

Но Эйхман так и не приказал прекратить огонь и забрать ребенка. Он промолчал, и ребенка умертвили.

В Иерусалиме, где у него было время снова вспомнить, что он когда-то говорил или совершал, он изменил развязку той истории: «Они стреляли в яму, которая была довольно большой, размером, я бы сказал, в четыре или пять комнат, а может быть, даже в шесть или семь... Я теперь не могу точно вспомнить это, могу только сказать, что она была достаточно большого размера. Раздавались выстрелы, и я увидел женщину, руки которой, кажется, были отведены за спину. Я почувствовал слабость в коленях и поспешил прочь».

Можно допустить, что во втором варианте своего рассказа Эйхман говорил правду о том эпизоде, который он, впрочем, добровольно рассказал в первый раз. Можно поверить и в то, что он ушел с места казни под Минском на слабых коленях. Но фактом является то, что эти колени очень быстро снова окрепли, так как из последующих документов следует, что он никогда так и не попытался остановить потоки крови, текущей во рвы после выстрелов эйнзатцгрупп.

---

[1] Журнал Life, номер от 28 ноября 1960 г.

Несмотря на то что Брауне, по его словам, испытывал чувство «внутреннего дискомфорта» при выполнении приказа фюрера и совершении массовых убийств под прикрытием этого приказа, он никогда не предпринимал ничего с целью облегчить свои страдания и добиться освобождения от выполнения таких обязанностей. Поскольку его непосредственным начальником был Олендорф, я предположил, что Брауне мог находиться с Олендорфом в дружеских отношениях. Я подумал, что у него была возможность сказать Олендорфу: «Мне очень трудно выполнять этот приказ. Не могли бы вы предпринять что-нибудь для того, чтобы освободить меня от его выполнения? Не могли бы вы поручить мне что-нибудь другое?»

Выслушав эту мысль, Брауне насупился: «Полагаю, что в этом случае герр Олендорф счел бы, что я пытаюсь уклониться от выполнения своего долга. И несмотря на то что между нами были хорошие отношения, если бы я пошел на это, я не нашел бы у него ни малейшего понимания».

«Значит, вы больше боялись прослыть трусом и поэтому не хотели воспользоваться возможностью попросить освободить себя от выполнения задачи, которая вам казалась настолько тягостной и неприятной?»

«Нет, ваша честь. Я не видел в этом смысла. И герр Олендорф здесь ничего не мог бы сделать».

Но Брауне не нужно было опасаться в свой адрес обвинений в уклонении от своего долга. Ведь Олендорф сам засвидетельствовал, что он имел возможность «достаточное количество раз убедиться в том, что многие подчиненные не согласны с этим приказом и внутренне находятся в оппозиции к нему. Поэтому некоторым своим подчиненным я запретил участвовать в казнях и отправил их обратно в Германию».

Изучив данные биографии Брауне, суд имел возможность убедиться в том, что, когда у него были причины отказываться от выполнения приказов, он так и поступал. Его адвокат под присягой показал, что во время службы в Норвегии Брауне вступил в настолько непри-

миримую борьбу с рейхскомиссаром Тербовеном, что отменил его приказы, касающиеся проведения широкомасштабных карательных операций, освободил заложников и государственного министра страны Герхардсена. И, несмотря на это, Брауне не только не расстреляли, но даже не наложили на него дисциплинарное взыскание. Был ли Брауне более человеколюбивым в Норвегии, чем в России? Ни в коей мере. Он выступил против решения Тербовена, потому что, как это подчеркнул один из свидетелей, Брауне ни в малейшей степени не верил в успех этих мер. Он ожидал, что они вызовут у населения лишь рост недовольства политикой германских оккупационных властей и укрепят его решимость к сопротивлению. (Кроме того, норвежцы — германцы по происхождению и считались германскими нацистами братским народом. А добровольцы-норвежцы из партии Квислинга, норвежского нациста, воевали на Восточном фронте против советских войск, в основном в составе дивизии «Викинг». — *Ред.*)

Но с евреями все обстояло совсем не так. Никто не собирался становиться на их сторону, следовательно, можно было безбоязненно продолжать их убивать.

Поданный штандартенфюрером СС Брауне пример твердости и последовательности не пропал втуне и был подхвачен, подобно эстафете, следующим обвиняемым, оберштурмбаннфюрером СС Адольфом Оттом. Когда Отта спросили, случалось ли ему когда-нибудь освободить хоть одного еврея, он ответил так: «Я считаю, что в таких случаях всегда следует руководствоваться соображениями последовательности. Либо я должен расстрелять всех, кто был захвачен, либо я должен всех освободить».

В феврале 1942 г. Отт принял командование зондеркомандой 7б эйнзатцгруппы В в районе города Брянск, расположенного на реке Десне, примерно в 350 километрах от Москвы. Он находился там, выполняя приказ фюрера, до января 1943 г. За этот период силами его

подразделения было проведено от 80 до 100 казней. Оправдывая убийства, Отт заявлял, что приговоренные заслуживали своей участи, так как все они были либо партизанами, либо саботажниками. Он был уверен в этом, так как сам лично допрашивал их перед тем, как отправить на расстрел. Я спросил, а что происходило, если оказывалось, что пленник-еврей (в Брянске и округе евреев было мало. Зато Брянский лес был постоянной головной болью для немцев, являясь базой партизан (русских, естественно). — *Ред.*) не совершал никакого преступления? Его все равно расстреливали?

Он, казалось, был очень удивлен этим вопросом. Да, конечно, его расстреливали, заявил он.

Сделав небольшую паузу, чтобы справиться с удивлением, я задал следующий вопрос, который напрашивался сам по себе: «Какой же смысл было проводить расследование, если его результатом все равно всегда был расстрел? Зачем было тратить свое время на человека, которого вы все равно собирались казнить?»

Но Отт вовсе не был таким расточителем времени, как это могло показаться на первый взгляд. Он допрашивал своих пленников, чтобы получить от них информацию, которая способствовала бы поимке и казни других!

Но если арестованный отказывался давать показания о других? Его все равно расстреливали.

«Некоторые из них отказывались говорить?»

«Так точно».

«И их все равно расстреливали?»

«Если они были евреями, мы должны были их расстреливать».

Теперь перед нами стала открываться правдивая картина: «Значит, вы расстреливали некоторых людей только за то, что они были евреями?»

«Я уже говорил, ваша честь, что каждый выявленный еврей подлежал расстрелу. Не имело значения, был он злоумышленником или нет».

Отт дал даже больше подробностей: «Я дал указания командирам подразделений, что захваченные евреи, не имевшие отношения к партизанскому движению и под-

рывным организациям, должны были расстреливаться на основании приказа фюрера».

Однако не следует полагать, что Отт вовсе не питал никаких чувств к своим пленникам. Он рассказывал: «В июне 1942 г., даже не имея на то соответствующего приказа, я открыл лагерь для интернированных лиц в городе Орле. Я полагал, что людей не следовало расстреливать за относительно незначительные проступки. Поэтому я приказал помещать людей в этот лагерь, где они должны были работать. Я лично определял, какое время эти люди должны оставаться в лагере, на основе результатов расследования каждого конкретного случая моими подчиненными. Бывали случаи, когда таких людей просто освобождали».

Великодушие Отта в данном случае, возможно, было даже большим, чем он пытался продемонстрировать. Благородство его души выражается не только в том, что, как он заявил, «люди не должны расстреливаться за сравнительно незначительные проступки», но и то, что, как он сам подтвердил, «случалось также» (что следует понимать как «иногда даже случалось»), что людей не расстреливали!

То, как человек относится к распоряжению, которое ему приходится выполнять, то есть выполняет ли он приказ охотно или по принуждению, можно определить по тому, как именно он выполняет свою работу. Обвиняемый оберштурмбаннфрер СС Эдуард Штраух вряд ли мог быть заподозрен в том, что он не испытывает особых симпатий к приказу фюрера.

Штраух был интересной личностью. Первое знакомство с ним в здании суда произошло при настолько драматических обстоятельствах, что вызвало оживление у публики и послужило поводом для вдохновения журналистов. Когда судья Диксон спросил его: «Эдуард Штраух, имеется ли у вас адвокат, который будет представлять ваши интересы во время процесса?», он пронзительно закричал и рухнул на пол в припадке эпилепсии. Его пришлось вывести из зала суда. Очевидно, он думал, что может воспользоваться временными периодическими

припадками как доказательством своей недееспособности перед судом. Однако медицинский консилиум после осмотра Штрауха пришел к заключению, что «подсудимый Эдуард Штраух, за исключением коротких периодов до, во время и после припадков эпилепсии, вполне способен понимать выдвинутые против него обвинения и принимать адекватное участие в организации процесса своей защиты».

Изобретательность, которая подвигла его симулировать умственное расстройство, имела свои корни в обнаружившихся в нем еще раньше талантах, позволявших разработать самые изощренные методы работы эйнзатцкоманды 2 в составе эйнзатцгруппы А, благодаря чему в течение нескольких месяцев было убито более 50 тысяч евреев. Так, для того чтобы избежать сопротивления и массовых беспорядков среди своих жертв, он громко объявлял водителям грузовых автомашин, заполненных евреями, что они должны вести машины до определенного населенного пункта. Тем самым у пассажиров создавалось впечатление, что их действительно собираются просто переселить в другие районы. Однако чуть раньше Эдуард Штраух уже успевал проинструктировать водителей, что им следует ехать в одно-единственное заранее оговоренное место — все к тому же рву-могиле, выкопанному в лесу.

Тот, кто настолько близко к сердцу принимал свою работу, вряд ли мог бы искренне заявить, что не любит ее. Однажды Штраух даже совершил набег на офис своего руководителя, генерального комиссара рейха в Белоруссии, где захватил 70 евреев и отправил их на казнь. Грустная сторона этого предприятия заключалась в том, что бедный Штраух едва сумел избежать после этого неприятностей. Генеральный комиссар пожаловался на него руководству, правда, совсем не за то, что он убил 70 невиновных людей, а за то, что его подчиненный посмел явиться в его вотчину и расстрелять «его» евреев, не спросив предварительно на это разрешения.

Штраух заявил в ответ, что все, что он делал, он делал в интересах «дела». Он был обижен тем фактом, что к

нему могли предъявить какие-то претензии хотя бы за то, что, прежде чем евреев умертвили, он приказал извлечь у них золотые зубы. «Я подчеркнул, — досадливо проворчал он, — что не понимаю, как немецкие солдаты могут ссориться из-за нескольких евреев. Мне вновь и вновь приходилось сталкиваться с фактами, когда меня и моих подчиненных упрекали в варварстве и садизме. В то же время я не делал ничего такого, что выходило за рамки моих служебных обязанностей. Темой для криво-
толков стало даже то, что мои специалисты-врачи должным образом удалили из зубов евреев, которым предстояло пройти специальную обработку, золотые части».

Тем не менее, глядя на этого офицера СС, как-то не очень верилось, что все обвинения в садизме в его адрес были беспочвенными происками недоброжелателей. Два шрама, наискось прорезавшие левую щеку на его скуластом лице, как следы от ударов стилетом, делали зловещую внешность этого прирожденного убийцы еще более угрожающей.

Иногда во время казней случалось, что, когда приговоренного вели к могиле, он плевàл в своих палачей. Для них это было скорее забавно, потому что Штрауху и его коллегам было чем отплеваться в ответ. Причем плевки их автоматов всегда летели точно в цель и не могли случайно попасть в самих плюющихся. Какое, должно быть, им доставляло удовольствие наблюдать за тем, как те, кто пытался их обидеть, летели вниз головой в смертельную яму. И вот она заполнялась. Какое удовольствие было хоронить врагов Гитлера! Это была победа, настоящий триумф, именно этого требовал фюрер и призывал к этому в своих речах офицеров СС, славных СС, идущих от одной славной победы к другой. Подхватив эту заразу безумия, Штраух, естественно, присоединился к голосам тех, кто был убежден, что защищать евреев означало проявлять мягкотелость и витать в облаках гуманизма. Такие люди считали, что было немыслимым слушать музыку Мендельсона или оперу «Сказки Гофмана» Оффенбаха: это было все равно что проявлять явное пренебрежение идеями национал-социализма.

В своем отношении к музыке, написанной евреями, Штраух, вероятно, был вдохновлен примером Эйхмана, когда тот, будучи еще рядовым СС, избил двух коллег-баварцев за то, что они слушали «не ту музыку» на фонографе. Это был еще один способ, которым Эйхман демонстрировал своему руководству то, что он является «настоящим специалистом по еврейскому вопросу».

Когда Штраух, демонстрируя явно преувеличенную слабость походки, впервые направился к свидетельскому месту, он отвечал на вопросы невпопад и ни с того ни с сего сыпал бессмысленными заявлениями. Даже для не подготовленных в медицинском отношении людей это было явным свидетельством «упорядоченного беспорядка» или «запланированного отсутствия плана», что конечно же было направлено на то, чтобы обвиняемый был признан умственно неполноценным, что тем самым помогло бы ему избежать наказания за свои преступления. Но однажды он оказался настолько поглощенным рассказом о своих подвигах, что совершенно забыл о той линии защиты, которую решил избрать. Его глаза блестели при воспоминании о былой славе эйнзатцкоманды. Он был удовлетворен проделанной работой, ведь он лично участвовал примерно в 60—90 казнях. Он помнил ряды женщин и детей, построившихся в ожидании смерти. Проведя быстрые вычисления, он заявил, что, насколько он помнит, количество казненных им людей составило примерно 17 тысяч человек.

Глава 11

После Олендорфа, пожалуй, самое большое впечатление на посетителей суда, среди которых, помимо жителей Нюрнберга, были приезжие со всех частей света, произвел Пауль Блобель. С конца 1945 до 1948 г. Нюрнберг был своего рода Меккой для историков, писателей, драматургов, журналистов и дипломатов. Все понимали, что происходящее во Дворце правосудия было серьезной попыткой добиться соблюдения законности в междуна-

родном масштабе, как в отношении отдельных лиц, так и целых народов. Если Олендорф привлекал к себе внимание своей импозантной внешностью, Блобель вызывал испуганные взгляды по прямо противоположной причине. Поскольку он сидел в переднем ряду обвиняемых, его квадратная рыжая борода выдавалась вперед, подобно носу пиратского корабля, которым командовал ее владелец. Его налитые кровью глаза буравили того, на кого их владелец обращал свой сверлящий взгляд, подобно тому как смотрит загнанное в угол дикое животное. Трудно было поверить в то, что когда-то это свирепое существо было архитектором, который не держал в руках другого оружия, кроме логарифмической линейки и цветных карандашей.

Согласно отчетам эйнзатцгрупп, зондеркоманда 4а, которой Блобель командовал с июня 1941 по июнь 1942 г., уничтожила более 60 тысяч человек. Его адвокат доктор Вилли Хейм негодовал по поводу этих отчетов, заявляя, что приведенные в них данные были неточны. На самом деле, как он утверждал, в вину Блобелю можно было поставить уничтожение «всего лишь» примерно 15 тысяч человек!

Когда Блобель поднялся с места для обвиняемых на место для дачи свидетельских показаний, он из морского злодея превратился в главаря шайки бандитов-горцев. Упакованный в широкий военный китель с огромными накладными карманами и бесчисленными пуговицами, которые несколько напоминали патронташ с торчащими оттуда обоймами, он сам выстреливал свои ответы со скоростью автоматической винтовки. Всем своим видом он как бы выкрикивал, что было полнейшим абсурдом обвинять его в каких-то преступлениях. Он просто воевал на войне. Все документы лгали: он не убивал такого количества людей. К тому же эти люди были казнены по результатам проведенного расследования. И наконец, заявлял Блобель, все эти казни осуществлялись в рамках международного права.

Когда профессор Хорлик-Хохвальд спросил обвиняемого: «Не вызывали ли эти казни у вас моральных сомне-

ний, то есть считали ли вы, что эти казни осуществляются в соответствии с нормами международного права и нормами гуманности?», борода Блобеля качнулась, выражая негодование и обиду человека, которому пришлось выслушать абсурдный и оскорбительный вопрос.

Ведь казни «агентов, партизан, подрывных элементов, подозрительных лиц, пособников шпионов и саботажников, пытавшихся вредить германской армии»... — и он резким голосом закончил: — ...По моему мнению, были проведены в полном соответствии с положениями Гаагской конвенции».

Блобель не стал называть статью Гаагской конвенции, которая санкционировала убийства «подозрительных лиц». И он не выказал ни малейшего намека на осознание того, что казнь, основанная всего лишь на подозрении, и есть то, что принято называть убийством первой степени. Отелло предстоит множество веков гореть в «стекающих потоках жидкого огня», прежде чем ему будет прощена вина за удушение Дездемоны.

Когда обвинитель спросил Блобеля, испытывал ли он какие-то моральные терзания оттого, что ему приходилось убивать женщин и детей, он ответил отрицательно, потому что «каждый шпион и злоумышлённик знал, что ожидало его в случае ареста». Он не стал уточнять, в каком смысле женщины и дети могли быть шпионами и злоумышленниками.

А еще Блобель отметил, что казни часто носили характер ответных мер возмездия. Он считал, что казнь десяти врагов за одного «убитого» немецкого солдата не представляла собой нарушения пропорций ответных мер, поскольку «в других странах тоже практиковались меры возмездия, давались соответствующие приказы. Были случаи, когда от 100 до 200 человек платили своей жизнью за одну, если ссылаться на хорошо известный приказ генерала Эйзенхауэра».

Удивленный услышанным, я спросил: «Вы говорите, что существует хорошо всем известный приказ генерала Эйзенхауэра, где он отдает распоряжение казнить 200 человек за одного?»

Он ответил раздраженно: «Все немцы знают, ваша честь, что генерал Эйзенхауэр отдал приказ за каждого убитого американца расстреливать по 200 немцев». Обвиняемый превращался в обвинителя.

Зал был полон людей, многие из которых, разумеется, были немцами. Я сделал жест рукой слева направо, чтобы привлечь к себе внимание всей аудитории.

«В этом зале находится множество немцев. Не могли бы вы указать хотя бы одного, кто знал бы о приказе, на который вы только что сослались?»

Бородатый обвиняемый неподвижно сидел на стуле и не отвечал. Я спросил адвоката Блобеля, знал ли он о таком приказе. Доктор Хейм сказал: «Нет, ваша честь».

Я спросил обвиняемого, имел ли он возможность лично ознакомиться с тем приказом, и, когда он ответил, что сам не читал его, я спросил его, знаком ли тот приказ кому-то из присутствующих в зале суда юристов. На это Блобель ответил утвердительно. Тогда я направил свой взгляд сначала на группу адвокатов, сидевших за своими столами, а затем на группу обвинения.

«Итак, кто-то из этих юристов знает о приказе, не так ли?»

Блобель выкрикнул: «Да!»

«Кто из них?»

«Например, доктор Хейм читал об этом».

«Доктор Хейм уже заявил, что ничего не знает о таком приказе. Назовите еще кого-нибудь».

«Я не знаю других. Я только предположил, что эти люди должны знать об этом».

Он предположил, что, возможно, Олендорф был в курсе дела, но Олендорф на этот раз позволил себе одну из своих редких улыбок. Он ненавидел Блобеля, считая его лжецом, и ему доставляло удовольствие смотреть, как тот, по выражению Олендорфа, «варился в собственном соку».

На мой вопрос о том, мог ли он назвать хотя бы одного обвиняемого, который мог бы объявить, что видел этот приказ, Блобель ответил: «Мне придется спросить каждого из них по отдельности».

Я повернулся к обвиняемым: «Трибунал обращается с вопросом ко всем подсудимым. Свидетель заявил, и, конечно, каждый из вас слышал, что именно он заявил, что был отдан приказ генерала Эйзенхауэра о казни за каждого убитого американского солдата по 200 немцев... Кто-либо из присутствующих в этом зале обвиняемых слышал об этом приказе? Пусть поднимет руку тот, кому приходилось об этом слышать».

Обходя взглядом Олендорфа, Блобель обращал свирепый огонь своих глаз на каждого из обвиняемых по очереди, будто надеялся силой взгляда заставить кого-то из них поднять руку в знак поддержки его утверждения. Но вверх никто не поднял даже одного пальца. Все обвиняемые сидели будто окаменев. Я подождал одну или две минуты, а потом снова обратился к разозлившемуся Блобелю: «Никто из обвиняемых не поднял руки. Поэтому вернемся к вашему первоначальному заявлению, что каждый в Германии знал об этом приказе. Не желаете ли вы отказаться от этого заявления?»

Самоуверенная высокомерная борода упала на грудь своего обладателя. Поникли и огненные усы. Сквозь заросли волос послышалось бормотание: «В сложившихся обстоятельствах я вынужден просить у вас прощения».

Блобель был злым гением пресловутой массовой казни в Киеве. В сентябре 1941 г. евреи этого города были заранее предупреждены, что 29-го числа им следует собраться на общественной площади со всеми пожитками, так как они подлежали «переселению». Многие из них с удовольствием выполнили это указание, так как мечтали оставить город, доведенный до ужаса железным кулаком войны. Длинная колонна грузовиков проследовала сначала за своей добычей, а затем и в «район переселения», где все сразу же были поставлены под прицелы винтовок. Никогда Блобель, будучи архитектором, не планировал и не выполнял работ над проектом с такой эффективностью, как сейчас, когда речь шла об уничтожении человеческих жизней. Жертвы сердились за долгое ожидание, их мучили сомнения, неудобства, нéдостаток пищи и отсутствие крыши над головой, а также беспо-

койство за принадлежавшие им ценности и другое имущество.

Бывший строитель так мастерски организовал подачу грузовиков, работу расстрельных и похоронных команд, что к концу второго дня было расстреляно и похоронено 33 771 узник. (Это происходило в так называемом Бабьем Яру. Всего здесь в 1941—1943 гг. было расстреляно свыше 100 тысяч граждан СССР, в основном военнопленных и евреев. — *Ред.*)

Одновременно каждая вещь, принадлежавшая «переселенцам», была тщательно занесена в каталог. При этом была продемонстрирована не только трогательная забота о благе рейха, но и высшая степень милосердия, которое так и осеняло операцию своим светом, подобно разбитому фонарю. В официальном рапорте было указано, что «деньги, ценные вещи, одежда и нижнее белье были частично переданы в распоряжение NSV (благотворительная организация нацистской партии) для распределения среди немецкого населения, остальное поступило в городскую администрацию и предназначалось для раздачи нуждающимся».

В Житомире, расположенном примерно в 140 километрах от Киева, а затем и в самом Киеве по возвращении туда Блобель вновь занялся благотворительностью. Для того чтобы погрузить одежду, снятую с казненных, эсэсовцам понадобилось большое количество грузовых автомобилей. В рапорте от 12 ноября 1941 г. указывалось, что «в связи с кампанией против евреев в Житомире и Киеве было получено 137 грузовых машин с одеждой, которая была передана в NSV».

Блобель очень живописно, чуть ли не с гордостью, рассказывал о проведении массовых экзекуций. По его словам, после того, как вырывались огромные могилы, он делил свою команду на расстрельные взводы по 30 солдат в каждом.

«Из всех лиц, осужденных на казнь, за один раз отбиралось по 15 человек, которых ставили на колени лицом к могиле на ее краю. Когда люди были таким образом подготовлены к казни, офицер, командовавший

взводом, отдавал приказ открывать огонь. Поскольку приговоренные стояли на коленях у края ямы, как правило, они сразу же падали в могилу. У меня, как правило, были большие расстрельные команды, так как я отказался от привлечения к экзекуциям только солдат, которые были специалистами расстреливать выстрелом в шею (Genickschusspezialisten). Каждый взвод осуществлял расстрел в течение примерно одного часа, потом его сменял следующий взвод. Лица, которые ждали своей очереди на расстрел, находились недалеко от места казни под охраной взводов, которые в тот момент не принимали участия в ликвидациях».

Должен признаться, что мне не сразу удалось прийти в себя, прослушав рассказ о проведении массовой жестокой бойни людей, но, наконец, пришло время, когда я смог задавать вопросы относительно подробностей казней без дрожи в голосе и видимых признаков волнения. Я спросил Блобеля, не отмечал ли он на теле жертвы место, куда должны были целиться его солдаты во время казни? Если мой голос был достаточно тверд, то голос Блобеля был подобен гаубичному выстрелу, когда он ответил мне, что в его подразделении служили только отличные стрелки.

Тем не менее, когда мне пришлось продолжить, у меня было неприятное чувство: «Для того чтобы попасть в жизненно важную точку на теле человека, требуется твердая рука, очень хороший глаз, прекрасная нервная система и самообладание. Вы хотите сказать, что все ваши солдаты было настолько хорошо подготовлены, что они могли делать точные выстрелы, всегда попадая в нужные точки на теле жертв?»

Среди зрителей суда прошла видимая волна содрогания: как и я, посетители представили себе, как человек, получив легкое ранение, мог быть похороненным заживо. Но Блобель исключал такую возможность.

«После каждого залпа, когда выстрелы замолкали, кто-то из солдат осматривал казненных. Ведь приходилось, помимо прочего, сбрасывать в ров тела, если они сами не упали туда после выстрелов. Эта задача возлага-

лась на самих солдат распоряжением командира подразделения. Кроме того, было необходимо очистить край могилы. Этим занимались два человека с лопатами. После того как этот участок очищался, к могиле подводили следующую группу».

У меня перед глазами все еще стояли живые люди, которым, возможно, пришлось увидеть над собой смыкающуюся, подобно крышке гроба, землю.

«Поскольку процедура осуществлялась быстро, разве не могло быть такого, чтобы жертва была похоронена еще живой?»

«Нет, это было абсолютно невозможно, ваша честь».

«Вы исключаете такую вероятность?»

«Да, по той простой причине, что, когда солдаты видели, что выстрелы, направленные в голову, не попадали в цель, назначался один из солдат расстрельного взвода, который из винтовки снова стрелял с дистанции три-четыре шага. Поскольку делались повторные выстрелы, было абсолютно точно гарантировано, что все приговоренные были мертвы».

Легкий шум внизу, под судейским помостом, заставил меня посмотреть туда. Девушка-стенографистка, которая вела запись о ходе процесса, держала дрожавшую руку у рта. Она почувствовала удушье и пыталась восстановить дыхание. Другой рукой девушка водила по блокноту. Возможно, она, как и я, мысленно нарисовала себе заставляющую кровь застывать в жилах картину, как палач склоняется над своей беспомощной, лежащей с остекленевшими глазами жертвой и с трех шагов делает выстрел.

Несмотря на то что Блобель уверял суд, что всегда действовал в соответствии с законом, его всегда заботило уничтожение улик после казней. Тем же были обеспокоены Гиммлер, Мюллер и Эйхман в Берлине, поскольку они все же не были вполне уверены в том, что Германии удастся навсегда удержать за собой оккупированные в России территории. Обширные могилы слишком явно свидетельствовали о массовых убийствах. Блобеля вызвали в Берлин на Курфюрстенштрассе, 116 к

Эйхману. Тот вручил ему приказ за подписью Мюллера об уничтожении следов казней. Было необходимо раскопать все могилы и сжечь трупы. Поскольку трупы горели не очень хорошо, Блобелю приходилось использовать динамит.

Комендант концентрационного лагеря Аушвиц (Освенцим) участвовал в той операции вместе с Блобелем. Он докладывал, что «кости перемалывались с помощью специальных мельниц, и измельченные останки разбрасывались в близлежащих лесных массивах».

Несмотря на все эти попытки избавиться от призраков, которые могли начать преследовать его, Блобель не упускал случая похвастать делами своих рук. Свидетель Альберт Хартель, вызванный по просьбе самого Блобеля, показал, что находился вместе с рыжебородым обвиняемым в Киеве в марте 1942 г. Как-то однажды Блобель вывез его на прогулку на природу. Внезапно Хартель, как он вспоминал, с испугом понял, что земля под ногами имела странно неровный рельеф. После того как адвокат Блобеля задал уточняющий вопрос, Хартель пояснил: «На земле были воронки, похожие на следы взрывов. Я спросил Блобеля, что это такое, и он сказал: «Здесь похоронены мои евреи». Точно так же, наверное, охотник-дикарь гордится местом в джунглях, где он затравил тигра.

Блобель знал себе цену. Когда обвинитель Хорлик-Хохвальд, зачитывая его данные по списку, спросил, на самом ли деле его зовут Пауль Блобель, он встал, хотя до этого продолжал спокойно сидеть, и провозгласил: «Меня зовут Герман Вильгельм Пауль Блобель».

Эйхман испытывал теплые чувства к Блобелю, который, несмотря на явное пристрастие к спиртному, все же сумел сохранить свои знания архитектора. По просьбе Эйхмана он спроектировал несколько вариантов камер для проведения казней в концентрационных лагерях. В знак признательности Эйхман снабжал Блобеля шнапсом и несколько раз навещал его «на рабочем месте». Кроме того, он несколько раз вызывал Блобеля в Берлин, где тот читал лекции перед специалистами из геста-

по. В ноябре 1942 г., во время одного такого урока, Блобель полностью завладел вниманием аудитории своим живым повествованием о собственноручном опыте вскрытия могил и кремирования казненных евреев.

Независимо от способа проведения казни, палачи нахваливали сами себя, считая свой метод выполнения этой процедуры самым великодушным. Подсудимые один за другим подчеркивали перед трибуналом, что при выполнении своей работы их команды руководствовались исключительно соблюдением правил войны и гуманизма, о чем заботились со всей тщательностью. Конечно, как заявил Отто Олендорф, иногда «порядок выполнения процедуры вызывал протесты и неповиновение среди жертв, и тогда командам приходилось наводить порядок силой», то есть, попросту говоря, обреченных на казнь еще и избивали.

Обвиняемый бригадефюрер СС пытался уверить суд и в том, что его люди старались избегать «бессмысленных мучений» своих жертв.

Как еще люди, обреченные на смерть, могли реагировать на известие о своей неминуемой участи? Блобель говорил, что большинство из них принимало эту новость молча. Некоторые из тех, кого должны были расстре́ливать в спину, храбро поворачивались к своим палачам лицом, но и они делали это молча. Исполнителей удивляло это молчание, но что могли им сказать несчастные смертники? Какие слова можно было найти, чтобы говорить с этой бессловесной машиной насилия, попытаться рассказать ей о человечности, чудовищном нарушении закона о ценности человеческой жизни каждого? Беззащитные жертвы молчали. Им нечего было сказать своим палачам.

Когда Блобель пренебрежительным тоном говорил об этом молчании, я спросил его: «Вы имеете в виду, что они легко мирились с тем, что их ожидало?»

Он отвечал: «Да, причина была в этом. Так всегда обстояло дело с этими людьми. Они не так дорожили че-

ловеческой жизнью, как мы с вами. Она не так много значила для них. Они не знали, как много значит человеческая жизнь».

Я поморщился от такого самодовольства и грубого сравнения человеческих ценностей.

«Иными словами, они шли на смерть довольными?»

«Я бы не сказал, что они были довольны. Они знали, что их ждет. Им, конечно, сказали, что их ожидает, и они покорились судьбе, и это очень удивляло нас в этих людях с востока».

«Тем, что они не сопротивлялись, облегчали ли они вашу работу?»

«В любом случае охране никогда не оказывали сопротивления, по крайней мере кроме случая в Сокале (город на севере Львовской области на Украине. — *Ред.*). Все проходило очень спокойно. Конечно, это требовало времени. Но должен сказать, что мои подчиненные больше страдали от нервного истощения, чем те, кого они должны были расстреливать».

«Другими словами, вам больше жаль своих солдат, которым приходилось расстреливать, чем сами жертвы казней?»

«Мы должны заботиться о своих подчиненных».

«И вы их очень жалели?»

«Да. Психике этих людей (солдат) пришлось многое испытать».

Таким образом, к самим убийствам здесь примешивалась преступная наглость. Жертва рисовалась как нечто нечеловеческое, а палачей следовало жалеть. У человека отнимали все, включая и саму жизнь, но пострадавшим считался сам грабитель и убийца. Для этих людей «человеческая жизнь не так ценна, как для нас». Таким образом, Блобель утверждал моральное превосходство убийцы над теми, кого он безжалостно и аморально уничтожал. «Наши солдаты, которым приходилось участвовать в казнях, больше страдали от нервного истощения, чем те, кого они должны были расстреливать».

Хорошо познакомившись с этим некромантом-титаном, все мысли которого были наполнены кровью и мо-

гилами, было легко понять, почему подсудимый Ойген Штеймль, которому приходилось служить с Блобелем в одной эйнзатцгруппе, когда его попросили дать характеристики своим знакомым, отозвался о Блобеле так: «Кровожадный, грубый, без внутренних запретов, не пользующийся популярностью».

Если что-то и стоило запомнить об этом человеке, то именно такое определение, данное ему коллегой по службе. Но Блобель отнюдь не считал себя худшим человеком на этой земле. В последние дни войны, когда он знал, что ему предстоит плен и суд за его преступления, он направил всю злость на своего партнера в совместных выпивках Эйхмана, которого он обвинял в постыдном отречении от всего того, чему он посвятил свою жизнь. Даже оказавшись в сточной канаве полного морального разложения, Блобель принял решение хоть немного подняться над Эйхманом. В обстановке, когда армии нацистов сдавались в плен, а отдельные группы пытались уйти от преследования наступавших союзников (в последние дни войны немецкие войсковые формирования, воевавшие на Восточном фронте, пытались прорваться на запад, чтобы сдаться в плен союзным войскам, а не Красной армии. — *Ред.*), Эйхман и Блобель случайно наткнулись друг на друга в штабе Кальтенбруннера в Зальцбурге. Эйхман, поприветствовав приятеля, принялся горячо убеждать Блобеля в том, что они должны были всеми силами попытаться спастись. Блобель попросту проигнорировал его и пошел своей дорогой один — к неминуемому плену и неминуемой петле виселицы.

Глава 12

Изящный и опрятный бригадефюрер СС Эрих Науман предстал перед судом в коротком форменном кителе желто-зеленого цвета. У него были правильные черты лица, он обладал прекрасной военной выправкой. Наверное, Науман должен был производить сильное впечатление, когда в мундире генерала СС, сияющих сапо-

гах, со сверкающим кортиком на боку вел колонны к местам исполнения казней во славу Адольфа Гитлера и во имя очищения мира арийцев (от неарийцев).

Из русского города Смоленска в России он отсылал в адрес Эйхмана донесения, в одном из которых отмечалось, что в ноябре 1941 г. эйнзатцгруппой В было убито 17 256 евреев, в том числе 16 детей в детском саду. В другом рапорте указывалось, что в период с 6 по 30 марта 1942 г. было казнено несколько тысяч военнопленных. Несмотря на то что некоторые казни были отмечены как мера наказания за «воровство», «преднамеренное убийство», «акт саботажа» или «шпионаж», большинство казненных указывались просто как «евреи», «цыгане» или «члены коммунистической партии». Науман признал, что в распоряжении его эйнзатцгруппы было два или три газовых фургона (газвагена), которые применялись при «массовом уничтожении людей».

Здесь следует несколько отвлечься, чтобы коснуться вопроса об управлении и контроле со стороны Эйхмана за деятельностью эйнзатцгрупп, как это виделось на примере группы Наумана. На процессе над Эйхманом я упоминал о том, что начальник VI группы РСХА Шелленберг привлекался к работам в рамках операции «Цеппелин». (Массовая подготовка и заброска в советский тыл диверсантов и шпионов из бывших советских военнослужащих, попавших в немецкий плен. Осуществлялась с начала 1942 г. — *Ред.*) Некоторых из этих шпионов позже казнили сами немцы силами, в частности, солдат эйнзатцгруппы В под руководством генерала Наумана. Я указал, что Шелленберг работал во взаимодействии с АМТ IV (гестапо), и отчасти из чувства долга, отчасти из корпоративной солидарности двух коллег из одного ведомства Шелленберг установил контакт с руководителем подгруппы IV B4 гестапо Эйхманом.

По этой причине, а также в связи с тем, что во время отсутствия Мюллера он выполнял обязанности последнего, Шелленберг знал все подробности деятельности Эйхмана. На Нюрнбергском процессе Шелленберг рассказал мне, а я засвидетельствовал этот рассказ на судеб-

ном процессе в Иерусалиме, что «Эйхман как шеф той части структуры РСХА, что занималась еврейским вопросом, направлял и контролировал операции эйнзатцгрупп по истреблению евреев».

Наумана, как и Брауне или Отта, можно было отнести к той части группы обвиняемых, которая избрала принцип защиты «я ничем не выделялся среди остальных, выполняя приказы сверху». Когда Науман занял отведенное ему место, чтобы дать показания в свою защиту, я спросил его, действительно ли он полагает, что для того, чтобы выиграть войну, было необходимо убить сотни тысяч беззащитных людей, в том числе женщин и детей, он, не задумываясь, ответил утвердительно.

Однако позже он, вероятно, все же почувствовал, что допустил промах, и тоже попытался укрыться за спасительной фразой, что приказ Гитлера вызывал у него неприятный осадок. Тогда я предположил, что, наверное, он допускал, что было неправильно убивать невиновных представителей мирного населения, в особенности женщин и детей, и спросил об этом обвиняемого. Но он ответил под рокот удивления, прокатившийся в зале суда в Нюрнберге, заполненном зрителями и представителями прессы из разных уголков мира: «Нет, ваша честь, это не было неправильно. Ведь я был обязан делать это, поскольку существовал приказ фюрера».

Однако позднее смысл его ответов вновь стал склоняться к прямому признанию того зла, которое нес этот приказ. Я задал естественный вопрос: «То есть вы сознавали, что в приказе было нечто неправильное с точки зрения морали?» И снова получил неожиданный ответ: «Нет».

«Вы не видели ничего предосудительного в том, чтобы, как косой, опустошать ряды тех беззащитных мужчин и беспомощных женщин и детей? Вам не казалось это неправильным с точки зрения морали?»

«Это не было несправедливостью, ваша честь».

Поскольку не было никаких сомнений в том, что Науман участвовал в убийствах, в которых обвиняли его

самого и его подчиненных, единственным, что нам оставалось, было установить, истреблял ли он тысячи людей, перечисленных в своих рапортах, поскольку полностью и искренне одобрял приказ фюрера, из чего следовало бы, что его вина установлена окончательно. Или же он был вынужден делать это против своей воли, что привело бы к тому, что вердикт суда был бы более мягким. Таким образом, для того чтобы трибунал мог принять решение, жизненно важным было установить, допускал ли когда-либо Науман, что директива его фюрера могла быть незаконной. На прямой вопрос об этом он ответил: «Ваша честь, я знаю, что мое «да» или «нет» является очень важным для вашего решения, и я готов сразу ответить на этот вопрос».

Но было видно, что на самом деле он испытывает тяжелые сомнения, и о том же говорило повисшее тяжелое молчание. Желая несколько разрядить обстановку, я отметил, что все, чего мы ждем, — это правды.

«Как вы думаете, был ли приказ справедливым или нет? Каким он был? Суд никоим образом не намерен оказывать на вас давление с целью получить окончательный ответ».

Я обратил внимание обвиняемого на необычность того факта, что по приказу фюрера людей убивали, не давая им возможности защитить себя или даже выразить свой протест.

«Были ли вы согласны с приказом или вы не соглашались с ним?»

Его голос дрогнул, когда он ответил: «Да, ваша честь, я был согласен с тем приказом».

Но как только он произнес эти слова, похоже, сразу же пожалел об этом. Он смотрел застывшим взглядом вперед, как бы сознавая, что здесь, в Нюрнберге, он стоял на перекрестке, там, где народы всего мира подводили итог его деяниям. Мышцы его горла явственно напряглись, и я предположил, что он готовится заявить, что его мучает совесть, что он не может выдержать ее постоянных приступов в связи с убийствами такого количества людей, перед которым содрогнулся бы даже

вождь дикарей-каннибалов. Но Науман продолжал колебаться. Было видно, что он не может отречься от человека, который сделал его генералом и наделил той высшей властью, которой может только пожелать смертный, властью единолично выносить смертные приговоры. И он решил остановиться на прежнем решении и настаивать на том, что одобрял приказ Гитлера.

Желая убедиться, что это было хорошо обдуманное решение, я спросил: «И поскольку вы были согласны с приказом, вы всегда охотно выполняли его, не испытывая потребности попытаться отказаться от его выполнения?»

Его пальцы выбивали дробь на бортике ограждения свидетельского места; он несколько раз закрыл и снова открыл глаза. Теперь чувство моральной вины, возможно, нашептывало ему ответ, который должен был показать миру, что у этого человека есть совесть.

«Я уже сказал, ваша честь, что у меня были сомнения. Да, я испытывал и нежелание выполнять приказ, и борьбу между долгом и совестью и одновременно сознавал, что эта мера была необходимой для борьбы с большевизмом».

Как уже было сказано, ему, конечно, было понятно, что его ответы будут иметь решающее значение. Поэтому я хотел дать ему столько времени, сколько было нужно, чтобы осознать, что он совершил и как он будет за это нести ответственность.

«То есть вы все-таки не вполне были согласны с приказом фюрера? Позвольте мне напомнить вам, подсудимый, что, когда солдат идет в бой, он не испытывает сомнений. Он идет сражаться. Он знает, что его противник вооружен. Он знает, что воюет за свою страну и поэтому может убивать. А потом, когда он возвращается домой, по ночам он спит спокойно, не испытывая ни сомнений, не раскаяния. Наоборот, он может с удовольствием вспоминать битвы, в которых участвовал. А вы говорите, что испытывали чувство сомнения. Иногда вам не хотелось выполнять приказ, то есть...»

Здесь я сделал паузу, и, казалось, весь мир замер вместе со мной. Обвиняемый сидел так же неподвижно и

спокойно, как песочные часы на стене. И весь зал замер, подобно статуям. Проникающий в зал заседаний солнечный свет отражался от пола и бросал причудливые тени на многочисленных посетителей. Он падал на свидетельское кресло, играя на мундире Наумана так, что форма стала похожа на ослепительно сверкающие доспехи. Казалось, время остановилось.

Прочистив горло, чтобы завершить свое заявление, я снова заговорил: «Итак, я спрашиваю вас, бывало ли такое, когда вам не нравился этот приказ?»

И снова молчание. Внешне Науман выглядел так же, как бронзовые песочные часы, но было видно, что внутри его гложет сомнение и хочется переменить свое решение. Что же он предпочел: остаться честным в глазах фюрера, даже мертвого? Или заслужить уважение мира, тысячи ни в чем не повинных обитателей которого он обрек на смерть? Науман слегка развернулся в кресле, чтобы иметь возможность смотреть мне в лицо. Он одернул лацканы мундира и мягким уважительным голосом ответил: «Ваша честь, я считал приказ правильным, потому что в нем содержалась одна из наших целей в войне. А это значит, что он был необходим».

Для того чтобы не было никаких сомнений в его решении, я отметил, какие выводы мы сделаем из его слов.

«Значит, из вашего ответа трибунал может заключить, что вы не видели в приказе ничего плохого, несмотря даже на то, что он обрекал на смерть беззащитных людей. Именно такой вывод мы делаем из вашего ответа».

Он кивнул: «Да, ваша честь». И когда он шествовал обратно на место обвиняемых, можно было вообразить, что он делает это под аккомпанемент музыки из оперы «Гибель богов» (Gotterdammerung) Вагнера.

Поведение штандартенфюрера СС Вальтера Блюме несколько отличалось от поведения генерала Наумана. Он заявил, что повиновался приказу фюрера, так как был вынужден выполнять его. Но в душе эта директива наполняла его отвращением. Однако, несмотря на это, он требовал

от своих людей четкого выполнения приказа. Со шрамом, от левого угла его рта до половины его щеки, когда этот человек давал свидетельские показания, казалось, что с помощью скальпеля хирург еще слегка расширил отверстие его рта, чтобы ему было легче разговаривать со своими подчиненными из зондеркоманды 7а, которая, судя по его рапортам, внесла свой вклад в дело очищения оккупированных территорий от «абсолютно неполноценных в расовом отношении элементов».

Было легко представить себе, как Блюме с его покатым лбом и широким ртом стоит перед строем солдат и отдает им команду заполнить магазины и взвести курки, а затем зычным голосом обращается к ним теми же словами, которые он говорил в суде: «Конечно, это не дело немецкого солдата расстреливать беззащитных людей, но фюрер отдал приказ о таких расстрелах, иначе эти люди либо станут стрелять в нас, став партизанами, либо в наших товарищей и наших собственных женщин и детей. Всех их нужно защитить, поэтому мы и обязаны осуществить эту казнь».

Блюме пояснил со свидетельского места: «Мы должны были помнить об этом, выполняя тот приказ». Но при этом он забыл упомянуть, что мужчины, женщины и дети, которых он приказал умертвить, не совершали никакого преступления и никого не убили. Он только помнил слова фюрера о том, что «эти люди собирались стрелять в них», их женщин и детей, находившихся за тысячи километров от них. Иными словами, евреев следовало убить за то, что существовала вероятность, что они неизвестно когда в необозримом будущем могут представлять опасность для фюрера и его палачей. Блюме говорил, что подготовил свою речь, чтобы пощадить чувства своих подчиненных, но то, что он делал, на самом деле убеждало их, что убивать невиновных беззащитных людей было правильно и справедливо. Если бы он действительно считал приказ несправедливым, совесть в конце концов не позволила бы ему говорить фальшивые слова в защиту этого приказа, упоминая о справедливости и порядочности. Его проповеди, возмож-

но, убедили его солдат со всем энтузиазмом участвовать и в других казнях, от чего в противном случае они могли отказаться или выполнять их не так ретиво.

Очевидно, предвидя заранее, что его могут спросить, почему, считая приказ фюрера несправедливым, он не подавал по команде ложные отчеты, тем самым избавив себя и своих людей от его выполнения, Блюме заранее сам опроверг невысказанное обвинение: «Ложный рапорт в моем случае был бы невозможен. Я считал это недостойным для себя занятием». Затем он добавил в результате дальнейших раздумий: «Помимо моего личного отношения к ложным донесениям, это было бы неверно и потому, что вскоре ложь все равно была бы раскрыта. Такое было бы рассмотрено как прямое неподчинение и для меня лично означало бы смертный приговор».

Конечно, если бы возможное суровое наказание было главным мотивом, это значило, что отказ Блюме подавать ложные рапорта руководству был оправданным, так как основывался на чувстве самосохранения. Но, поскольку он предложил два взаимоисключающих варианта объяснения, я спросил его, который из них подвигал его на необходимость скорее продолжать убийства, чем сочинять ложные донесения. Он ответил: «Ваша честь, сегодня я уже не могу представить себе точно, какое же из тех соображений брало тогда верх, но оба они были вполне реальными, и оба представляли собой препятствие к этому решению».

Я настаивал, чтобы он дал ответ: «Но эти две причины являются несовместимыми. Это как человек, который решает, украсть ли ему 100 долларов или нет. И вот в его голове созревает такой конфликт: «Если я украду эти деньги, то стану бесчестным человеком и не буду прав даже в собственных глазах. Это неправильно, аморально. Это одна причина. А вот вторая: меня могут поймать и осудить за эту кражу». Но в данном случае вторая причина делает абсолютно бессмысленной первую, потому что в этом случае нет никакого смысла вести с собой дебаты по вопросам морали. Человеком движет лишь страх быть пойманным».

Казалось, что Блюме обидело это сравнение. Он расправил плечи, ведь он был мужчиной, и с нажимом произнес, что «чувство того, что составление ложных донесений является недостойным занятием, заставило меня отказаться от этого».

То есть он полагал, что для мужчины более достойно убивать людей, которые, как он знал, ни в чем не были виноваты, чем обманывать своих руководителей в Берлине, где-то далеко, за несколькими границами.

Это представляло собой хороший пример для размышлений. Человек, которому необходимо выбрать между честью и жертвой и бесчестьем без жертв, естественно, будет стремиться избежать такого выбора. Но никто не говорил, что в жизни не случается сложных ситуаций, когда необходимо принять важное решение. Перед Блюме стоял выбор между возможностью физического убийства и абстрактной концепцией обмана. Ему предстояло выбрать, что было более достойно: отправить по команде наверх рапорт, в котором бы указывалось, что 5 тысяч мужчин, женщин и детей были расстреляны, хотя на самом деле они были живы, или все-таки отправить этих беззащитных людей в лес, безжалостно их расстрелять, закопать в могилы, зная, что кто-то мог быть похоронен заживо.

Блюме очень заботился о здоровье своих подчиненных. После приведения в исполнение приговора он охотно выезжал с ними на природу, например на берег живописного озера, где они могли развлечься и расслабиться. Он свидетельствовал: «Они были очень благодарны мне за это. Мы каждый день начинали с зарядки. По вечерам пели песни у костра».

Но в тысячах домов, которые по его вине лишились отцов, матерей и детей, в это время песен не пели. Для Блюме существовал один-единственный дом, свой собственный, куда он надеялся вернуться, увенчанный лавровым венком, и занять место у ног человека, которому он вручил свою совесть и кто представлял собой для него все законы мира. Когда Блюме рассказал о случае, где ему пришлось казнить трех человек за призыв к крестья-

нам не сдавать урожай нацистским захватчикам, прокурор Ференц спросил у него: «Вам знакомы правила ведения войны?»

«В данном случае я действовал, выполняя приказ фюрера, где говорилось, что саботажники и (советские) чиновники подлежали расстрелу».

«Считаете ли вы человека, который говорил крестьянам, что не надо работать на захватчиков, саботажником только потому, что он отказался помогать нацистам? Заслуживает ли он смертного приговора, который вы ему вынесли?»

«Да».

«Вам знакомы правила ведения войны?»

«Я уже заявил, что руководствовался приказом фюрера. В этом и заключались для меня правила ведения войны».

Блюме заявлял, что он «восхищался Гитлером», «преклонялся перед ним» и «боготворил его», потому что Гитлер оказался прав. Его мысли о том, в чем же прав был Гитлер, можно понять по некоторым его ответам на вопросы, касавшиеся вторжения немецких войск на территории нейтральных стран.

«Считаете ли вы, что было правильным объявить войну Норвегии, которая сама войны Германии не объявляла?»

«Ваша честь, я могу только повторить, что в то время нам вполне ясно объяснили причину этого, и мы в нее верили».

«Лично вы тоже верили, что это было правильно?»

«Мы верили... Мы должны были быть первыми». (Немцы лишь совсем ненамного в 1940 г. опередили англичан и французов, которые также высадились в Норвегии. — *Ред.*)

«Не важно, что вам сказали, верили ли вы, что было правильным нападать на Норвегию?»

«Я верил, потому что мне так сказали».

«Вы считаете, что это было правильно, потому что вам так сказали?»

«Да».

«И вы верили, что было правильно оккупировать Данию, Голландию и Люксембург?»

«Все это было связано с заявлением о том, что мы должны выполнить приказ и не дать напасть на нас».

«Но вы считаете, что это было правильно?»

«С этой точки зрения да».

«Вы полагали, что было правильно нападать на Грецию?»

«В то время все было по-другому».

«Но вы считали, что все это было правильно? Это единственное, что мне хотелось бы узнать».

«Да, ваша честь».

«Считаете ли вы, что было правильно оккупировать Югославию и Бельгию?»

«Да, так нам тогда говорили».

«А сейчас вы тоже оправдываете все эти захватнические войны? Считаете ли вы сегодня, что было правильно захватывать все эти страны?»

«Ваша честь, здесь у меня не было возможности изучать историю».

«Считаете ли вы сегодня, что было справедливо оккупировать Норвегию, Данию, Голландию, Люксембург и другие страны?»

«Я не могу ответить на этот вопрос, ваша честь».

Блюме считал, что Адольф Гитлер «возложил на немецкий народ великую миссию». Ему было все равно, что означала эта миссия для остального человечества. Вместе с остальными членами нацистской партии он добровольно принес Гитлеру клятву: «Я клянусь в непоколебимой верности Адольфу Гитлеру; я клянусь абсолютно повиноваться ему и тем командирам, которых он мне назначит». Таким абсолютным подчинением своей воли воле Гитлера Блюме убил в себе способность рассуждать по поводу указаний, полученных от вышестоящего командования. Когда кто-либо добровольно отказывается мыслить самостоятельно и вручает себя, подобно продажной женщине, в руки другого, он не должен жаловаться, если его накажут за преступления, задуманные и запланированные тем, в кого он так беззаветно верил. И необходимо раз и навсег-

да сказать, что Гитлер со всем его коварством и неприкрытой жестокостью остался бы безвредным, как старик бродяга, если бы не было всех этих многочисленных блюме, блобелей, брауне и биберштейнов, согласившихся безоговорочно выполнять его приказы. А ведь я перечислил только фамилии, начинающиеся с буквы «Б».

Глава 13

Когда я в первый раз увидел, как подсудимые, которые обвинялись в совершении таких тяжких преступлений, признавались в их совершении, я с удивлением узнал, что большинство из них получило хорошее образование. Это натуральным образом меня шокировало, так как обычно жестокие преступления ассоциируются с грубыми невежественными существами. Еще больший шок мне довелось испытать, узнав, что один из этих интеллектуальных бродяг не только обладает высокой степенью доктора наук, но и занимает кресло на кафедре политологии знаменитого Берлинского университета. Академическая карьера этого человека, Франца Зикса, могла бы стать примером для подражания для любого школьника, о котором впору было бы упоминать в школьных торжественных речах. Он учился сначала в реальном училище, затем окончил классическую школу в Мангейме, был принят в Гейдельбергский (Хайдельбергский) университет, где специализировался на социологии и политологии, став доктором философии. Затем он преподавал в Кенигсбергском университете, где получил звание доцента факультета права и политологии. Позже Зикс преподавал в Лейпцигском университете, пока, наконец, не получил приглашение в Берлинский университет, где стал деканом факультета международных отношений.

Однако, по иронии судьбы, профессор Франц Зикс имел вовсе не преподавательский внешний вид, и с каждым новым килограммом плоти на своем мясистом могучем теле он становился все меньше похож на ученого мужа. Наверное, это можно было бы выразить словами

старой поговорки: «Он больше походил на пьющего (bibulous), чем на читающего (bibliophile)». Его сутулость еще больше подчеркивала неопрятность измятого костюма, а старомодные очки не слишком плотно сидели на его педагогическом носу. Но, несмотря на все это, Гиммлер не колебался, когда присвоил Францу Зиксу звание бригадефюрера СС.

Несмотря на свою занятость наукой, Зикс находил время для участия в маршах коричневорубашечников (штурмовиков) по городским улицам со своими друзьями-нацистами. В 1930 г. он сам стал полноправным членом нацистской партии. Впоследствии он вступил в сеявшую смерть организацию СД и благодаря еще одному неожиданному повороту колеса фортуны стал старшим начальником над главным палачом того времени Адольфом Эйхманом. Именно Зикс рекомендовал Эйхмана к назначению в научный музей по делам евреев, и именно он помог организовать поездку того в Палестину в 1937 г.

Вызывая в нацистских кругах неизменное восхищение и уважение, каким пользовались в их мире все педанты и схоласты, понимая, что шкура носорога пользовалась большим уважением, чем шкура овцы, Эйхман благодаря своей постоянной демонстрации брутального антисемитизма вскоре обошел Зикса. Теперь он стал учителем, а Зикс, хотя, по-своему, он был не менее жесток, превратился в примерного ученика.

Готовя эйнзатцгруппы к выходу на намеченный маршрут, Эйхман, благодарный своему бывшему учителю за старт, который тот ему обеспечил, и хорошо зная об идеальных качествах исполнителя Зикса и его антисемитизме, рекомендовал его Гейдриху на должность командира так называемой «предварительной команды Москва», которая, как и все другие подобные команды, была нацелена на истребление евреев.

Но когда Зикс занял место свидетеля, он принялся отрицать участие его подразделения в казнях, даже несмотря на то, что в наших руках находились документы, неоспоримо свидетельствующие о том, что его команда со всем пылом выполняла пресловутый приказ фюрера.

Зикс настаивал на том, что задачей его людей был сбор документов и архивов, но, даже если это и было правдой, это вовсе не исключало участия подразделения в ликвидациях. Гитлер приказал уничтожить всех партийных деятелей. Списки этих людей были найдены среди «архивов и документов», которые собирал Зикс. Все эти люди были отправлены на расстрел сразу же после того, как их обнаружили.

Зикс также настаивал на том, что его интерес к евреям был чисто академическим. Природу этого научного интереса можно понять из его речи, произнесенной в апреле 1944 г. в Круммхубеле (ныне городок Карнач, горнолыжный курорт в горах Крконоше на юго-западе Польши. — *Ред.*), на совещании консультантов по еврейскому вопросу. Вот выдержка из нее: «Физическая ликвидация восточного еврейства лишит всех евреев биологических резервов... Еврейский вопрос должен быть решен не только в Германии, но и в международном масштабе».

Несмотря на эти призывы к уничтожению еврейства, Зикс заверял, что он был вполне терпимым человеком. Он сидел, откинувшись спиной на спинку свидетельского кресла, и был похож на человека, образование которого настолько глубоко и широко, что не позволяет ему скатиться к мелочности расовых предрассудков. Зикс объяснил, почему для него было невозможно быть антисемитом. Еще во времена, когда он работал над своей докторской темой, двое его любимых преподавателей были евреями. Он заявил, что ничего кроме огромного уважения к тем людям не испытывал, что он считал их своими друзьями. Он часто был в гостях у них дома и даже после окончания учебы продолжал переписываться с одним из них. Я спросил у него, как он относился к тем двум евреям после того, как на них обрушилась вся ярость нацистской бури. Он пожал тяжелыми плечами: «В любом случае мне было крайне неприятно, что эти люди попали под жернова новых правил и законов».

Но он полагал, что на самом деле евреи не очень сильно пострадали. Когда ему напомнили о том, что

примерно 1 миллион евреев подверглись преследованиям, Зикс резко наклонил голову вперед и недоуменно спросил: «Что вы имеете в виду под преследованиями?»

На его вопрос ответили: «Профессор Зикс, для человека, который был деканом в университете и профессором, а также журналистом, генералом и солдатом, имея весь этот опыт, из уст такого человека, как вы, такой вопрос звучит несколько несерьезно. Это может означать, как вы знаете, все, что угодно, от прямых нападок до убийства. Именно это и понимается под словом «преследование». Оно включает в себя целую гамму понятий, от самого простого, означающего оскорбление, и до тяжелейшего преступления, под которым понимается убийство беззащитных людей с последующим погребением их в безымянных могилах. Это является определением слова «преследование». Чувствовали ли вы себя задетым тем, что все евреи подвергаются преследованиям?»

Из объяснений Зикса следовало, что он считал «бесстыдным и скандальным» разрушения и поджоги синагог, но не видел ничего плохого в выполнении приказа Гитлера по еврейскому вопросу.

Как Давид в схватке против Голиафа, тщедушный Ференц посмотрел вверх на высокого Зикса и с презрением в голосе спросил: «Вы заявили, что когда вы узнали о поджогах синагог, то чувствовали стыд за немцев. Я спрашиваю у вас как у немца, ощущали ли вы стыд и позор, когда вы узнали об убийствах беззащитных людей?»

В ответ Зикс пожал плечами и хитро ответил: «Это зависит от обстоятельств».

Но от Ференца не так легко было отмахнуться. Он настаивал на определенном ответе. Зикс обратился к судьям с возражением. Ференц повторил вопрос. Зикс вышел из себя, но в конце концов, призвав к работе весь свой большой ум педагога, ответил: «Тот факт, что поджигали синагоги и не предпринимали шагов, чтобы предотвратить это, я воспринимал со стыдом, как немец и как человек. Но я не могу воспринимать со стыдом приказ. В конце концов, можно было бы сказать или не говорить о содержании приказа, но не о самом приказе.

Я также не могу назвать приказ скандальным. Если глава государства издает приказ, я могу судить о нем только как человек, и я готов воспринимать и осуждать его как человек. Но я не могу назвать скандальным приказ главы государства».

Своим ответом Зикс сорвал с себя внешний налет образованного и культурного человека и предстал перед нами во власти первобытных предрассудков. Несмотря на то что прошли годы с тех пор, как фюрер подписал этот приказ, несмотря на то что весь мир пришел в ужас от преступлений, совершенных в государстве, возглавляемом Гитлером, несмотря на то что в результате тирании Гитлера вся Германия лежала в развалинах, несмотря на то что Зикс и его коллеги-подсудимые предстали перед судом по обвинению в преступлениях, за которые заслуживали смертных приговоров, он все еще отказывался признавать приказ Гитлера «позорным и скандальным».

Такой ответ настолько удивил меня, что мне захотелось услышать подтверждение. Поэтому я спросил его, не считает ли он уничтожение евреев «позорным и скандальным».

Он переспросил: «Должен ли я отвечать на этот вопрос?»

Я ответил: «Если вы не захотите отвечать, трибунал будет вынужден посчитать, что вы не видите разницы между разрушением мертвого нагромождения камней, кирпича и раствора и жизнью живых людей. Вам предъявили обвинение, и вы добровольно даете показания. Никто из подсудимых не обязан выходить на место свидетеля, если он не хочет этого, но как только он занимает это место, он находится под перекрестным допросом и, конечно, дает показания только добровольно».

Между тем Ференц снова задал вопрос: «Когда вы узнали об уничтожении евреев по приказу Гитлера, восприняли ли вы тот приказ как позорный и скандальный?»

На этот раз Зикс охотно признал бы неправильным решение убивать женщин и детей, но ему не хотелось бы признавать того же и в отношении мужчин, поскольку в

приказе фюрера было указание убивать и беззащитных мужчин.

Несмотря на то что, давая свидетельские показания, Зикс не мог продемонстрировать никаких особых знаний по еврейскому вопросу, он внес свой вклад в процесс над Эйхманом, когда произнес: «Если бы я неожиданно решил сделать что-то хорошее для евреев, я бы не пошел с этим к Эйхману, потому что по таким вопросам он постоянно находился в оппозиции. Я бы в первую очередь отправился в МИД, а потом к Шелленбергу. Все исключения из правил можно было всегда обсудить с Шелленбергом».

К этому заявлению Эйхман сделал едкое замечание: «Это очень странное заявление для человека, который так рьяно высказывался против евреев в 1944 г.».

Таким образом, Зикс утверждал, что он помогал евреям, а Эйхман засвидетельствовал, что он никогда не был антисемитом. Но, несмотря на это, 6 миллионов евреев (разные исследователи дают разные цифры — от 2,7 миллиона до 5,7 миллиона. — *Ред.*) погибли под колесами страшной машины, которая никогда не замедляла свой ход и не ослабляла нажим благодаря тому, что за педалями управления сидели люди, подобные Эйхману и Зиксу.

Штандартенфюрер СС Мартин Зандбергер тоже считал приказ фюрера законным, так как Гитлер обладал «высшей и непререкаемой властью» в создании законов. Зандбергер командовал зондеркомандой 1а эйнзатцгруппы А, действовавшей на территории Эстонии, одновременно в течение 26 месяцев являясь руководителем тайной полиции и СД этой оккупированной страны (тогда республики в составе СССР. — *Ред.*). За это время синагоги уничтожались, а евреи подвергались казням, организовывались еврейские погромы (в основном эти акции осуществлялись самими эстонцами, десятки тысяч которых стали эсэсовцами. — *Ред.*), но Зандбергер все равно отрицал, что предпринимал что-то незаконное. Самое большее, что делалось по его приказу, — это заключение евреев под стражу «для их же собственной безопасно-

сти». Что происходило с ними после того, как они попадали в тюрьму, можно понять из рапорта, датированного 15 октября 1941 г.: «В настоящее время в Харку (около 4 километров к западу от кварталов Таллина. — *Ред.*) строится лагерь, где будут собраны все проживающие в Эстонии евреи. Поэтому можно сказать, что в недалеком будущем Эстония станет свободной от евреев» (и это эстонским эсэсовцам удалось. — *Ред.*).

Круглолицый и моложавый (ему было 36 лет) Зандбергер производил впечатление человека, рассказывавшего в баре небылицы. И сами истории, услышанные из его уст, отнюдь не рассеивали этого впечатления. Например, он свидетельствовал, что никогда не позволял казнить людей без предварительного расследования и суда. По его словам, он построил судебную систему, основанную на иске, заявлении, рассмотрении дела, повторном рассмотрении, куда включалось до трех судебных инстанций в составе 12 человек, включая его самого.

Если бы для лиц, казненных по его приказу, существовало хотя бы подобие суда, было бы несложно найти людей, которые подтвердили бы слова обвиняемого. Адвокатам в Нюрнберге была предоставлена максимальная свобода собирать доказательства в любой стране, но им так и не удалось найти ни одного свидетеля, ни одного документа, подтверждающего слова Зандбергера. Помимо того что отсутствовали доказательства по существу заявления подсудимого, с нашей стороны было бы наивно ожидать от него организации судебных процессов для людей, которые были обречены на массовое истребление тем самым приказом, который давал Зандбергеру полную свободу действий.

Он рассказал нам об одном случае, когда приказал направить примерно 800—900 евреев в лагерь для перемещенных лиц на территории Эстонии. Поскольку интернирование являлось первым шагом к последующему уничтожению, я спросил у Зандбергера, провел ли он расследование, прежде чем отдать приказ об этом. Его ответы в полной мере характеризуют взгляды Зандбергера на то, что представляет собой расследование.

«Расследовали ли вы какое-либо из дел этих 800—900 евреев?»

«Да».

«Сколько?»

«Я не могу привести количество».

«Почему вы не можете привести количество?»

«Я не помню этого числа».

«Ну, может быть, речь идет о 500 случаях?»

«Если говорить о приблизительном количестве, речь идет о 80—100 делах».

«Почему вы не провели расследование в отношении остальных 700 или 800 дел? По-вашему, было справедливо рассмотреть всего 80—100 дел и не разбирать остальные? Это ваш подход к правосудию?»

По профессии Зандбергер был адвокатом. Он был обучен соображать быстро и заявил, что у него было две причины не рассматривать оставшиеся дела интернированных.

«Первой причиной было то, что Шталекер отдал приказ о немедленном интернировании всех задержанных, и я должен был подчиниться ему». (О второй причине он так и не рассказал.)

«Тогда почему вы сделали исключение для 80—100 дел, которые решили рассмотреть?»

«Здесь расследование проводилось в связи с другими делами, в частности делами об эстонских коммунистах, к которым эти евреи имели отношение. Поэтому необходимо было допросить их».

Да, он думал быстро, но не был достаточно дальновиден.

«Вы сами просматривали те дела?»

«Лично я никогда не вел расследований».

Во втором случае Зандбергер заявил, что в городе Пскове он поместил в концентрационный лагерь 450 евреев в целях их же безопасности. Он был уверен, как он сказал, что вскоре приказ фюрера будет отменен. Позже тех евреев расстреляли. Зандбергер объяснял, что он не был виновен в этом. Казнь была проведена без его приказа и в его отсутствие.

Прокурор Джон Гленси в ходе энергичного перекрестного допроса не оставил от этого объяснения камня на камне.

«Итак, вы собрали тех людей в лагерях?»

«Да, я отдал такое распоряжение».

«Знали ли вы о том, что в будущем у них нет иной перспективы, кроме как казнь?»

«Я надеялся, что Гитлер отзовет свой приказ».

«Знали ли вы, что с высокой долей вероятности после ареста все эти люди будут казнены?»

«Да, я знал о такой возможности».

«Возможности, которая фактически была почти стопроцентной, не так ли?»

«Возможно, что так».

Был еще случай, когда в его отсутствие евреи были расстреляны. Снова Зандбергер пожаловался на то, что ничего не знал об этом. Но в то же время он не приказал непосредственному исполнителю больше не поступать таким образом.

«Касаясь того разговора с ним: сказали ли вы ему или нет, что не хотите, чтобы такое случилось снова?»

«Нет, я ничего такого не говорил ему».

«Работа» Зандбергера не могла быть скрыта под маской неосведомленности. В представлении его на повышение упоминалось участие Зандбергера «в выполнении задач на Востоке»; там же говорилось, что «к его заслугам следует отнести участие в том великом мероприятии и лучшие, чем средние, показатели в работе».

Бригадефюрер СС Эрвин Шульц мог бы стать вице-президентом банка, и тогда его задачей было бы уговаривать клиентов вкладывать как можно больше денег в этот банк. Державшийся с достоинством, седоволосый, вежливый, с изысканными манерами в речи и поведении, казалось, что этот человек по ошибке попал на скамью подсудимых, где занимал место между типичным военным генералом Науманом и тщеславным болтливым профессором Зиксом. Наверное, таким же вежливым и значи-

тельным этот человек был, действуя на ниве массовых казней во главе эйнзатцкоманды 5 эйнзатцгруппы С, поскольку, по его собственным словам, он осуществлял экзекуции «серьезно и достойно». Как уже говорилось выше, Шульц был тем офицером, который настаивал на том, чтобы приговоренные не испытывали излишних мук. Он разделил свою команду на три взвода. «Первый взвод стоял лицом к лицу с людьми, которым предстояла казнь, примерно по три человека прицеливались в приговоренных». С врожденным чувством деликатности генерал Шульц отворачивался в момент, когда винтовки были направлены в цель. После залпа он снова разворачивал взгляд, чтобы убедиться, что «все эти лица лежат на земле».

Возможно, Шульц научился тому, как можно избежать мук совести, если не смотреть на плоды своего дьявольского труда, так как, по его собственным словам, его всегда учили быть честным и еще в школе прививали «рыцарские черты».

Он заявлял, что никогда не убивал евреев только за то, что они были евреями. Признавая, что во время акций в Лемберге (Львове) на территории Польши (автор ошибается. С сентября 1939 г. Львовская область была в составе СССР. Львов был занят немцами 30 июня 1941 г., освобожден Красной армией 27 июля 1944 г. — *Ред.*) он совершал убийства евреев, объясняя, что эта акция была мерой возмездия, так как до прибытия его солдат на то место «еврейскими должностными лицами и местными жителями» было убито до 5 тысяч человек (имеется в виду июльский 1941 г. погром. — *Ред.*). Он заявил, что все участники и подозреваемые в тех убийствах были арестованы, а потом по приказу Гитлера «виновные лица и даже те, против кого просто существовали веские подозрения, были расстреляны».

Подводя итоги по делу Шульца, в конце заседания суда помощник главного обвинителя Джеймс Мак-Хэни полностью опроверг аргумент Шульца о том, что акция в Лемберге была актом возмездия.

«Шульц должен был знать и, разумеется, знал, что немецкие оккупационные войска не имели права или при-

чины осуществлять мероприятия возмездия за убийства поляков и украинцев, происходившие в городе до того, как он был оккупирован. Поляки и украинцы, которые якобы стали жертвами коммунистов и евреев Лемберга, не принадлежали к вооруженным силам Германии. Они не были гражданами страны-союзницы Германии; напротив, они были гражданами стран, подвергшихся нападению со стороны Германии в нарушение международных соглашений и в противоречие с нормами международного права...»

Итак, стало вполне очевидным, что евреи в Лемберге были убиты за то, что они были евреями. (До Великой Отечественной войны во Львове проживало около 100 тысяч евреев – около трети населения города. Постепенно немцы вывозили евреев в концлагеря и на расстрелы, и к моменту освобождения во Львове евреев не осталось (не считая 2—3 сотен, спрятавшихся в системе канализации). Кроме евреев, немцы и их союзники истребили во Львове 140 тысяч советских военнопленных — на территории цитадели крепости, где организовали концлагерь. — *Ред.*)

Как и Зандбергер, Шульц стремился избежать ответственности за некоторые убийства под предлогом своего отсутствия во время и на месте казни. Но если исполнители получили соответствующие указания еще до его отъезда, отсутствие Шульца во время самих расстрелов не являлось оправданием. Террорист, который устанавливает часовой механизм взрывного устройства, прячет его в подвале дома своей жертвы, а затем уезжает, тоже явно отсутствует во время взрыва, но его вина так же очевидна, как и вина убийцы, наносящего смертельный удар кинжалом.

Адвокат Шульца заявил, что его подзащитный отличался «либеральным» отношением к евреям. Конечно, добавил он, Шульц «стремился снова сократить огромное влияние еврейства на жизнь своей страны, доведя его до нормальных пропорций». (Адвокат намекает на засилье евреев в дезорганизованной германской экономике, а также культуре в период 1919—1932 гг. — *Ред.*)

Это «стремление к сокращениям» двигало рядами неутомимых эйнзатцубийц Эйхмана, прокладывавших

себе кровавый путь через Украину, Крым и другие отдаленные от Германии районы мира. При этом они «сокращали» мужчин, женщин и детей до состояния праха, а сами души исполнителей тех сокращений превращались в нечто, вызывавшее лишь чувство стыда за то, что они тоже были продуктами человеческой расы.

Подсудимый штандартенфюрер СС Ойген Штеймль не уступал Зандбергеру в стремлении соблюсти самым тщательнейшим образом нормы цивилизованного общества путем организации расследования и судебных процессов перед казнями. Высокий, длиннолицый, казавшийся погруженным в печаль, Штеймль рассказал суду об этих так называемых «процессах». Он заявлял, что среди тех, кого он после этого приказывал казнить, были «ярые коммунисты». Для того чтобы более конкретно понять, что он понимал под определением «активный коммунист», я спросил его, что было бы, если бы, войдя в помещение, он обнаружил, как некто проповедует коммунизм перед аудиторией из 5—10 человек. Я уточнил, что этот человек ни в коей мере не является врагом Германии. Он просто распространяет идеи Карла Маркса. Приказал бы Штеймль расстрелять этого человека? Штеймль ответил: «Я посмотрел бы на этого человека, и, если бы я понял, что он готов претворять свои убеждения в жизнь, я расстрелял бы его».

Я снова нарисовал гипотетическую ситуацию: «То есть, если бы вы послушали речи того человека, затем рассмотрели бы его под микроскопом, а потом, если бы в результате этого осмотра вы каким-то образом поняли, что он способен совершить нечто, вы бы убили его. Так можно понимать ваш ответ?»

И на это без тени улыбки он категорически заявил: «Да».

Штеймль командовал зондеркомандой 7а в составе эйнзатцгруппы В с сентября 1941 по февраль 1942 г. Его люди действовали в западной части Советского Союза на территории между верховьями Днепра и верхним тече-

нием Волги. Он признал, что силами зондеркоманды было выполнено от 100 до 150 казней (имеются в виду массовые казни. — *Ред.*). Однако, по словам Штеймля, все казненные были партизанами, «лицами, подозреваемыми в принадлежности к партизанам», а также советскими солдатами, «не выполнившими приказ о прекращении сопротивления». Штеймль утверждал, что командир эйнзатцгруппы В Небе жаловался, что зондеркоманда 7а «во время борьбы с евреями уклоняется от уничтожения женщин и детей», в то время как он настаивает на том, что и они «также подлежат расстрелу».

Но, как заявил Штеймль, он отказался стрелять в женщин и детей без суда и следствия. В связи с этим он упомянул об арестованных им трех девушках. Одна из них была учительницей, вторая школьным инспектором, профессии третьей он не запомнил. Он показал, что арестовал этих трех девушек за «намерение создать партизанскую группу». Он заверил суд, что провел следствие и на основании результатов отдал приказ о расстреле всех троих. Было ли следствие проведено на самом деле, полностью лежало на совести Штеймля. Он не поделился подробностями способа расследования, что наводило на мысль, что при определении «намерений создания партизанской группы» он руководствовался теми же соображениями, как и в гипотетическом случае выявления «активного коммуниста». Штеймль признался, что лично командовал расстрелом трех девушек, и заверил суд, что казнь была осуществлена в высшей степени гуманной манере, поскольку он сам проследил, чтобы «в одну женщину стреляли сразу три или четыре солдата».

Вообще отношение Штеймля к самим казням можно было проследить по его репликам, которые он бросал в ответ на вопросы главного обвинителя Ференца: «Сколько приблизительно человек, вы сказали, было убито в сентябре в городе Великие Луки?»

«Я не могу сказать этого. Не имею представления».

«Их было больше чем сто человек? Или их было меньше ста человек?»

«Я не знаю».

Наконец, он ответил почти утомленным голосом: «Думаю, что их должно было быть меньше ста человек».

«Итак, как вы теперь говорите, вы знаете, что в сентябре в Великих Луках вы расстреливали людей, но вы не помните, сколько их было. Помните ли вы, что вообще принимали участие в расстрелах?»

«Я был в Великих Луках всего один, максимум два раза».

Наверное, было несправедливо со стороны прокурора Ференца ожидать, что человек, чьей профессией было убийство людей, помнил, сколько людей он истребил в Великих Луках, где был всего один или два раза. Наверное, это было все равно что спрашивать торговца обувью, сколько пар он продал в городе Ошкоше (города с таким названием есть в штатах США Висконсин и Небраска. — *Ред.*) в таком-то месяце, в то время как он был там всего один раз или дважды.

Глава 14

Подсудимый оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Хенш, очевидно, решил для себя, что лучшим способом защиты будет отрицать все обвинения. Один циник как-то сказал: «Даже если тебя поймают, когда ты наносишь удар в сердце своей жертве, отрицай, отрицай и еще раз отрицай». Наверное, именно такую теорию взял на вооружение Хенш. По документам эйнзатцгрупп, 16 января 1942 г. Хенш прибыл в город Артемовск в России (на Украине (в составе СССР), в Донбассе (Луганская, тогда Ворошиловградская область). — *Ред.*), где и принял командование зондеркомандой 4а. В рапорте зондеркоманды от 6 марта 1942 г. сообщалось об уничтожении 1224 евреев. Хенш был не согласен с данными рапорта, так как, по его словам, на самом деле он прибыл в Артемовск не раньше 15 марта 1942 г. Что же так задержало его? Он заявлял, что задержался в Берлине, потому что проходил обследование у стоматолога, потом был занят на сессии у фотографа, после чего устраивал прощальную вечерин-

ку. Это шло вразрез со всеми канонами воинской службы. Такого просто не могло быть, чтобы обычные мелкие житейские проблемы заставили офицера во время войны на два месяца опоздать к месту службы. Говорил ли Хенш правду?

С удлиненной челюстью, в толстых очках, он, казалось, прятался за ними, как за непроницаемой маской. Он продолжал настаивать, что не знает ничего о том массовом убийстве. Более того, Хенш заявил даже, что ничего не знал о приказе фюрера об уничтожении евреев. Он также утверждал, что и его предшественник, которого Хенш сменил на посту командира зондеркоманды 4а, никогда не упоминал при нем о еврейском вопросе. А предшественником Хенша был не кто иной, как штандартенфюрер СС Вернер Брауне, который никогда не демонстрировал особого нежелания ни поговорить на тему о евреях, ни отдать приказ об их казни. Мог ли Хенш говорить правду, когда заявлял, что убийца евреев Брауне хранил полное молчание о проблеме, которой отдавался с полным энтузиазмом и которой посвящал все свое внимание?

«Он совсем не упоминал о евреях?»

«Нет».

«В разговоре с Брауне слышали ли вы от него слово «еврей»?»

«Ваша честь, я сейчас не помню, но я не могу представить себе, что мысль о мерах против евреев...»

«Произносил ли Вернер Брауне слово «еврей», когда обсуждал с вами ваши обязанности как сменившего его на должности?»

«Я не знаю, ваша честь. Не могу вспомнить».

«Да или нет?»

«Нет. Я не помню этого».

Изрядно поэксплуатировав доверчивость слушателей в вопросе о содержании его разговоров с Брауне, Хенш решил и в дальнейшем злоупотреблять нашим простодушием. Несмотря на то, что, по его собственным словам, он прибыл к месту службы всего через несколько дней после того, как там произошла массовая бойня, в которой по-

гибли 1224 еврея. Но, как утверждал Хенш, ни один из солдат зондеркоманды, участвовавших в том расстреле, ни единым словом не обмолвился о том событии.

«Допустим, что вы действительно не присутствовали на месте, когда это произошло... Но не кажется ли вам, что в тот момент или позже о той казни евреев должны были говорить солдаты, над которыми вы приняли командование?»

«Нет, ваша честь».

Я понимал, что в связи с важностью проблемы трибунал не мог удовлетвориться просто отрицательным ответом, поэтому я принял решение продолжить допрос: «Вы только что заявили, что у вас не было причин сомневаться в правильности этих документов. Следовательно, если 1224 еврея были расстреляны вашими подчиненными до того, как вы приняли командование подразделением, не кажется ли вам странным, что все то время, когда вы находились рядом со своими подчиненными, совершившими убийство, не было сказано ни одного слова по поводу того странного события, что 1224 человека были казнены лишь за то, что они были евреями?»

Хенш, по-видимому, был решительно настроен ни в чем не сознаваться, как бы неправдоподобно ни звучали его показания.

«Ваша честь, я могу только сказать, что ни о чем не знал и ничего не слышал тогда об этом. В частности, я ничего не знал о приказе фюрера до момента, когда оказался здесь, в Нюрнберге».

Поразительное заявление о том, что он не знал о приказе фюрера до того, как прибыл в Нюрнберг для того, чтобы предстать перед судом, то есть, по крайней мере, через четыре года после того, как тот приказ стал руководством к действию для каждого нацистского функционера, каждого офицера и рядового СС, настолько было похоже на откровенную ложь, что я не мог прекратить допрос.

Я напомнил обвиняемому, что он признал то, что в рапортах были указаны правильные данные. Затем я в третий раз переспросил, как он мог объяснить тот факт, что, несмотря на то что его подразделением буквально

перед его прибытием были умерщвлены 1224 человека, никто ни единым словом не обмолвился об этом?

«Не находите ли вы это странным?»

Несмотря на то что на его лице отразилось множество самых противоречивых чувств, Хенш сумел справиться с ними: «Ваша честь, об этом ни разу не было упомянуто, и никто не вел разговоров об этом».

Но Хенш не был так уж неосведомлен о расстрелах, как он хотел показать. Незадолго до суда он собственноручно составил отчет на 25 страницах о деятельности эйнзатцкоманд; при этом на более чем восьми страницах он писал именно о казнях и о том, как они осуществлялись его подразделением.

«...От меня потребовали, чтобы я точно указал число казней, которые, по моим оценкам, мои подчиненные выполнили согласно моим приказам, в период, когда я возглавлял зондеркоманду 4б (в начале главы 4а. — *Ред.*). На это я должен заявить следующее: не имея в своем распоряжении соответствующих рапортов, я не могу дать эту информацию. Приблизительное количество не будет соответствовать реальной цифре. По этой, а также другим причинам, указанным выше, я не в состоянии сделать такие расчеты».

Невозможность для Хенша даже примерно оценить количество казней, которые были осуществлены его зондеркомандой, в то время, когда он был ее командиром, практически означали уже то, что, по крайней мере, их было немало, если это слово имело какой-то смысл. Была и еще одна причина для того, чтобы предположить это. Из изложенного автором восьмистраничного письменного описания массовых казней следовало то, что он был хорошо знаком с механизмом массового истребления, и его трудно было заподозрить в дилетантизме в данном вопросе. Давайте рассмотрим несколько фрагментов из его добровольного заявления:

«Казни осуществлялись стрельбой с ближайшего расстояния, обеспечивающего уверенное прицеливание. Насколько я помню, таким расстоянием считалось 8—10 шагов.

Я должен вновь самым энергичным образом не согласиться с предположением, что расстрелы осуществлялись каким-то стандартным способом; на самом деле казни выполнялись ведением стрельбы пулеметными очередями по большим скоплениям людей со средних дистанций, или выстрелами в шею, или с фиксацией приговоренных в наклонном положении.

Я лично несколько раз наблюдал за казнью. Когда это было возможно, я старался появляться перед командой исполнителей неожиданно.

Я помню, что главной темой обсуждения было то, как обеспечить мгновенную смерть приговоренного, без причинения ему прижизненных ранений. При этом подчеркивалось, что необходимо обязательно целить в голову, чтобы казненный умер сразу».

Хенш заявлял, что никогда никого не убивал без суда. Он также убеждал суд, что в случаях, когда приказы о ликвидациях исходили от армейского командования, он лично знакомился с делами приговоренных. Однако при перекрестном допросе, который вел профессор Хорлик-Хохвальд, выяснилось, что Хеншу приходилось знакомиться с делами приговоренных, не имея на руках никаких письменных документов относительно их преступлений.

«Если вы не получали таких письменных документов, в которых указывались бы те преступления, которые совершил приговоренный, как вы могли узнать, в чем состояла его вина, и как вы могли ознакомиться с доказательной базой, чтобы удостовериться, что приговор был вынесен справедливо?»

«Факты преступлений и назначенного за них наказания сообщались ответственным офицером старшему караула, который доставлял арестованных».

Таким образом, Хенш вовсе не осуществлял никакого контроля дел приговоренных. Но насколько вообще можно было доверять Хеншу? Он говорил, что, когда в Пречe Штрекенбах зачитывал приказ фюрера, он не стал

останавливаться на задачах, которые в этой связи ложились на людей Хенша; что Гейдрих, который ставил задачи эйнзатцгруппам, ничего не говорил об убийствах евреев; что Томас, командовавший в то время эйнзатцгруппой С, непосредственный начальник Хенша, также хранил молчание о том, в чем же конкретно заключались основные задачи группы. Нужно было быть самым наивным человеком из когда-либо появившихся на свет, чтобы поверить в то, что эти измышления были правдивыми. Но Хенш перешел все грани фантастики и реальности, когда заявил, что первый раз он услышал о приказе фюрера только после того, как прибыл в Нюрнберг, чтобы предстать перед судом!

Бригадефюрер СС Гейнц Йост был низкорослым человеком хрупкого сложения. Когда-то он командовал эйнзатцгруппой А, имевшей зоной ответственности территории Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии. Йост не был настолько глуп, чтобы полностью отрицать свою вину. Он не заставлял нас поверить в то, что никогда не слышал приказа фюрера об убийстве евреев. Он просто просил нас поверить, что он не помнил, чтобы когда-либо отдавал приказы о расстрелах евреев.

Конечно, можно легко понять, почему человек, который борется в суде за свою жизнь, когда все прочие способы обороны исчерпаны, находит последнее убежище в заявлении, что он не помнит фактов своих преступлений. Но все же в этом случае нужно оставить и другой стороне право того, как оценивать правдивость таких заявлений. Так, когда на процессе над Эйхманом его спросили, что обсуждалось на совещании командиров эйнзатцгрупп перед тем, как они приступили к выполнению своих задач, он ответил: «Я не знаю, что там обсуждалось».

Пользуясь теми же трюками по заметанию следов, Гейнц Йост, когда его спросили, помнит ли он, что когда-либо получал рапорта командиров подчиненных ему команд об убийствах евреев, ответил: «Сейчас я уже не помню об этом».

Йост не был обделен умом, и он отнюдь не был необразованным человеком. Он обучался в университетах Гисена и Мюнхена, специализируясь на экономике и праве. Затем он возглавлял районный суд в Дармштадте, пока не начал активно заниматься политикой. Помимо того что ему удалось стать бригадефюрером СС, Йост получил также высокое звание генерал-майора полиции. Мог ли человек, обладавший умом, позволившим ему добиться таких впечатляющих высот, даже если его ум огрубел после массовых жестоких убийств, вычеркнуть из своей памяти то море крови, которое пришлось ему пролить, чтобы занять подобающее место в нацистской иерархии?

Йост прибыл в расположение эйнзатцгруппы А на берег Рижского залива 29 марта 1942 г. К этому времени в активе группы уже было убийство примерно 100 тысяч человек, и до 26 марта 1942 г. эхо залпов ее расстрельных взводов все еще доносилось до штаба группы. Не было никаких причин считать, что за оставшиеся до приезда Йоста три дня группа решила сложить винтовки и автоматы в пирамиды, так как выполнение приказа фюрера все еще было в полном разгаре. Если команды на какое-то время прекращали огонь, это могло означать лишь то, что на это время их сменили газвагены, дав солдатам время на отдых.

Именно в то время, когда должность командира эйнзатцгруппы занимал Йост, подсудимый Штраух, его подчиненный, отрапортовал о казни 55 тысяч евреев. Даже если Йост был так же забывчив, как и профессор Зикс, не мог же он, в самом деле, забыть о 55 тысячах убитых!

Оберштурмбаннфюрер СС Густав Носке также представлял собой еще один пример забывчивого подсудимого. Он не мог вспомнить, сколько человек приказал убить, несмотря на то что я приложил максимум усилий, чтобы подстегнуть его память.

«Мы не просим вас приводить здесь точные цифры и затем строго их придерживаться. Целью работы трибуна-

ла является совсем не это. Мы знаем, что память иногда может подводить мозг человека, но мы также знаем и то, что памяти трудно избавиться от воспоминаний об ужасных событиях. Убийство человека является самым ужасным событием. Это самая большая из человеческих бед, и, независимо от того, является ли некто причиняющим смерть или, напротив, это его пытаются убить, такое событие настолько врезается в память и сердце, что ничто не способно вытравить его оттуда. Поэтому, когда мы спрашиваем вас о том, сколько человек вы приказали убить, мы не ожидаем от вас определенного, точного, неизменного количества. И потом, если это число от события к событию будет несколько варьировать, мы не станем утверждать, что такое случилось лишь потому, что вы нам намеренно лгали. Тем не менее мы ожидаем от вас, как от разумного и рационально мыслящего человека, что вы сможете дать нам некоторые оценки, предложить свой анализ таких серьезных событий, как убийства людей».

Но, несмотря на то что когда-то Носке глубоко изучал экономику, банковское дело и право, он так и не смог вспомнить, сколько же человек полегло под огнем его подчиненных. Тем не менее ему удалось припомнить, и он назвал это своей самой большой удачей, что ему никогда не доводилось убивать евреев только за то, что они были евреями. Можно ли было в это поверить? Подсудимый сообщил, что его вызвали в Берлин, где сообщили о назначении на должность командира одного из первых подразделений, отправлявшихся на восток с целью истребления евреев. Он отправился туда, куда ему было указано, со всеми своими транспортными средствами, автоматами, винтовками, карабинами и пистолетами и привел своих подчиненных именно в районы, густо заселенные евреями. И при этом ни разу ни он, ни кто-то другой из его подразделения не выпустил ни одной пули в евреев. Но как же тогда он проводил свое время? Ах да, он помогал русским крестьянам собирать пшеницу, направлял своих солдат на помощь этническим немцам, а иногда они вели поиск партизан.

Подсудимый был тщательно одет в спортивный пиджак с галстуком-бабочкой. Носке не было необходимости готовиться к ответам на вопросы своего адвоката: он читал их с листа бумаги. Но когда вопросы следовали от группы обвинителей или от представителей трибунала, а они не были включены в заранее составленный список, подсудимому пришлось приоткрыть свое истинное отношение к евреям. Поскольку, по его словам, ему совсем не пришлось столкнуться с евреями на оккупированных территориях в России, я спросил его, как бы он повел себя, если бы, вооруженный приказом фюрера, проходил мимо 500 евреев? Убил бы он их? Даже не пытаясь ничего скрыть, Носке ответил, что, поскольку он мог получить взыскание за невыполнение приказа от вышестоящего командира эйнзатцгруппы, ему, скорее всего, пришлось бы убить тех евреев.

Позже он заявил, что, очутившись в таком положении, он бы доверился своей совести, чем спровоцировал вопрос о том, что бы он сделал после того, как посоветуется со своей совестью.

«Итак, перед вами находится 500 беззащитных людей: мужчин, женщин и детей. Все они евреи, а у вас есть приказ на их истребление. Будете ли вы внимать голосу своей совести, и если так, то каковы будут ваши дальнейшие действия?»

«Мне придется поставить этот вопрос перед своей совестью».

«И вам пришлось бы убить этих людей?»

«Наверное, мне пришлось бы сделать это».

Но действия Носке в период массовых убийств не сводились к чисто гипотетическим умозаключениям. Бывали моменты, когда он стоял на месте свидетеля, и память о тех ярких событиях в деятельности эйнзатцгрупп возвращала его снова в те далекие времена, и тогда он дополнял свои показания уточненными данными о расстрелах и других видах казни, например: «С 21 июня по 15 сентября, конечно, потому что в период с 10 до 25 или 23 (августа) расстрелы проводились в Бабчинцах, а позже имели место еще несколько случаев расстрелов... Тот

район, куда вошла эйнзатцкоманда 12, был объявлен румынской территорией. Там произошло несколько случаев расстрелов, но мы ничего об этом не знали. Просто об этом упоминалось в наших донесениях и в рапортах некоторых других подразделений... Конечно, расстрелы проводились на всей этой территории, и система отчетности была построена так, что не только расстрелы, выполненные силами наших людей, но и другими, позже включались в общие данные, и даже мероприятия, которые проводились в других районах».

Вообще для Носке расстрел превратился в настолько обыденное событие, что был даже случай, когда он отказался расстреливать группу евреев, конечно же не из соображений симпатии или милосердия, а только потому, что это означало для него дополнительную работу. Он рассказал, как однажды, когда его команда следовала по течению Днестра, севернее румынской территории (временно присвоенной румынами по соглашению с немцами), немцам пришлось проходить через лагерь в районе города Ямполя, в котором находилось от 7 до 8 тысяч евреев. Он поинтересовался, что они там делали, и ему сказали, что их привезли туда из города Могилева-Подольского, расположенного на этом же берегу реки, но выше по течению.

Прокурор Уолтон спросил Носке: «Вы знаете, за что эти евреи были изгнаны румынами из родных домов?»

Тот вяло ответил: «Не имею представления. Я предполагаю, что румыны просто хотели избавиться от них и поэтому отправили на немецкую (оккупированную немцами) территорию для того, чтобы мы расстреляли их, то есть взяли на себя хлопоты по казни этих евреев. Но мы не хотели делать этого. Мы не хотели делать работу за румын, и мы никогда не делали ее, даже если потом, в других местах, происходило нечто похожее. Мы отказались от той работы и отправили всех евреев назад».

Пусть румыны сами занимаются расстрелами на своей территории! (Значительная, если не большая, часть евреев в зоне румынской оккупации, например в Одессе, уцелела. В данном случае румыны хотели освободить

территорию (жилье) для себя, а ответственность переложить на немцев. — *Ред.*)

После службы в эйнзатцкоманде Носке получил назначение в центральный аппарат РСХА в Берлине, где он принимал, просматривал и сортировал отчеты о действиях эйнзатцгрупп. Я попросил его указать человека в РСХА, которому он подчинялся и которому предназначались те донесения о расстрелах. Он ответил, что «все материалы об операциях, имевших отношение к евреям, отправлялись непосредственно в отдел (подгруппу) IV B4 его начальнику Эйхману, который и был тем лицом».

Потом я спросил его, откуда поступали донесения, предназначенные для Эйхмана.

«Они поступали с востока, от эйнзатцгрупп или эйнзатцкоманд».

«Они приходили непосредственно из подразделений?»

«Да, конечно».

Глава 15

В то время как многие подсудимые откровенно признавали свое участие в казнях, о которых доносили подразделения под их командованием, можно было ожидать, что кто-то станет отрицать свою вину. В таких случаях перекрестный допрос должен был сыграть роль рентгеновского аппарата для освещения фрагментов правды и определения реального хода событий. Нам предстояло перейти к делу оберштурмбаннфюрера (подполковника) СС Эрнста Биберштейна, который представлял собой нечто выдающееся в классе палачей. Он был бывшим священником.

В то время как большинство из подсудимых не имели отталкивающей внешности, по крайней мере двое из них выглядели так, что им впору было отправляться на работу в Голливуд. Этими людьми были Эрнст Биберштейн и Пауль Блобель, которые могли бы оспаривать друг у друга честь сыграть характерную роль грубого же-

стокого персонажа. И возможно, в том состязании Биберштейн вышел бы победителем, так как он зашел еще дальше, чем Блобель, на пути от образованной личности к полному разложению. На суде он был одет в черную рубашку, которая, по-видимому, за все время, что шел процесс, так и не увидела утюга. Костюм сидел на обвиняемом мешком.

Биберштейн был посвящен в сан священника лютеранской пресвитерианской церкви и имел приход в Шлезвиг-Гольштейне с 1924 по 1927 г., после чего он до 1933 г. занимал аналогичную должность в церкви в Кальтенкирхене (Шлезвиг-Гольштейн). Затем он стал главным священником в протестантской церкви в городе Бад-Зегеберге в том же Шлезвиг-Гольштейне. Будучи всецело поглощен делами Божьими, он тем не менее не видел для себя ничего зазорного в том, чтобы, покинув здание церкви через заднюю дверь, принять участие в нацистских митингах, на которых проповедовали совсем другие доктрины, имевшие мало общего с тем, к чему ему приходилось призывать со своей кафедры. И все же еще до того, как он сбросил с себя церковное облачение, он вступил в СС. И затем Биберштейн начал свою карьеру, согласившись стать сотрудником внушающего ужас гестапо, где концлагерь рассматривался как подходящая замена церкви, а книга «Майн кампф» предлагала людям дальнейшее развитие десяти заповедей.

В сентябре 1942 г. в городе Ростове-на-Дону Биберштейн принял командование зондеркомандой 6 эйнзатцгруппы С.

Прежде чем ступить на поле борьбы против евреев, ему пришлось вместе с Эйхманом потрудиться над созданием мадагаскарского плана (переселения евреев на принадлежавший Франции остров Мадагаскар. — *Ред.*), но, когда от того проекта отказались, он не испытывал сожаления, поскольку данный проект всегда казался ему в лучшем случае смутной химерой. Теперь же, имея в своем распоряжении команду палачей, Биберштейн, вне всякого сомнения, был на пороге того, чтобы внести личный вклад в «решение еврейского вопроса».

Перед тем как давать присягу перед судом, Биберштейн признал, что в период с сентября 1942 по январь 1943 г. его командой было уничтожено от 2 до 3 тысяч человек. На суде он усомнился в этой цифре, но отказался привести какие-либо другие данные.

Обвинитель Хорлик-Хохвальд полагал, что я предоставил Биберштейну слишком широкие возможности для защиты. Но с учетом тяжести обвинения и суровости приговора, ожидавшего бывшего священника в случае, если его осудят, я чувствовал, что двери для защиты в данном случае никак не могут показаться раскрытыми слишком широко. Поэтому, помимо того что я предоставил ему право приводить в качестве свидетельств в свою пользу любые факты, я распорядился, чтобы по желанию подсудимого в зал суда стороной обвинения предоставлялись любые документы, которые он сочтет нужным рассматривать в ходе своего дела. Хорлик-Хохвальд высказал свой протест по этому проводу: «Я не помню, чтобы Международный военный трибунал в Нюрнберге когда-либо давал распоряжение, чтобы обвинение занималось предоставлением документов в интересах защиты».

Я в свою очередь заявил: «Если Международный военный трибунал не давал такого распоряжения, то данный трибунал дает его, какие бы документы ни имелись в распоряжении обвинения, что могли бы быть использованы в интересах защиты».

«Ваша честь, с вашего позволения, я не хотел бы опротестовывать это распоряжение. Я просто хотел сделать заявление, что Международный военный трибунал не практиковал подобного».

«Даже если такого не было в работе Международного военного трибунала, данный суд вносит свои правила, так как, если одна из сторон пытается скрыть что-то из того, что может пролить свет на рассмотрение дела в суде, это идет вразрез с принципами правосудия».

Биберштейн в полной мере воспользовался предоставленным ему преимуществом. Просмотрев доказательства обвинения, где обозначалась территория, на которой действовало его подразделение, примерно 60 тысяч квадрат-

ных километров, в том числе несколько крупных городов, он заявил, что, несмотря на то что вместе со своей командой проехал всю эту территорию вдоль и поперек, он не только не убил ни одного еврея, но даже не встретил ни одного еврея! Кроме того, он продемонстрировал полное незнание о приказе фюрера и заявил, что командир эйнзатцгруппы и его коллеги ни разу при нем не упоминали о евреях.

«Ни в одном из ваших с ним разговоров он (командир эйнзатцгруппы) ни разу не говорил о том, что евреев следует уничтожать?»

«Нет, мы всегда разговаривали только о конкретных делах».

«И он никогда не упоминал о евреях?»

«Нет, мы никогда не говорили о таких задачах, как я уже говорил».

«А ваши коллеги — командиры групп они тоже ничего не говорили о евреях?»

«Ну, у нас никогда не было причин обсуждать это. Я встречался с другими командирами групп только в Петропавловке и Першотравенске, а также в Сталине (современный Донецк. — *Ред.*), где провел ночь, направляясь из Киева в Ростов».

«И в ваших разговорах никто не упоминал о евреях?»

«Нет, мы говорили совсем о других вещах».

У каждого, кто знал историю Биберштейна, такие заявления вызывали всплеск недоверия, но было недостаточно всего лишь предполагать, что какой-то факт не заслуживает доверия. Необходимо было проверить, можно ли полагаться на свидетельства подсудимого. Это является обязанностью главного судьи по нормам, принятым в европейском судопроизводстве, и главный судья, как уже говорилось выше, должен выявить факты и углубиться в мотивы, которые стоят за определенными ответами, чтобы дойти до истины. Я посчитал необходимым допросить Биберштейна, чтобы определить, до какой степени правдивыми были его ответы на заданные вопросы. Он говорил, что, будучи начальником отделения гестапо в городе Опельне (ныне Ополе в Силезии,

Польша. — *Ред.*), он не отправил в концентрационный лагерь ни одного человека. Я снова переспросил, правда ли, что он не рекомендовал отправить в концентрационный лагерь ни одного человека. Он ответил, что не помнит.

«Могли бы вы ответить точно, да или нет?»

«Насколько я знаю, я ни разу не делал этого. Иначе я бы вспомнил такой случай».

«Вы избрали неверную форму ответа. Вы сказали, что не помните об этом. Это не исключает возможности, что вы все-таки отправляли туда кого-то».

«Я хотел бы исключить такую возможность».

«То есть теперь вы говорите, что точно не отправляли никого (в лагерь)?»

«Конечно, это очень сложный вопрос. Я должен был подумать об этом, и на это требовалось время. Я уже думал об этом и ничего подобного не вспомнил. Это значит, что я никого туда не должен был отправить».

«Итак, можете ли вы определенно заявить, что никого не направляли в концентрационный лагерь и не давали такой рекомендации своим коллегам?»

«Я повторяю, что не помню ни одного такого случая».

«Значит ли это, что вы никого туда не направляли?»

«Да».

«Почему же вы с самого начала не заявили об этом прямо, а вместо этого поставили нас перед необходимостью задавать все эти вопросы для того, чтобы наконец добиться от вас ответа? Почему сначала вы сказали, что не помните?»

«У меня не было для этого особых причин. Я просто хотел быть точным».

«А сейчас вы точны?»

«Я думаю, что да».

«Хорошо, тогда скажите нам точно, имели ли место или нет случаи за весь тот год, когда вы возглавляли службу в отделении тайной полиции, чтобы вы рекомендовали отправить кого-либо в концентрационный лагерь?»

«Насколько я знаю, нет».

«Мы опять возвращаемся к тому, с чего начали».

Если ответы Биберштейна, делавшие его невинным, как агнец, в вопросах об отправке людей в концлагеря, выглядели подозрительно, то ответы на вопросы о том, как он выполнял свои обязанности на посту начальника отделения гестапо, были как минимум «поразительно странными». Помня о том чудовищном отношении сотрудников гестапо ко всем, кто осмеливался подать голос, выражая оппозицию нацистскому режиму, я спросил Биберштейна, что бы он предпринял, будучи шефом гестапо, если бы узнал, что кто-то в его районе заявил, что надеется на проигрыш Германии в войне, потому что эта война была несправедливой?

Тоном снисходительной учительницы Биберштейн ответил: «Я бы попросил этого человека зайти ко мне и вынужден был бы попросить его держать свои взгляды при себе, то есть я просто предупредил бы его».

Позволив подсудимому извлечь пользу из этого эпизода, будто бы кто-то теперь начал сомневаться, что в арсенале офицера гестапо есть другие методы, помимо удара по голове тому, кто осмелится усомниться в том, что Германия не завоюет весь мир, я перешел к более сложному вопросу: «Вы идете домой из вашего управления. Вдруг кто-то подходит к вам и рассказывает, что случайно подслушал, как Ганс Шмит говорит речи, в которых содержатся нападки на немецкую армию, правительство страны, Гитлера и национал-социалистическое государство. Каковы будут ваши действия?»

Он ответил: «Я не думаю, что кто-то мог бы так поступить».

Я парировал: «Ну, давайте допустим, что кто-то все-таки смог. Иногда происходят и необычные вещи».

Но и здесь Биберштейн предпочел оставаться в роли заботливой учительницы: «Я бы сказал такому человеку: «Не говорите мне об этом. Оставьте это при себе. Успокойтесь!»

Поскольку было очевидно, что Биберштейн решил изображать из себя самого снисходительного и внимательного начальника гестапо, какого можно было только себе представить, я решил сделать гипотетическую си-

туацию еще более напряженной: «Хорошо, давайте пойдем немного дальше. Допустим, что остановивший вас по дороге домой человек заявляет: «Я только что узнал о заговоре с целью убить Гитлера. Я слышал, как несколько человек говорили об этом. Я знаю дом, где они собираются. Я видел, как в тот дом заносили бомбы, и хотел бы рассказать вам об этом, господин Биберштейн». Как бы вы поступили тогда?»

Но даже это не помогло разбудить в сердце Биберштейна спящего льва. Он ответил: «Я бы сказал ему: «Идите к дежурному полицейскому и расскажите ему об этом».

«А сами вы не стали бы ничего предпринимать?»

«А что я мог бы предпринять? Я не знал бы, что делать. У меня не было на этот счет указаний полиции».

Тогда я подвел итог: «Значит, вся ваша великая деятельность заключалась в том, чтобы сохранять спокойствие, оставаться невидимым и избегать людей, которые могут рассказать вам о заговоре против Гитлера. И так вы вели себя круглый год».

«Да. Я не вполне понял, что вы имели в виду под этим заговором против Гитлера? Я ответил, что, если бы случилось что-то подобное, я бы направил человека, который подошел ко мне, писать заявление в полицейский участок. Там этой информацией заинтересовались бы».

«А вам она была бы неинтересна?»

«Нет. Когда я говорил «идите в полицию», то это было все, что, по моему мнению, я мог сделать, так как я не могу арестовывать людей».

«И вы бы пошли домой с чувством выполненного долга и полностью удовлетворенный тем, что выполнили свой долг перед фюрером?»

«Да. Этим человеком занимались бы полицейские. Я не занимался тем, что является обязанностью полиции».

Несмотря на то что Биберштейн был слишком деликатным человеком, чтобы отправлять кого-то в концлагерь, и обладал слишком всепрощающим характером, чтобы арестовать кого-либо, кто готовил заговор против Гитлера, каким-то образом случилось так, что он не

находил для себя сложным несколько умерить свои чувства, когда дело касалось того, чтобы дважды лично присутствовать на казни, наверное, для того, чтобы насладиться впечатлением от вида убийства людей.

«До того как вы лично посетили места проведения казней, эта процедура не вызывала у вас отвращения?»

«Конечно нет, ваша честь, ведь раньше мне никогда не приходилось наблюдать за казнью».

«То есть для того, чтобы понять, что казнь задевает ваши чувства, вам пришлось понаблюдать за ней лично?»

«Да. Я хотел знать, как это на меня подействует».

Биберштейн не просто присутствовал на казнях. Они осуществлялись под его руководством. Он подписал множество смертных приговоров, но, как он сам настаивал, никогда не делал этого, не убедившись предварительно в том, что обвиняемый достоин своей участи, для чего проводились расследование и суд.

В течение многих часов стоя на месте свидетеля, он говорил двусмысленности, лавировал, отрицал, скрывал факты. Его неугомонный ум находился в постоянном поиске лазеек, ответов, которые помогут избежать обвинений и признаний вины. Но в самый неподходящий момент правда пробивала себе дорогу через все препоны сознательной лжи. Наконец, он открыто признался в убийстве.

Во время первой казни, на которой он присутствовал, были убиты 50 человек, во втором случае — 15 человек. Я спросил, провел ли Биберштейн следствие, чтобы определить вину или невиновность этих 65 человек. Он заявил, что не видел папок с 65 делами и он не помнит, давал ли указания своим подчиненным о расследовании тех случаев.

Допрос продолжался.

«Вы не помните, знали ли тогда о том, проводилось или не проводилось следствие по 65 делам приговоренных к расстрелу? Я имею в виду те 65 смертных приговоров».

«Я не видел материалов».

«Из этого следует, что вы позволили отправить тех людей на смерть, даже не зная, были ли они виновны или нет?»

«Я говорил, что делал только выборочные проверки».

Этим заявлением он вносил нечто новое в понятие выборочной проверки. Можно выборочно проверять картофель в бочке, чтобы убедиться, годится ли он к употреблению. Директор кинокартины по вполне понятным причинам проводит выборочную проверку каждого пятого актера, занятого в эпизодах, чтобы убедиться, что все они одеты подобающим образом для той или иной сцены. Но опрашивать или расследовать только каждого пятого или шестого из группы 65 человек, приговоренных к смерти, чтобы убедиться, что всех их следует казнить, — это было наводившей ужас инновацией в следственной практике. Но какими бы трагически ничтожными ни были шансы спасти невиновных от неминуемой смерти после выборочной проверки тех 65 человек, обреченных на несправедливую казнь, Биберштейн не дал тем несчастным узникам даже этого минимума судебной защиты.

«Проводились ли вами выборочные проверки по тем 65 случаям?»

«Не по всем».

«То есть мы вынуждены вновь вернуться к заключению, что вы позволили отправить на смерть 65 человек, не проведя даже выборочной проверки?»

«Да. Даже выборочная проверка в том случае не проводилась».

Таким образом, Биберштейн признал на судебном процессе, что он отправил 65 человек умирать и наблюдал за тем, как их убивали, не имея доказательств их вины. Однако, как говорилось в документах, на самом деле он убил много больше людей. На совести этого человека были тысячи убитых. Обладая душой сам и признавая ее наличие у своих жертв, он обращался с ними, как немногие люди позволяют себе обращаться даже с самыми презираемыми животными из царства зверей.

Поскольку Биберштейн был священником в церкви, я спросил его, предлагал ли он религиозное утешение тем, кого собирался вскоре убить. Он ответил, что это было бы «признаком дурного вкуса».

«Вы считаете, что есть моменты, когда разговоры о Боге свидетельствуют о плохом вкусе?»

«Нет, ваша честь».

«Ну хорошо. Перед вами человек, которого собираются убить. Сейчас он умрет».

«Да».

«Он вот-вот прекратит свое существование. Вы пастор, или, вернее, были им. Вы получили религиозное образование. Вам не случалось ни разу сказать слово ободрения этим людям, которым предстояло отправиться в самое длинное путешествие?»

«Я не имел такой возможности. Если я опишу вам, как это происходило, вы мне поверите, ваша честь».

«Что ж, я даю вам возможность рассказать, как это было. Вы были командиром команды. Почему вы не воспользовались случаем, чтобы переговорить с несчастными и дать им одно-два слова утешения?»

«Я мог получить такую возможность в любое время».

«Почему же вы не делали этого?»

«Ваша честь, если бы кто-то пришел ко мне, я не отказал бы ему. Но навязывать себя кому-то не в моих правилах».

«Но разве речь идет о навязывании в случае с человеком, который вот-вот будет казнен. Нужно лишь напомнить ему, что вскоре он предстанет перед Господом, и помочь ему укрепить свою душу в тот последний момент. Неужели это было бы для вас так трудно?»

Он ответил, что «никто не должен метать бисер перед свиньями».

Я спросил, знал ли Биберштейн, что у узников были души, и он ответил утвердительно. Тогда я поставил вопрос так: «Вы не считали, что стоило попытаться спасти эти души?»

«Я имел случай убедиться, что все они были атеистами. Есть люди, которые не верят в Бога, которые отвернулись

от Бога, и, если бы я обратился к такому человеку со словом Божьим, в ответ он мог бы лишь поиздеваться надо мной».

«Ну, допустим, что он стал бы издеваться над вами. Это ничего бы не изменило, ему все равно вскоре предстояло быть расстрелянным. Даже если бы он стал издеваться, как это могло повредить кому-то?»

«Эти понятия для меня являются слишком святыми, чтобы я мог позволить себе рисковать в подобных случаях».

Биберштейн уверял, что все еще испытывал любовь к ближнему. Тогда я спросил: «Вы полагаете, что отправлять людей на смерть без слов утешения, которые может дать священник (а вы ведь были пастором), — это и есть «проявление любви к своему ближнему»?

Он самым бесстыдным образом ответил: «Я не совершал грехов против заповедей любви».

То, как Биберштейн понимал идею человеческой любви, было видно из его заявления, что из двух способов умерщвления своих жертв, расстрелом и газвагеном, он предпочитал газваген, так как такая смерть, по его словам, «была более приятной и для узников, и для палачей».

Было удивительным, как Биберштейн и другие подсудимые решались упоминать Бога, рассказывая истории, которые, наверное, были способны повергнуть в ужас и изумление даже суд самой высшей инстанции, когда он сочтет, что пора принять к своему рассмотрению дела этих людей на земле. Олендорф, например, определял «свободу» как «добровольные обязательства индивидуума, мотивы его поступков и действий, а также волю Бога, природы и истории». Подсудимый Гейнц Йост заявлял: «Являясь Божьими созданиями, евреи имеют такое же право на существование, как и немцы». Подсудимый Эрвин Шульц говорил: «Выполняя свою священную обязанность служения родине, я никогда не забывал о своем долге перед человечеством». Адольф Отт с удовольствием продекламировал: «Во всех своих действиях я руководствовался исключительно соображения-

ми гуманности». А подсудимый Вальтер Хенш провозгласил: «Ничто не может нарушить тот мир, что царит в моей душе».

Я до сих пор мысленно слышу эти голоса и голоса других подсудимых Нюрнбергского суда, которые любили делать пышные заявления о Боге, совести и человечности, точно так же, как помню и их собственные рассказы о своих поступках, которые способны лишь запятнать имя Божье, являясь свидетельствами самых явных проявлений дикой жестокости и ничем не сдерживаемой необузданности и свирепости.

Глава 16

Наверное, за столами общественной библиотеки не собиралось одновременно столько образованных людей, сколько их собралось на месте обвиняемых по делу об эйнзатцгруппах в Нюрнберге. Как уже говорилось, среди командиров подразделений уничтожения людей были адвокаты, профессор университета, архитектор, бывший священник. К этому списку можно было добавить еще дипломированного экономиста, зубного врача, предпринимателя, правительственного чиновника и искусствоведа. Вот очередь дошла до человека, чье имя украшало этот список и привлекало пристальное внимание. Оно звучало как Гейнц Герман Шуберт, и его владелец вел свою родословную от композитора, перед которым все испытывали благоговение, знаменитого автора Неоконченной симфонии.

В этом поразительном собрании людей был даже профессиональный оперный певец штурмбаннфюрер СС Вальдемар Клингельхофер, чье похожее на маску смерти лицо позволяло ему исполнять партию Мефистофеля в опере «Фауст» без грима. Однако ария, которую он пел во Дворце правосудия в Нюрнберге, вряд ли звучала столь же мелодично. В течение двух с половиной лет штурмбаннфюрер СС Клингельхофер путешествовал в составе эйнзатцгруппы В, очень эффективной организа-

ции уничтожения, и пел погребальные песни в районе Смоленска, Бреста и других городах на западе России, принимая участие в уничтожении десятков тысяч евреев, цыган и прочих «антиобщественных элементов». (Прежде всего, сотен тысяч белорусов и русских в ходе карательных акций против партизан. — *Ред.*)

Несмотря на то что Клингельхофер исполнял свою партию, выполняя приказ фюрера, под знаменем которого он маршировал и убивал людей, он заявлял, что чувствовал в себе «внутреннее сопротивление» этому приказу. В чем же выражалось это «внутреннее сопротивление»? Эпизод в расположенном в одном дне пути от Смоленска городке Татарске (примерно в 65 километрах к юго-западу от Смоленска. — *Ред.*) является ответом на этот вопрос. Подсудимый признался, что, когда узнал, что без его разрешения из гетто в Татарске были отпущены по домам 30 евреев, он приказал расстрелять их. Вздох горестного изумления, который вызвал у присутствовавших в зале суда хладнокровный рассказ о том, как люди были убиты за то, что выразили самое естественное на свете желание отправиться домой, заставил Клингельхофера предъявить трибуналу более убедительные объяснения. Он торопливо добавил, что, прежде чем отдать приказ о расстреле тех 30 человек, он провел расследование и узнал из допроса трех женщин, что те люди помогали партизанам. Клингельхофера спросили, точно ли он знал, что те евреи сотрудничали с партизанами. Он ответил, что они вступали в «ментальный контакт» с партизанами. Я переспросил, имел ли подсудимый в виду, что физического контакта с партизанами все-таки не было?

Он подтвердил, что был «не физический, а лишь ментальный контакт».

«Понятно. Ментальный. И тот единственный вид контакта осуществлялся через тех трех женщин?»

«Да, через трех женщин».

«Хорошо. Итак, единственным доказательством и поводом для казни тех 30 человек было то, что они связывались с партизанами ментально и по дороге домой они

так же ментально строили планы о сопротивлении властям. Именно этим доказательством вы располагали?»

Это действительно было «доказательство». И на его основании Клингельхофер приказал расстрелять не только 30 евреев, но еще и трех женщин. Но в защиту подсудимого следовало сказать, что он обращался с женщинами истинно по-рыцарски. Как он утверждал: «Я приказал унтер-офицеру отделить тех женщин от приговоренных к расстрелу мужчин. Кроме того, я распорядился, чтобы они были расстреляны отдельно и соответствующим образом. Я приказал унтер-офицеру завязать им глаза перед тем, как расстреливать».

Потом Клингельхофер сделал еще одно признание. Он приказал похоронить тех женщин отдельно.

Конечно, было очевидно, что по закону не было никаких оснований для того, чтобы проводить ту казнь, и вообще для того, чтобы казнить жертвы только за то, что они были евреями. После умелого перекрестного допроса, проведенного главным обвинителем Ференцем, Клингельхофер наконец сделал еще более важное признание, в ответ на вопрос обвинителя:

«Итак, нарушал еврей законы или не нарушал, его все равно убивали. Оставался он в гетто или покидал его, его все равно убивали. Шел ли он на контакт с партизанами или нет, его все равно убивали. Что бы еврей ни совершал, он все равно подлежал казни, не так ли?»

«Да».

Клингельхофер был офицером, которому поручили возглавить экспедицию за меховыми вещами, мероприятие, о котором уже вкратце было рассказано. Описывая его, Клингельхофер показал, что евреи, у которых он отнимал меховые вещи, были арестованы по приказу гауптштурмфюрера СС Эгона Ноака, а их казнь осуществлялась «людьми Ноака, но под моим наблюдением». Далее он заявил, что «можно было предположить, что благодаря созданным для них хорошим условиям жизни в СССР евреи владели хорошей зимней одеждой, что такой одежды было столько, что конфискации для нужд вооруженных сил не имели для них особого значения».

В этом заявлении подсудимый, конечно, был прав, так как для убитых евреев действительно было уже не очень важно, что позже произойдет с их зимней одеждой.

Несмотря на «внутреннее сопротивление» выполнению приказа фюрера, которое испытывал Клингельхофер, он служил в эйнзатцгруппе в течение 30 месяцев, не делая попыток добиться другого назначения.

«Вы ведь никогда не делали заявления Науману, в котором просили бы его о переводе из эйнзатцгруппы, не так ли?»

«Нет, потому что в этом не было особого смысла. Он бы все равно не отпустил меня».

«Откуда вы знаете, что он не отпустил бы вас?»

«Я знаю, что он не отпустил бы меня. Я знаю это, поскольку был на особом счету, как специалист, владеющий русским языком и знающий местные условия. Поэтому он не смог бы обойтись без меня».

Насколько можно было доверять Клингельхоферу, можно проиллюстрировать на следующем примере. Перед судом его допросил следователь союзников Уортенберг. При этом все ответы были зафиксированы письменно. В протоколе того допроса ничего не было сказано о трех женщинах, о которых Клингельхофер упоминал на суде. Я спросил подсудимого, задавал ли ему следователь вопрос об участии в убийствах женщин и детей. Подсудимый подтвердил, что ему задавали этот вопрос. Он ответил на него, что «в принципе» не убивал женщин и детей. Он добавил, что хорошо это запомнил, так как перед глазами у него «стояла картина 200 женщин и детей, которых он приказал отправить назад в гетто».

Он произнес это с некоторой бравадой. Тогда я спросил: «А не видите ли вы перед собой картину тех трех женщин, стоявших перед отделением стрелков в лесу перед свежевырытой могилой и готовых вот-вот отправиться к Создателю? У вас не стоит перед глазами это?»

Он слегка покраснел, а затем, восстановив самообладание, объяснил, что в момент допроса он волновался. Кроме того, как сказал подсудимый, он был подавлен

тем фактом, что Германия проиграла войну. Интересно его свидетельство по этому поводу.

«Были бы вы удовлетворены, если бы рейх добился своих целей в завоевании Европы?»

«Ваша честь, я не уверен, что целью рейха было завоевание Европы. Этого я не знаю. Но конечно, я был бы счастлив, если бы Германия выиграла войну. Это вполне естественно».

«Вы были бы удовлетворены победой Германии в войне даже в ее нынешнем состоянии: 2 миллиона немцев убиты (непонятно, откуда взята эта цифра. Еще в 1950-х гг. в серьезных источниках фигурировала цифра 6,5 миллиона убитых немцев (*Арнтц Гельмут*. Людские потери во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Гамбург, 1953; М., 1957. С. 593—604). — *Ред.*), страна лежит в руинах, а вся Европа опустошена. Вы все равно были бы рады такой победе в войне?»

«Да».

«Вы уверены?»

«Да, конечно, это же естественно. Это в самом деле так».

Оберштурмфюрер (обер-лейтенант) СС Гейнц Герберт Шуберт, который с гордостью заявил нам, что является потомком знаменитого Франца Шуберта, внес свой вклад в трагическое произведение Marcia Funebre (Похоронный марш), регулярно исполнявшееся эйнзатцгруппой D на земле Крымского полуострова. Шуберт служил адъютантом Отто Олендорфа с октября 1941 по июль 1942 г. и в течение всего этого периода был полноправным членом организации во всех ее свершениях, поскольку ему приходилось иметь дело с директивами, приказами об осуществлении массовых казней, рапортами в Берлин о результатах работы.

Коренастый, одетый в военный мундир с бархатным воротником, этот человек поразил всех, высказав мнение, что он вовсе не причастен ни к каким преступлениям. Он говорил, что занимал в эйнзатцгруппе чисто ад-

министративную должность, следовательно, не отвечает за те преступления, которые совершал ее личный состав. Но на самом деле вина Шуберта началась еще тогда, когда он добровольно вступил в объявленные вне закона организации СД и СС (вне закона эти организации были объявлены после войны. — *Ред.*), которые повсюду творили свои преступные дела. Его вина усугубилась тем, что он добровольно, по собственной воле принимал участие в без всякого сомнения преступных деяниях эйнзатцгруппы D.

Всем было абсолютно ясно, что этот человек, сотрудничавший с воровской шайкой и занимавшийся там лишь ведением бухгалтерских книг, но в то же время пользовавшийся всеми плодами преступлений этих людей, так же виновен, как и его друзья-бандиты, занятием которых были, например, грабежи банков. Но адвокат Шуберта уверял, что в случае с его клиентом дело обстоит иначе. Однако ему так и не удалось продемонстрировать суду эту разницу. Шуберт был не просто книжным клерком в шайке преступников, занимавшейся насилием и беззакониями. Его жизнь не была жизнью канцелярского работника. Вместе со своими подельниками он принимал участие в одном из самых чудовищных массовых убийств, в котором погибло огромное количество народа. Это произошло в Симферополе, и эта бойня заслуживает того, чтобы о ней было рассказано отдельно.

Некоторые не могут без содрогания читать о царстве террора во Франции, когда лезвие гильотины на общественных площадях поднималось и опускалось, как рукоятка водного насоса (колонки) в деревне. Другие грустно кивают на черные страницы истории, вспоминая о Варфоломеевской ночи, избиении христиан в Колизее и массовые убийства армян. К этим грустным событиям классической бойни следует отнести и так называемое симферопольское Рождество, как его назвали во время судебного процесса в Нюрнберге.

В начале декабря 1941 г. командующий действовавшей в Крыму немецкой 11-й армией (Эрих фон Манштейн (1887—1973), в 1942 г. ставший генерал-фельд-

маршалом. Здесь автор почему-то опускает имя — ведь Манштейн (действительно талантливый полководец) весьма популярен на Западе. Только в 1950 г. Манштейна осудили (британский трибунал) за военные преступления, но в 1953 г. он уже вышел из тюрьмы, отсидев лишь 3 года из 18. — *Ред.*) проинформировал Олендорфа, что он требует, чтобы до Рождества все евреи и цыгане в Симферополе, которых там насчитывалось примерно 10 тысяч человек, были ликвидированы. Этот приказ не испугал Олендорфа. Он не разбудил в его душе волшебных аккордов рождественских песен, которые он слышал в детстве, не заставил его вспомнить послание мира и пожелание благополучия всем людям. Олендорф передал приказ командиру эйнзатцгруппы 11б штандартенфюреру СС Вернеру Брауне, который тоже не увидел ничего страшного в том, что под вечно зелеными рождественскими елками и в золотые дни Святок придется проливать кровь.

Единственной сложностью, с точки зрения Брауне, была нехватка солдат и оборудования для того, чтобы провести казни в сжатые сроки. Но он обещал приложить все усилия. Брауне пригласил к себе соответствующего армейского командира и пояснил ему, что намерен честно выполнить свои обязанности, но ему нужна помощь. Не мог ли коллега выделить ему некоторое количество солдат, оказать помощь оружием и некоторыми другими средствами, необходимыми для срочного умерщвления 10 тысяч человек?

Армейский коллега не увидел в просьбе ничего необычного и охотно пообещал предоставить в распоряжение Брауне необходимое количество личного состава, автотранспорт, оружие и боеприпасы для успешного выполнения работы.

Все это было сделано. К Рождеству местные евреи и цыгане, все 10 тысяч человек, уже лежали в могилах.

Рассказывая об операции, штандартенфюрер СС Брауне почти с гордостью отметил: «Операция проходила под моим руководством. Однажды я присутствовал на месте казни вместе с господином Олендорфом, и мы убе-

дились, что все шло в соответствии с указаниями Олендорфа, которые он давал при постановке задачи».

Обвинитель Уолтон пожелал узнать, почему было необходимо, чтобы то массовое убийство было совершено в канун Рождества? Брауне не знал точного ответа: «В то время я не мог знать всех причин. Возможно, имели место какие-то стратегические соображения, а может быть, командование армии побудили отдать такое распоряжение какие-то причины чисто военного характера. Может быть, речь шла о нехватке территории или продуктов». (26 декабря 1941 г. началась высадка советских войск на Керченском полуострове в восточной части Крыма. Возможно, Манштейн кое-что знал (или догадывался) и принимал превентивные меры». — *Ред.*)

Для Брауне было достаточно знать, что мужчины, женщины и дети должны умереть. Тем не менее, высоко держа честь штандарта эйнзатцгруппы, которая ни при каких обстоятельствах не могла пострадать, он заявил, что убийства были осуществлены гуманно, то есть речь шла о гуманизме с точки зрения палача. Оберштурмфюрер СС Шуберт, который, по плану, отвечал за отправку к месту казни цыган, также присоединился к Брауне в той прекрасной демонстрации человеколюбия.

Он свидетельствовал: «Я знаю, что для Олендорфа было в высшей степени важно, чтобы приговоренные к казни люди были умерщвлены максимально гуманным способом, по-военному, так как в противном случае моральные терзания расстрельных команд будут слишком велики».

Далее Шуберт пояснил: «Я должен был позаботиться, чтобы приговоренных не били при погрузке на автотранспорт». Кроме того, он должен был убедиться в том, что обреченных людей обворовывают, не причиняя им физических страданий. Конечно же Шуберт не использовал слово «воровство». Для него все эти действия были абсолютно законны. Он похвалил подчиненных на свой манер: «Я убедился в том, что у людей, приговоренных к смерти, забирали деньги и ценности, не применяя к ним силу».

Шуберт тоже не знал причин, по которым для казни в Симферополе был установлен именно этот срок, но, по его словам, все палачи были расстроенны, но не потому, что участвовали в очередной массовой бойне людей, а потому, что опасались за собственную жизнь. Брауне свидетельствовал, что они сознавали опасность попасть в руки русских, которые в то время разворачивали в Крыму контрнаступление. Жуткая маска смерти, за которой они с эффективностью лаборатории творили свои чудовищные дела, вдруг повернула свой зловещий лик в их сторону. Повсюду царил испуг: палачи сами рисковали попасть под прицелы винтовок. Но опасность миновала, ослабевшие колени снова окрепли, и вздохнувшие с облегчением убийцы собрались вместе, чтобы отпраздновать самый радостный день Рождества. Поскольку они были глухи к голосу Божьему так же, как не склонны были подчиняться законам людским, я про себя задал себе вопрос: а почему они вообще праздновали Рождество Христово? Брауне вспомнил, что за выпивкой и закуской Олендорф провозгласил тост.

«Он говорил что-то о религиозных материях?»

«Я совсем не помню подробностей той речи. Не знаю, упоминал ли он о Христе, но я знаю, как господин Олендорф относился ко всему этому».

«Как же проявилось это отношение в той речи? Говорил ли он о чем-то, имеющем отношение к религии?»

«Ваша честь, я действительно не могу вспомнить подробностей».

«Кто-то возносил молитвы к Христу в день Рождества в 1941 г.?»

«Ваша честь, я не знаю...»

«Поминал ли кто-то о тысячах евреев, которые только что были убиты?»

«Ваша честь, я не знаю, молился ли кто-нибудь за эти тысячи евреев».

Шуберт тоже не помнил, молился ли кто-то за убитых евреев и цыган. Однако он хорошо запомнил, как происходили сами убийства. Он давал показания со стоицизмом, который очень соответствовал его наводившему

ужас мундиру. Но ни его тон, ни его форма не гармонировали с теми сентиментальными чувствами, которые вызывало его имя, которое он вряд ли был достоин носить. Шуберт рассказывал, как солдаты прицеливались и стреляли из винтовок и автоматов в голову приговоренным людям, которые опрокидывались в ямы, над которыми их заблаговременно поставили.

Как бы часто я ни слышал рассказы об этих леденящих душу сценах, каждый раз я внутренне снова и снова содрогался, услышав их. Но то, что заставляло пульсировать кровь в моих жилах с особой силой, — это понимание, что некоторые из жертв могли не быть застреленными насмерть и попасть в могилы еще живыми, а это лишь продлевало их агонию, боль, страх, одиночество и отчаяние. Эти люди оказывались покрытыми грязью, в воде, придавленными тяжестью тел, были ослеплены болью, полностью опустошены и, наверное, терзались пониманием того, что человек способен сделать с человеком.

Я спросил Шуберта: «А вы не исключаете возможность того, что стрелок мог плохо прицелиться и в результате жертва лишь получала шок? Человек мог потерять сознание от удара пулей, но не умереть на месте, в то время как при взгляде со стороны он мог казаться мертвым, и никто не знал, что его сердце все еще бьется».

«Ваша честь, я не могу исключить такой возможности».

Шуберт был в курсе, что убийства совершались в соответствии с приказом фюрера, что именно приказ фюрера регулировал ту колоссальную машину убийств. Он сам был частью той машины и тех убийств, но адвокат Шуберта доктор Кессель, представляя трибуналу дело своего подзащитного, заявил, что в его действиях не было ничего криминального. «Что такого совершил Шуберт, что можно было назвать преступлением?» — спрашивал адвокат. И сам же отвечал на свой вопрос: «Сначала Шуберт направился в цыганский квартал, чтобы проследить за погрузкой и отправкой его обитателей. Затем он был на месте проведения казни, чтобы проследить за прибытием транспорта на место и за постановкой постов, блокиро-

вавших дороги, разгрузкой людей, сбором ценностей, а затем и самой процедурой казни. Потом он снова вернулся в цыганский квартал и проследил за погрузкой и отправкой новой партии приговоренных и, наконец, вернулся к себе в управление. Вот все, чем он занимался».

Готовясь к защите Шуберта, доктор Кессель, очевидно, решил совсем закрыть глаза на лицо чудовища под названием эйнзатцгруппа. Постепенно он просто перестал видеть зло, что скрывалось за этим отвратительным ликом.

Что же действительно такого неправильного сделал Шуберт? Он командовал казнью живых людей, которые имели несчастье быть цыганами. Нигде не указывалось, что эти люди совершили что-то предосудительное помимо того, что они были цыганами. Он предпринял все меры для того, чтобы массовое убийство прошло максимально скрытно: он контролировал движение 25 грузовиков, в которые грузили цыган на месте сбора, на которых их везли к месту казни и которые затем были направлены им за новыми жертвами. Кроме того, он командовал сбором личных вещей у людей, обреченных на смерть, а потом «контролировал сам процесс казни». Шуберт также признался, что должен был вмешаться, если что-то «пойдет не так».

А доктор Кессель все же спрашивал: что же здесь такого? Кессель так и не смог понять, что Шуберт принимал активное участие в массовом убийстве, и при этом он не только помогал в его планировании, но и активно участвовал в самом кровопролитии.

Глава 17

Штурмбаннфюрер СС Вальдемар фон Радецки был еще одним обвиняемым, который не только отрицал свое участие в убийстве евреев, но и заявлял, что вообще не знал о том, что осуществлялись массовые истребления этих людей. В течение пятнадцати месяцев фон Радецки служил в зондеркоманде 4а, которой командовал Пауль Блобель, человек, сделавший это подразделение одним

из самых кровавых за всю историю существования эйнзатцгрупп. Фон Радецки заявлял, что ничего не знал о кровавой деятельности зондеркоманды, так как все свое время посвящал составлению донесений. Конечно, такие донесения действительно исправно готовились. И прежде всего на основании этих рапортов руководителей эйнзатцгрупп было построено обвинение на том процессе. Но, по заявлению фон Радецки, его отчеты не имели ничего общего с казнями. Его интересовали лишь вопросы природы, культуры и экономики территории, на которой действовала его организация. Можно было подумать, что зондеркоманда, где он служил, представляла собой научную экспедицию по изучению флоры и фауны этой земли, занималась сбором данных о сельском хозяйстве и экономике и как-то забыла об организации убийств, которые должна была совершать во исполнение приказа фюрера.

Поскольку фон Радецки был вторым по старшинству офицером в зондеркоманде 4а после Блобеля, то почему же ему как-то не пришло в голову спросить, почему под его палаткой сочилась кровь или почему она так обильно проливалась на тех пейзажах, которые он изучал для подготовки своих донесений о состоянии растительности на местности?

Для того чтобы показать, насколько мизерной была его роль в организации этого предприятия массовых убийств, Радецки заявлял, что выполнял в эйнзатцкоманде С обязанности переводчика, так как он родился в Москве и поэтому знал русский язык. Однако позже он уточнил, что, поскольку подразделение действовало на территории Украины, ему не нашлось применения как переводчику. (На большей части территории Украины (тогда и до 1991 г. в составе СССР) русский язык был общепринятым, а часто и преобладающим. — *Ред.*) Радецки засвидетельствовал, что готовил обзоры, посвященные состоянию сельского хозяйства, промышленности, торговли и «вопросам культуры».

«Основное внимание я уделял вопросам экономики, так как кое-что в этом понимаю».

Я спросил его, должен ли был он, составляя донесения по экономике, знать что-то о еврейском вопросе. Радецки ответил, что ничего об этом не знал.

«Когда вы докладывали о состоянии экономики, вы ведь должны были также докладывать и о евреях, которые были казнены, не правда ли?»

«Нет, ваша честь».

«Но если на определенной территории происходят казни евреев, это ведь должно серьезно отразиться на состоянии экономики на данной территории, не так ли?»

«Ваша честь, вся экономика Украины в то время находилась в очень плохом состоянии».

«Пожалуйста, ответьте на мой вопрос. Если евреев уничтожают на определенной территории, то один только этот факт должен был вызвать серьезные последствия для экономики, не правда ли?»

«Конечно, ваша честь».

«Значит, составляя ваш отчет по экономике, вы должны были отметить там: «Из-за сокращения рабочей силы в связи с казнями евреев сложилась такая-то ситуация» Вы ведь должны были это отметить?»

«Ваша честь, все вопросы, связанные с евреями, относились к сфере деятельности 3-го и 4-го отделов, а я не имел отношения к ней».

«Вы не ответили на мой вопрос. Составляя отчет о состоянии экономики, вы должны были отразить в нем и наличие рабочей силы, и, если большое количество тех, из кого состоит эта рабочая сила, были казнены, это серьезно сказывалось на состоянии экономики страны, о чем вы пишете отчет. Следовательно, вам было необходимо включить в отчет и эти данные, не так ли?»

«Ваша честь, мы оказались в таком положении, когда вся экономика оказалась разрушенной, ее предстояло отстраивать заново. Не было даже магазинов, где можно было что-нибудь купить».

«Расстреливая рабочую силу, вы ведь не могли исправить состояние экономики, не правда ли?»

«Нет».

«Отмечали ли вы в своих отчетах, что из-за того, что уничтожаются евреи, и это в значительной степени негативно влияет на рынок рабочей силы, состояние экономики только ухудшается? Писали ли вы об этом?»

«Насколько я помню, я писал о том, что евреями в значительной степени представлена торговля на Украине».

«Но писали ли вы о том, что евреев уничтожают?»

«Нет, ваша честь».

«Вы не упоминали в своих отчетах, что евреев уничтожали, что негативно влияло на экономику Украины?»

«Нет, я не затрагивал вопроса в таком разрезе. Я отмечал только то, что евреи представляли собой важный экономический потенциал, но я не писал то, о чем вы говорите».

«Вы сказали... что упоминали в своих отчетах то, что евреи представляли собой важный экономический потенциал. И вы не добавили, что этот важный экономический потенциал стремительно исчезает из-за массовых казней?»

«Нет, ваша честь, я не докладывал об этом».

«И все же вы серьезно хотите уверить трибунал в том, что готовили отчет о состоянии экономики Украины?»

Без тени смущения и не вдаваясь в длительные объяснения он ответил уверенным категоричным «да».

Несмотря на то что Радецки начал свои показания с утверждения, что попал в состав эйнзатцгруппы благодаря знанию языков, ему были предъявлены документы, из которых следовало, что роль переводчика вовсе не значила то, что он ничего не знал о казнях. Казни зачастую следовали после проведения следствия, где прибегали к услугам переводчика. Поэтому, когда он наконец признал, что понимал и мог говорить на украинском языке, Радецки заявил, что не привлекался для работы в качестве переводчика на допросах, так как его рабочий день был полностью заполнен выполнением обязанностей эксперта во внутренней СД, III управлении РСХА.

«Хорошо, а как вы стали экспертом в III управлении? Вы же не проходили подготовки офицера СД».

«Да, ваша честь, я не проходил такой подготовки. Я сказал...»

«Тогда каким образом вам удалось так быстро стать специалистом?»

«Я был назначен на эту должность, поскольку имею экономическое образование и владею иностранными языками».

«Хорошо, теперь вернемся к вопросу о знании языков. Если вы получили свое назначение благодаря своим лингвистическим способностям, а вашему командиру требовался переводчик, почему бы ему не обратиться к вам, с кем он давно был знаком и в ком был уверен как в хорошем переводчике? Это было бы естественно».

«Ваша честь, в подразделении были и другие переводчики, и командир прибегал к их услугам».

«Следовательно, вас никогда не использовали как переводчика?»

«Мой командир никогда не использовал меня в качестве переводчика. Я не занимался переводом допросов».

Поскольку Радецки был переводчиком, не занимавшимся переводом, и составителем отчетов, где не упоминалось о массовых ликвидациях (основном занятии его подразделения), вполне логично было потребовать от него объяснить, как же он проводил свое время. Он попробовал заполнить этот пробел, заявив, что занимался вопросами снабжения и добывал для зондеркоманды продовольствие и топливо. Тогда я спросил его, заказывал ли он также и боеприпасы. Он ответил: «Я не помню».

«Если вы помните о снабжении продовольствием и горючим, вы должны помнить и то, заказывали ли вы боеприпасы или нет. Так занимались ли вы поставками боеприпасов?»

«Нет, ваша честь».

Он, конечно, понимал, что, признавшись, что занимался вопросами снабжения боеприпасами, он признает и то, что был в курсе массовых казней».

«Вы абсолютно точно помните, что вы не запрашивали боеприпасы для вашего подразделения?»

«Да».

«Почему же минуту назад вы заявили, что не помните об этом?»

«Ваша честь, возможно, мои слова были неверно истолкованы. Я говорил, что не помню ни одного случая, когда я занимался поставками боеприпасов».

«Именно так ваши слова и были истолкованы. Итак, помните ли вы или нет, чтобы вы запрашивали боеприпасы для ваших солдат?»

«Нет».

«Можете ли вы теперь определенно сказать, что не запрашивали боеприпасы?»

«Ваша честь, я уверен, что я бы запомнил, если бы хоть однажды обеспечивал подразделение боеприпасами».

«То есть вы заявляете, что не делали этого?»

Теперь, очевидно, для того, чтобы ответ ни в коем случае ничем ему не грозил, он ответил одновременно: «Нет — да».

В одном из отчетов (его автором не был Радецки) говорилось о совещании с участием офицеров зондеркоманды 4а и представителей тыловой службы армии, состоявшемся 10 сентября 1941 г., где речь шла «о полной ликвидации евреев в Житомире». В результате было уничтожено 3154 еврея. Радецки отрицал свое участие в том совещании, однако признал, что он обеспечивал автотранспорт для проведения акции. Но, как он сказал, он думал, что речь идет о «переселении» евреев в Ровно. Не требовалось степени доктора философии, которой обладал профессор Зикс, чтобы понять, что всякий раз, когда в отношении евреев использовался термин «переселение», на самом деле речь шла о физическом уничтожении.

Обвинитель Хорлик-Хохвальд спросил Радецки: «Что произошло с теми евреями в Ровно?»

«В приказе, который я в то время получил, говорилось, что они будут туда переселены».

«Должны ли были их там убить, господин Радецки?»

«Об этом ничего не было сказано».

«Не кажется ли вам это несколько нелогичным? Мы только несколько минут назад обсуждали документ, где говорится, что в Ровно эти люди были убиты, а сейчас

вы заявляете трибуналу, что для того, чтобы доставить в Ровно новую партию евреев, их следовало отправить туда из Житомира. Не думаете ли вы, что это немного нелогично?»

«Господин обвинитель, со своей стороны я всегда надеялся, что на этот раз проблема будет решаться иным способом, не так, как это делалось в других случаях».

Словесные кульбиты, которые совершал Радецки на месте свидетеля, были воистину феноменальными. В ответ на категорическое отрицание Радецки того, что он когда-либо командовал исполнением казни, обвинитель предъявил официальный документ из его личного дела, где речь шла о представлении Радецки к очередному воинскому званию. В нем, в частности, говорилось: «Во время наступления летом 1942 г. гауптштурмфюрер СС фон Радецки был поставлен во главе тейлкоманды (части подразделения)». Радецки в ответ заявил, что в документе правильно отражаются этапы его военной карьеры, но неверно трактуются его действия на посту командира того подразделения.

«Как вы объясните, что в документе точно говорится о вашем повышении по службе, которое вы получили 9 сентября, и вместе с тем неверно описывается ваша деятельность на посту командира тейлкоманды?»

«Ваша честь, я не говорю, что это ошибка. Я хочу сказать, что здесь речь может идти о недоразумении, и я берусь разъяснить это».

«Разница в значении слов «ошибка» и «недоразумение» настолько тонка, что для того, чтобы ее увидеть, могут потребоваться более сильные очки, чем те, которыми я пользуюсь. Скажите мне, пожалуйста, в чем состоит разница между этими понятиями?»

«Ошибка представляет собой абсолютно неправильное суждение, а недоразумение, как я считаю, это невольное неправильное суждение, то есть неверно истолкованное утверждение».

Радецки был достаточно умен, чтобы понимать, что то, что он постоянно меняет свои ответы или делает уклончивые заявления, намеренно искажает суть ответов

на прямые вопросы, в конце концов, не добавляет ему доверия со стороны суда. Возможно, поэтому, чтобы хоть немного повысить степень доверия к себе, которая на тот момент была уже ничтожно малой, он заявил, что его участие в программе истребления людей по расовым признакам было невозможно, так как он тоже является человеком. Для того чтобы доказать этот постулат, он рассказал, что, когда его подразделение было расквартировано в городе Харькове, на Украине, он добыл триста тонн продовольствия с целью спасти голодающее население города. Я спросил его: «Попала ли часть тех продуктов хоть в одну еврейскую семью?»

«Да, конечно».

«Вы сами видели, как те продукты были переданы еврейской семье?»

«Я вообще не видел ни одной семьи из тех, что получили эти продукты».

«Тогда откуда вы знаете, что кто-то из евреев тоже получил часть того продовольствия?»

«Потому что я знаю, что продукты были выданы всему населению».

«Но вы знали и то, что евреев уничтожали, не так ли? Вы знали об этом, ведь так?»

«Нет, я не знал об этом».

«Вы не знали, что евреев убивали?»

«Я знал, что евреев убивали, но...»

«Хорошо, может быть, вы хотите рассказать нам, что сначала вы их кормили, а потом расстреливали?»

«Я ничего не знал об этом, ваша честь. Поэтому я ничего не могу сказать по этому поводу».

Услышав заявление Радецки, что он был человеком, не чуждым проявлений гуманности, я спросил его о том, знал ли он о преследованиях евреев на территории, где действовало его подразделение. Он заявил, что не знал об этом, но, когда я переспросил его: «Знали ли вы, что им приходилось труднее, чем представителям любой другой нации?», он уклончиво заявил: «О том, что условия жизни для них были тяжелее, чем для других, я ничего не знал, так как все население города было на грани голода».

Однако когда я продолжил: «Вы знали, что их убивали. Ведь это все, что вы могли для них сделать?», он ответил: «Да».

Несмотря на то что Радецки подчеркивал, что его обязанностью было всесторонне информировать Берлин о состоянии территорий, через которые проходило его подразделение, он не включал в свои отчеты то, что помогал обеспечивать население продовольствием.

«Когда вы составляли свое донесение в Берлин, указали ли вы в нем, что помогали обеспечивать евреев, живших в Харькове, продуктами?»

«Нет, ваша честь».

«Упоминали ли вы о том, что евреев в Харькове кормили?»

«Нет, ваша честь».

«Можете ли вы сегодня откровенно сказать, что вы лично убедились в том, что хотя бы один еврей в Харькове получил что-то из тех продуктов, о которых вы упоминали, видели ли вы это собственными глазами?»

«Насколько я знаю или видел лично, я не могу этого заявлять. Я могу только сказать, что предупредил представителей городской администрации, что эти продукты предназначены для всего населения».

Тем не менее, несмотря на все эти уловки, выдумки и иносказания, Радецки в конце концов в результате настойчивого перекрестного допроса обвинителя Хорлик-Хохвальда пришлось признать, что он был хорошо знаком с приказом фюрера и являлся активным исполнителем той безжалостной программы истребления, которая была им предусмотрена.

Родители Лотара Фендлера искренне надеялись, что он посвятит свою жизнь лечению и уходу за зубами своих соотечественников-немцев, став дантистом, и отправили его учиться этой профессии. Но в возрасте двадцати одного года, став взрослым, юный Лотар решил, что ему больше подойдет мундир офицера, нежели врачебный халат, и вступил в ряды СС. В мае 1941 г. ему

было присвоено звание штурмбаннфюрера (майора) СС, и бывший дантист стал вторым по старшинству офицером в составе зондеркоманды 4а эйнзатцгруппы С, которая ревностно выполняла приказ фюрера по еврейскому вопросу в городах Лемберге (Львове), Тернополе, Виннице, Умани, Кировограде, Кременчуге и Полтаве, в большинстве из которых осуществляла массовые казни. Как и фон Радецки, Фендлер свидетельствовал, что ничего не знал об этих убийствах, так как его обязанностью было составление отчетов о моральном состоянии населения на территориях, через которые проходило его подразделение.

Кроме того, по словам Фендлера, он понятия не имел о массовых убийствах и узнал о них случайно. Он ничего не знал и о пресловутом приказе до тех пор, пока ему не пришлось покинуть ряды команды и отправиться домой.

«То есть вам пришлось преодолеть 500 километров, примерно два дня пути от тех самых мест, где проводились казни, прежде чем вам стало известно об уничтожении евреев только за то, что они были евреями. Так ли это?»

Не моргнув глазом, он ответил: «Да».

Просто невозможно было поверить в то, что Фендлер ничего не знал о крови, которая лилась на территориях, где проходил путь его подразделения, и на улицах, через которые проезжали его машины. В рапорте от 11 июля 1941 г. отмечалось, что «эйнзатцкоманда 4б закончила выполнение задания в Тернополе, где провела 127 ликвидаций. Кроме того, в рамках решения еврейского вопроса личным составом эйнзатцкоманды было уничтожено еще 600 евреев». Было просто невозможно, чтобы Фендлер оказался в неведении относительно того, что случилось в городе, где ему пришлось остановиться. Такое незнание задач, выполнение которых было возложено на его подразделение, где он был вторым по старшинству офицером, могло быть вызвано только слепотой в сочетании с глухотой и общим параличом. Более того, даже если поверить его собственным словам, что он за-

нимался лишь подготовкой отчетов о моральном состоянии населения, он просто не мог не знать, что погромы и массовое истребление людей не могли не взорвать течение жизни в Тернополе (погромы осуществлялись здесь в основном силами украинских националистов, во многом как месть за активное участие евреев в процессе «советизации» Западной Украины, которая вошла в состав СССР только в августе 1939 г. — *Ред.*). Тем не менее, как он заявил на суде, он не включал в свои отчеты данные о той резне на улицах города, которую мог слышать собственными ушами.

«Почему вы не доложили о тех эксцессах сразу же, как вам стало о них известно?»

«У меня лично не было для этого возможности».

«Почему у вас не было возможности составить соответствующее донесение?»

«Потому что я был занят выполнением другой задачи, а именно оценкой важности захваченных документов».

«И поэтому вы даже не думали, что уничтожение 600 человек достаточно важно, чтобы быть упомянутым в вашем донесении? Именно в этом вы пытаетесь уверить трибунал?»

«Ваша честь, если я получил приказ командира подразделения оценить полученные мной материалы, я должен был сосредоточиться именно на этом».

«Хорошо, сколько времени понадобилось бы для того, чтобы отразить в донесении в адрес руководства СД, составление которого входило в ваши обязанности, тот факт, что в городе Тернополе имели место эксцессы, в результате которых было умерщвлено (если вам не нравилось это слово, вы могли бы написать «убито населением») 600 евреев. Сколько времени вам бы понадобилось для того, чтобы ударить несколько раз пальцами по клавишам печатной машинки? Скажите, сколько времени могло это занять?»

«Две секунды».

«Хорошо, почему у вас не оказалось этих двух секунд?»

«Потому что я не составлял такие донесения».

Гауптштурмфюрер (капитан) СС Феликс Ройль, наверное, самый высокий из всех обвиняемых, как оказалось, был очередным статистом в составе зондеркоманды 10б, по уши погруженный в бумаги, бухгалтерские книги и статистические отчеты, за которыми он не слышал грохота ружейных залпов, не чувствовал запаха пороха и оставался глухим к крикам и стонам убиваемых людей. Ведь его задачей в городах, где все это происходило, являлась подготовка донесений о состоянии морального духа населения, промышленности и культурных объектов, о чем он регулярно информировал Берлин. Однако зондеркоманда 10б в составе эйнзатцгруппы D, где Ройль, как он заявил суду, был чем-то вроде штатного литератора, не была подразделением, занимавшимся оценкой состояния объектов культуры. В частности, в документе № 4135 говорилось о том, что зондеркоманда 10б «завершила выполнение поставленной задачи в городе Хотине. Партийная и советская верхушка, еврейские партийные работники, преподаватели, работники органов юстиции, а также еврейские священники были выявлены с помощью надежных агентов из числа украинского населения в результате нескольких рейдов и были подвергнуты соответствующей обработке». Разумеется, «подвергнуть соответствующей обработке» было лишь издевательской заменой выражения «подвергнуть смертной казни через расстрел».

Ройль, будучи офицером с административными функциями в своем подразделении, показал, что в его обязанности входило выполнение хозяйственных задач, таких как расквартирование, снабжение продовольствием, транспортом, а также пополнение личного состава. Поэтому, как он заявлял, он не имел никакого отношения к казням. Он признал, что вместе с подразделением в течение месяца находился в городе Черновцы. Обвинитель Уолтон спросил его, чем занималась там зондеркоманда. Он ответил, что «это время было использовано в основном для того, чтобы установить контакт с представителями русской и украинской армии (имеются в виду части коллаборационистов на службе у немцев. — *Ред.*) и ознакомиться с условиями их службы».

Заслуживало ли это заявление доверия? Могло ли подразделение под командованием безжалостного и не знавшего усталости убийцы Олендорфа оставаться в крупном городе с населением от 300 до 400 тысяч человек с единственной целью «ознакомиться с особенностями его быта»? Конечно, Ройль не мог не заниматься чем-то помимо этого. Например, он помогал восстанавливать гостиницы! «...Кроме того, и это особенно характерно для нашей деятельности в Черновцах, мы занимались восстановлением гостиниц, которые достались нам после румынской армии и которые русские содержали в очень плохом состоянии. Нам приходилось заботиться о посетителях, прибывших из Румынии, Венгрии и Германии».

После энергичного перекрестного допроса, проведенного обвинителем Уолтоном, подсудимый признал, что он узнал об одной массовой казни: «Вскоре после того, как я прибыл в Черновцы, я узнал из случайных замечаний моих коллег, что румынские солдаты, а также солдаты моего подразделения, войдя в город после его сдачи, занимались расстрелами гражданских лиц. Румынами был арестован ряд подозрительных лиц, и наше подразделение получило приказ ликвидировать их».

Свидетельством железной невозмутимости Ройля и его равнодушия к вопросам законности того убийства является его мимолетное замечание, что после ареста «подозрительных лиц» они были расстреляны солдатами его подразделения.

Поскольку в то время Ройль был лишь четвертым по старшинству офицером в зондеркоманде, можно было бы поверить в то, что он никак не мог помешать совершению убийства. Но его заявление о том, что он, представитель зондеркоманды, в состав которой входило всего 7 офицеров и 85 солдат, ничего не знал о совершаемых убийствах, было более фантастичным, чем если бы он заявлял, что территорию, на которой приходилось действовать подразделению, населяли одни демоны.

В то время как документы и показания свидетелей на суде решительно опровергали уверения Ройля в том, что он ничего не знал о массовых казнях, этих данных было

все же недостаточно для того, чтобы согласно процедуре, принятой в англо-американском суде, вынести вердикт о его виновности. Еще в начале процесса мы провозгласили приверженность презумпции невиновности каждого из обвиняемых перед судом до тех пор, пока в ходе процесса его вина не будет полностью и неоспоримо доказана и он не будет осужден. Этого правила мы старались придерживаться в ходе всего судебного разбирательства. В деле Ройля мы не располагали достаточным, на наш взгляд, количеством неоспоримых улик, что он принимал участие в массовых казнях или что он располагал достаточными полномочиями для их прекращения. Поэтому суд принял решение о его невиновности в военных преступлениях против человечества, как было первоначально указано в обвинении. Однако он был виновен в членстве в преступной организации, коей являлись службы СС и гестапо, согласно определению, данному Международным военным трибуналом.

Глава 18

Во время перекрестного допроса обвиняемого Феликса Ройля обвинитель Уолтон спросил его о том, не проявлял ли его командир Алоис Пестерер пристрастия к алкогольным напиткам. Предположив, что обвинение намерено приравнять преступление к действиям в состоянии интоксикации, я принял решение не давать разрешения на этот вопрос. Однако вскоре выяснилось, что прокурор Уолтон ставил перед собой совсем другую цель. Он пытался доказать, что временами Пестерер был настолько пьян, что руководство зондеркомандой практически переходило к обвиняемому Ройлю. Ройль с негодованием отмел мысль, что его командир (к тому времени уже покойный) был когда-либо пьян до такой степени. Затем, несомненно не подозревая о важности вопроса, он заявил: «Я решительно возражаю против этого интереса к покойному. И я могу вас заверить, что, если бы такой случай имел место хотя бы однажды, герр Олендорф этого так просто не оставил

бы. Это означало бы его конец как командира подразделения, насколько я могу знать господина Олендорфа».

В ответе Ройля как бы был скрыт ответ еще на один вопрос о том, что, как пытались представить дело подсудимые, немецких военных наказывают лишь за то, что они не повинуются приказам руководства. Из заявления гауптштурмфюрера СС Ройля следовало, что любой офицер, испытывавший неприятие массовых убийств беззащитных невиновных людей, мог при отсутствии других разумных путей к отступлению просто спрятаться за бутылку шнапса.

Если человек не хотел убивать, он всегда мог найти выход из создавшегося положения. Даже Эйхман признался на суде в Иерусалиме, что ему удалось каким-то образом спасти от уничтожения свою тетку еврейку, ее мужа и дочь. Но, как оказалось, для того, чтобы перестать убивать, было не обязательно притворяться пьяницей, даже на время. Было достаточно откровенно заявить о своей неспособности выполнять эту роль, и человека сразу же освобождали от тяжкой обязанности. Нацистская иерархия была жестокой, часто до садизма, но ее ни в коем случае нельзя было назвать неэффективной в том, что касалось организации ее преступлений против человечества. Те командиры, которые продемонстрировали явную неспособность к хладнокровным убийствам, были переведены на другие должности. Это делалось не из симпатий или человеколюбия, а из принципа рациональности. Как уже говорилось выше, Олендорф заявил, что запрещал участвовать в экзекуциях своим подчиненным, которые «не были согласны с приказом фюрера», и отправлял их назад в Германию. Более того, сам Олендорф (как он сам рассказывал) мог стряхнуть со своих плеч тяжкую обязанность обагрить свои руки кровью 90 тысяч человек. Для этого ему всего-навсего следовало отказаться от вмешательства армейского командования в сферу своих служебных задач.

В связи с этим интересно отметить показания свидетеля Альберта Гартеля, служившего в немецкой тайной полиции в Киеве. Он рассказал, что командовавший в то время эйнзатцгруппой С генерал СС Томас «отдал приказ,

в соответствии с которым все те, чья совесть не могла смириться с выполнением подобных приказов (по его собственному выражению, слишком мягкотелые для этого), подлежали возвращению в Германию или переводу на другую работу. Тогда Томасу пришлось отослать целый ряд офицеров обратно в рейх, так как они оказались недостаточно твердыми для выполнения возложенных задач».

Обвинитель Уолтон спросил у Гартеля: «Вы хотите сказать, что, если Томас узнавал об этом, он отправлял офицера домой, не так ли?»

«Ему пришлось бы отправить его домой с характеристикой: «не подходят для выполнения задачи из-за чрезмерной мягкости». В целом ряде случаев Томасу действительно пришлось отправлять своих подчиненных обратно в Германию».

Получалось, что заявления таких подсудимых, как Брауне или Клингельхофер, о том, что было бессмысленно просить освободить их от подобной работы, не соответствовали действительности. Они просто даже не пытались сделать это. И их заявление вовсе не снимало с них вины. То, что они даже не попытались добиться своего освобождения от выполнения своей преступной работы, только подтверждало вывод о том, что эти люди не испытывали настоящей потребности в этом. Даже профессиональный убийца может не испытывать удовольствия, убивая свои жертвы, но выполняет свою работу профессионально и эффективно, так как за это ему полагается награда.

Эйхман без особого труда мог бы добиться своего перевода с должности руководителя отдела (подгруппы) IV B4, если бы действительно хотел оставить этот дающий огромную власть пост. Все, что ему нужно было для этого сделать, — это откровенно переговорить со своим руководителем Кальтенбруннером, который к тому же был его земляком и покровительствовал Эйхману с самого начала службы в СС, и попросить о переводе в другое подразделение. И это было бы сделано. Но, как свидетельствовал, например, комендант концлагеря Аушвиц Рудольф Хёсс, Эйхман был одержим идеей истребления евреев.

В выполнении приказа Гитлера Эйхман и любой нацистский чиновник видели путь к большей власти, менее обременительной службе, яркому мундиру, большому сияющему автомобилю, новым почестям и большему количеству коллег-сослуживцев более мелкого ранга, трепещущих перед его величием. Тщеславие, высокомерие и жадность были теми побудительными причинами, которые двигали руководителями нацистов в их пути по дороге преступлений против человечества. Прикрываясь лозунгами о славе и крови, они готовы были участвовать в массовых убийствах, грабежах, воровстве, похищениях, пытках и даже выполнять указания хоть самого дьявола.

Эйхман никогда не отказывал себе в удовольствии потешить свои самые низменные инстинкты, удовлетворить любые желания, прихоти и капризы. Он разъезжал по Будапешту в машине-амфибии, которую любил с воем сирен направить прямо в реку, чем вызывал восторг собравшейся на берегу публики.

Комендант лагеря уничтожения Треблинка продемонстрировал Эйхману небольшую бронированную полугусеничную машину, которая очень его заинтриговала. Эйхман сел за руль и опробовал машину в поездке вокруг территории лагеря. В своей речи генеральный прокурор Хаузнер, вспомнив об этом эпизоде, с грустью заметил: «Можно только представить себе, сколько евреев (далеко не только евреев. — *Ред.*) подвергли умервщвлению в то время, как Эйхман совершал свою прогулку вокруг лагеря смерти».

Организовав процесс уничтожения людей и управляя им, Эйхман взобрался на самые верхние ступени власти, что при других условиях было бы недоступно человеку с заурядным образованием и посредственными способностями. В Нюрнберге я спросил у генерала Шелленберга, нравилось ли Эйхману делать все то, что, как потом утверждали, он успел совершить. Шелленберг ответил:

«Эйхман получил все, что мог желать человек с его сверхчеловеческой практичностью и чувством тщеславия. Невозможно вообразить себе ту грань, за которой все его желания не могли бы быть удовлетворены. Он

ездил в больших лимузинах, у него были подобострастные адъютанты. Он мог себе позволить иметь роскошные апартаменты в различных городах, в том числе в Париже, Вене и Будапеште, где он содержал своих многочисленных любовниц. Он мог себе позволить сколько угодно шампанского, он мог даже купаться в нем.

Кроме того, он пребывал в состоянии постоянного опьянения, не от шампанского, а от крови. Он наслаждался неограниченной властью убивать людей, которых с детства ненавидел. И наконец, не последним преимуществом в его положении было то, что, будучи подполковником, он имел больше шансов избежать возмездия в случае поражения Германии, чем генерал. Эйхман был настоящей лисой».

Была и еще одна причина, по которой офицеры эйнзатцгрупп держались за свои должности: это спасало их от участия в настоящих боях. На фронте им противостоял бы вооруженный умелый и агрессивный противник; в окопе всегда существовал шанс стать жертвой осколка артиллерийского снаряда. Но там, где действовали эйнзатцгруппы, не было окопов. На их фронте были лишь длинные рвы, вдоль которых стояли беспомощные жертвы в ожидании выстрелов, на которые они не смогут ответить.

Можно предположить, не вдаваясь в долгие раздумья, что если бы за всю историю эйнзатцгрупп был хотя бы один офицер или солдат, который понес ощутимое наказание за то, что отказался выполнять приказ фюрера, то подсудимые, которые вместе представляли все структуры эйнзатцгрупп, конечно, знали бы об этом. Но в течение семи месяцев судебного процесса не было упомянуто ни одного случая, когда за отказ выполнить этот приказ кто-либо был наказан. Напротив, появились многочисленные свидетельства того, что неповиновение или уклонение от выполнения данного приказа фюрера оставалось практически без последствий. (Автор не прав. За невыполнение приказа в германских вооруженных силах и других формированиях карали жестоко даже в начале войны, а позже была гарантирована смертная казнь. — *Ред.*)

Здесь уместно вспомнить слова Носке о том, что, если бы он получил приказ расстрелять 500 ни в чем не повинных евреев, он был бы вынужден сделать это. Позже он привел в качестве доказательства следующий эпизод. Както во время прохождения службы в Германии его отправили в командировку в Дюссельдорф, где руководители СС и полиции поручили ему собрать всех евреев и полуевреев, проживавших в той местности, для их казни. Носке заявил, что он опротестовал приказ, который в конце концов был отменен. По крайней мере, никто больше не требовал от Носке его выполнения. Может быть, причиной протеста со стороны Носке было то, что у большинства этих людей один из родителей был немцем. Тем не менее его категорический отказ повиноваться приказу продемонстрировал (вопреки тому, что заявляли подсудимые), что офицер германских вооруженных сил мог протестовать против приказа руководства и не быть за это расстрелянным. Несмотря на то что подсудимый прямо отказался расстреливать в Дюссельдорфе людей, у каждого из которых одним из родителей был еврей, его самого не только не расстреляли, но и не наказали.

В подобных ситуациях Эйхман действовал совсем не так, как Носке. Представленные во время судебного процесса над ним в Иерусалиме документы свидетельствовали, что в период оккупации Голландии Германией он настаивал на том, чтобы к наполовину евреям относились так же, как к чистокровным евреям. В германской армии против этого выступили многие высшие командиры, так как это означало бы потерю тысяч солдат, сражавшихся за Германию. (В числе вражеских солдат, попавших в советский плен с 22 июня 1941 по 2 сентября 1945 г. (всего 4 172 042 человека) оказались и евреи — 10 173 человека, и цыгане — 383 человека. (Военно-исторический журнал. М., 1991, № 9. С. 46). — *Ред.*) На Нюрнбергском трибунале, а также на судебном процессе в Иерусалиме было ясно доказано, что аргумент, будто бы кому-то приходилось убивать гражданских лиц для того, чтобы самому избежать смерти, является (за редкими случаями исключений) сфабрикованным. Генерал СС

Эрих фон дем Бах-Зелевски, с которым я разговаривал после войны в Нюрнберге, сказал мне, что за все те годы, когда он был профессиональным солдатом в Германии, ему ни разу не приходилось слышать о том, что кто-то из военнослужащих был расстрелян за то, что попросил освободить его от участия в расстреле безоружных гражданских лиц. В марте 1961 г. он подтвердил свое заявление перед Мюнхенским судом, где сказал: «Я знаю людей, которые не желали принимать участия в расстрелах и которые не участвовали в них. Но я не знаю ни одного случая, чтобы за отказ участвовать в таких акциях солдат расстреливали».

Разумеется, тот, кому было приказано принять участие в этих актах варварства, и тот, кто отказался от этого, могли несколько пострадать от этого отказа, но это уже дело совести каждого: претерпеть некоторые лишения, зато не принимать участия в расправе над невиновными, что является в высшей степени несправедливым и непоправимым поступком.

В защиту Эйхмана перед всем миром доктор Серватиус в специальном интервью Кертису Пепперу из журнала «Ньюсуик» заявил, что «Эйхман — мужчина, а не трус». Он уточнил, что «Эйхман принял свои обязанности к исполнению, а не стал увиливать от них и бежать, как это сделали многие другие».

Но неужели отказ расстреливать плачущих детей, невинных женщин, беспомощных калек и безоружных мужчин можно назвать трусостью? Напротив, нежелание участвовать в этой явно несправедливой отвратительной процедуре не только не может характеризоваться как трусость, но является проявлением храбрости и свидетельствует об истинном благородстве человека.

Когда доктор Серватиус подчеркнул, что Эйхман оставался на своем посту до конца, Пеппер вмешался: «Выполняя работу, которую он любил и которую считал необходимой, — уничтожение евреев».

Доктор Серватиус ответил: «Нет, он не хотел убивать людей». Затем он сослался на пресловутый эпизод, в котором Эйхман предложил оставить в живых 1 миллион евре-

ев, которые могли бы разместиться в 10 тысяч грузовых машин. Серватиус уточняет: «Можете ли вы себе представить, чтобы человек, занимавший в иерархии Гиммлера довольно скромный пост, мог отправиться к своему шефу и заявить ему: «Я хочу спасти 1 миллион евреев»?

Однако тот эпизод зазвучал совсем по-другому, когда Эйхман занял место для дачи свидетельских показаний. Серватиус приложил все усилия для того, чтобы представить Эйхмана перед судом и перед всем человечеством как человека, не чуждого милосердию и способного на сочувствие. Он задал ему наводящий вопрос по тому эпизоду. Серватиус практически подводил Эйхмана к нужному беспроигрышному варианту ответа, как это и должен делать хороший адвокат, помогая своему подзащитному. Но Эйхман не хотел подсказок. Серватиус спросил: «Когда вы беседовали с представителями своего руководства, выражали ли вы когда-либо чувства милосердия и жалости? Не упоминали ли вы, что им (евреям) необходимо помочь?»

Но, несмотря на все попытки Серватиуса, Эйхман не был склонен признаться, что хотя бы капля сочувствия пробежала к его сердцу бюрократа. Он ответил: «Я даю показания под присягой и должен говорить правду. Я совершил это не из чувства сострадания». Причиной, по которой Эйхман предложил евреям места в грузовиках, была его неприязнь к Курту Бехеру, приехавшему в Венгрию из Берлина для получения имущества для войск СС. По мнению Эйхмана, каждый из прибывших тем или иным образом посягал на его имущество, поскольку он привык считать себя в Венгрии полновластным властителем. Эйхман решил продемонстрировать Гиммлеру, что он обладает в Венгрии большим влиянием и авторитетом, нежели Бехер. Поэтому тщеславие, а не человеколюбие подвигло Эйхмана предложить то, что он сам назвал обменом «крови за товары».

Даже один из его собственных свидетелей (Винкельман) подтвердил под присягой, что ему не нравилась «заносчивость» Эйхмана, что он видел в нем «человека, который пользовался своими возможностями по максимуму, без всяких моральных ограничений и терзаний совести».

Был лишь один человек среди обвиняемых по делу об эйнзатцгруппах, который «не пользовался своими возможностями по максимуму без всяких моральных ограничений и терзаний совести». Матиас Граф проходил службу в эйнзатцкоманде 6 эйнзатцгруппы С в течение тринадцати месяцев в чине обершарфюрера (фельдфебеля или, в западных армиях, старшего сержанта). В сентябре 1942 г. его кандидатура была предложена на должность командира одной из подкоманд в составе его подразделения, но он отказался от этого назначения. По причине того отказа он был даже арестован и помещен в тюрьму в качестве меры дисциплинарного взыскания. Затем наказание отменили, и он отбыл обратно в Германию.

Этот подсудимый, очевидно, не был фанатичным приверженцем национал-социализма. В 1933 г. он вступил в ряды СС, но в 1936 г. был оттуда исключен за отсутствие активности и интереса к работе организации. В январе 1940 г. в соответствии с законом о прохождении службы он был призван в ландрат, а затем был оттуда направлен в СД в связи с кадровым голодом во время войны. Суд нашел, что этот человек не был виновен в военных преступлениях и преступлениях против человечества, и, несмотря на свое членство в СД, он уже достаточно и даже более того наказан за период, который находился в заключении в ожидании суда. Поэтому в тот же день решением суда он был освобожден от ответственности за предъявленные ему обвинения.

Любой из подсудимых был бы оправдан перед судом или, по крайней мере, мог рассчитывать на значительное снисхождение, если бы его отношение к приказу фюрера было таким же, какое продемонстрировал Матиас Граф. Но документы, показания свидетелей и другие неопровержимые улики, представленные суду, свидетельствовали как раз об обратном. Все говорило о том, что все прочие обвиняемые (за исключением Ройля) охотно участвовали в выполнении приказа фюрера и разделяли его безраздельную ненависть к евреям. Конечно, некоторые из подсудимых отрицали наличие у них расовых предрассудков. Многие из них приводили факты, когда они

покровительствовали притеснявшимся в Германии евреям. В соответствии с установленной нами либеральной формой судебного процесса, они предъявляли свидетельства своего лояльного отношения к отдельным евреям в своей стране.

Но если в Германии они относились к евреям как к равным, почему за пределами страны они считали их людьми низшей расы? Если в Германии они не считали, что евреи несут в себе смертельную угрозу режиму Гитлера, почему они полагали, что в Крыму они являются носителями такой угрозы? Не будет преувеличением заявить, что большинство еврейского населения Крыма и других оккупированных территорий на востоке ничего не знали ни о самом Гитлере, ни о его доктрине, пока за ними не явились солдаты эйнзатцгруппы, чтобы убить их.

Подсудимые пытались оспорить обвинение, аргументируя это тем, что, даже если бы они отказались выполнять указания фюрера или каким-то образом уклоняться от этого, от этого для евреев мало что изменилось бы. Ненадежных командиров подразделений просто заменили бы другими офицерами, которые все равно довели бы дело до конца. Но на самом деле никто из обвиняемых не мог бы точно судить о том, как бы поступил его последователь. Возможно, он оказался бы таким же несговорчивым, и после ряда неповиновений приказ фюрера просто пришлось бы отменить. (Вряд ли такое было возможно в серьезной армии, тем более в немецкой. — *Ред.*) Но в любом случае в день, когда командир эйнзатцгруппы отказался бы выполнить приказ (что из области фантазий. — *Ред.*), казнь не состоялась бы, и сегодня многие сотни тысяч из зверски уничтоженных людей остались бы живы.

Адвокаты подсудимых любили повторять классическую формулу римского права: Nulla poena sine lege («Наказание должно опираться на законы»). Но и в немецких законах предусматривалось уголовное наказание за выполнение преступных приказов. В статье 47 германского кодекса о наказаниях за военные преступления говорится, что если при выполнении приказа по службе нарушается закон, то ответственность за это несет вышестоящий командир, от-

давший такой приказ. Однако и подчиненный, выполнивший этот приказ, несет ответственность в случаях:

1. Если он превысил рамки отданного ему приказа.

2. Если он знал, что приказ вышестоящего командования представляет собой акт, нарушающий нормы гражданского или военного законодательства.

Одним из аргументов, представленных доктором Серватиусом против того, чтобы суд над Эйхманом осуществлялся под юрисдикцией Израиля, заключался в том, что закон о нацистских преступниках и их пособниках от 1950 г. был принят ex post facto, то есть вступил в действие уже после того, как все преступления, в которых обвинялся Эйхман, были совершены. В этой связи очередной насмешкой прозвучало заявление Эйхмана о том, как он прибыл в Польшу, имея при себе приказ об умерщвлении 150 тысяч евреев. Этот закон тоже имел обратную силу, так как ко времени прибытия Эйхмана на место эти 150 тысяч человек были уже мертвы!

Глава 19

Когда в своей вступительной речи на суде прокурор Ференц говорил об убийстве в городе Киеве в течение двух дней 33 тысяч евреев, он отметил, что «данный акт выделяется даже среди самых чудовищных преступлений эйнзатцгрупп». Зондеркоманда 4а во главе с Блобелем была ответственна за большую часть этих убийств. Подразделение входило в состав эйнзатцгруппы С под командованием бригадефюрера СС Отто Раша. Этот человек, один из самых рьяных исполнителей приказа фюрера по поводу евреев, часто лично появлялся на месте проведения казни, чтобы лично проконтролировать процедуру.

После войны генерал Отто Раш стал калекой, заболев болезнью Паркинсона. Он достаточно хорошо себя чувствовал, чтобы присутствовать на первых заседаниях трибунала, но, когда пришла его очередь давать свиде-

тельские показания, оказалось, что он не способен передвигаться. Однако генерал передал через своего адвоката, что намерен лично защищать себя в суде, даже если его придется доставить в зал заседаний на носилках, что и было сделано. Затем, после того как ему помогли занять место свидетеля, место рядом занял военный доктор, который должен был информировать трибунал о состоянии здоровья подсудимого для того, чтобы судьи могли приостановить процесс в тот момент, когда врач решит, что свидетель больше не в состоянии давать показания.

Подняв руку несколько неровным движением, Раш твердым голосом произнес слова присяги: «Я клянусь Богом, всемогущим и всезнающим, что буду говорить одну только правду, ничего не утаивая и ничего не добавляя от себя». Затем, несколько наклонившись, он ответил на вопрос своего адвоката доктора Зурхольта. Проинформировав суд, что он родился 7 декабря 1891 г., что его отец занимался сельским хозяйством, а позже стал владельцем кирпичного завода, подсудимый сказал: «Мой отец был состоятельным человеком. С точки зрения социологии он принадлежал к сторонникам патриархальных порядков... Мой отец считал своей первейшей обязанностью заботиться обо всех своих работниках. Этот общественный долг он черпал из глубинных моральных основ своих религиозных убеждений». Затем подсудимый остановился, его дыхание сделалось затрудненным. Врач осмотрел его и предложил ему лечь и отдохнуть.

Затем Раш вновь занял место в кабине свидетеля. Он говорил, обращаясь к суду, с той явной свободой и удовлетворением человека, который сидит у собственного очага в окружении внуков и их юных друзей, с пристальным вниманием слушающих историю пожилого уважаемого человека. С некоторым ударением он поведал суду, будто бы читал наставление детям: «Дома я воспитывался в духе набожности. Это полностью соответствовало почти беззаветной религиозности, которой отличались мои родители». Затем, опустив глаза и, очевидно, вспомнив нечто очень приятное, он гордо провозгласил: «Мой отец воспитал во мне любовь к родине, любовь к природе и научил охотиться».

Кто из нас не получал удовольствия от воспоминаний беззаботного детства, какими бы они ни были, хорошими или плохими? Раш снова сделал паузу. Одной дрожащей рукой он попытался остановить дрожь другой. Когда он возобновил речь, его лицо светилось при виде мысленной картины того, о чем он продолжал вспоминать: «Очень рано он стал брать меня с собой в свои походы. Прежде всего он научил меня моральным принципам охоты. Он учил меня, что охота — это не просто стрельба и убийство, что это не игра, что в охоте необходимо уважать Создателя и заботиться о его творениях».

Я попросил его пояснить, что он понимает под «моральными принципами охоты», и он объяснил: «С точки зрения немца, охота подразумевает, чтобы человек, даже если он полностью невидим там, где находится, понимал свои обязательства перед живыми существами, чтобы он воздерживался от всего, что может повредить им, например стрелять в то время, когда это запрещено. Это значит, что в этот период животные находятся под защитой. Нельзя стрелять в мать, у которой родились детеныши, что нуждаются в ней. Вообще стрелять следует только после того, как будут взвешены все обстоятельства, а не для того, чтобы удовлетворить свою страсть к убийству».

Те из присутствующих в зале суда, что слышали документы, когда их зачитывали представители обвинения, где, в частности, говорилось о 75 тысячах человек, убитых по приказу Раша, о тех страданиях, что он нанес населению оккупированных территорий, наверняка хотели бы, чтобы он объяснил, почему, после того как его учили не убивать животных вне сезона охоты, не стрелять в самок и детенышей, когда вырос, он стал с удовольствием расстреливать матерей человеческих детенышей и самих детей. И все же каждому из сидящих в зале, наверное, было жаль эту развалину с трясущимися как осиновый лист руками. Его слушали с состраданием и сочувствием, но все все-таки надеялись выслушать объяснение, как же получилось так, что, несмотря на то что обвиняемого воспитывали в духе «уважения к Создателю и его творениям», он решился продемонстрировать такое

вопиющее неуважение к жизни таких же, как и он сам, созданий Божьих.

Но доктор Зурхольт решил оставить эту тему и спросил о том, какое образование получил подсудимый.

«Можете ли вы вспомнить что-то особенное об этом времени, что-то такое, что наложило глубокий отпечаток на всю вашу жизнь?»

«Я был прилежным студентом и был на хорошем счету у большинства из моих учителей. Я чувствовал, что между нами сложились доверительные отношения. Это длилось всю мою жизнь».

Он продолжал рассказ о своей жизни и дошел до момента, когда получил место личного секретаря графа цу Дона, который брал его с собой во многие поездки, в том числе в Париж. Но тут стало ясно, что обвиняемый снова утомился, и мы в очередной раз прервали заседание, чтобы дать ему возможность восстановить силы. Через несколько часов, после осмотра двумя врачами, он снова предстал перед судом.

Суд поставил его в известность, что по принятой в англо-американском суде процедуре обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет точно установлена. Поэтому Раш находится перед судом как человек ни в чем не повинный. Однако ему предъявлено обвинение в совершении очень серьезных преступлений, поэтому трибунал должен дать ему полную возможность ответить на все эти обвинения. Это значит, что Раш предстал перед судом не для того, чтобы пройти неприятную и неудобную процедуру, а, скорее, наоборот, чтобы получить возможность легко и комфортно обратиться к мировому сообществу.

Доктор Зурхольт признал, что его клиент дал согласие добровольно предстать перед судом. Однако он выражал сомнение в том, что ему окажется по силам с этим справиться. Я предъявил суду обвинительный акт: «Доктор Зурхольт, вам придется признать, что любое лицо, обвиняемое в убийстве 75 тысяч человек, должно получить максимальную возможность снять с себя это обвинение, даже если он испытывает при этом физический дискомфорт».

форт... Мы хотели бы ясно дать понять, что к обвиняемому не относятся хотя бы с малейшим предубеждением. Наоборот, все в высшей степени сочувствуют его физическому состоянию...» Однако далее я пояснил, что с учетом тех тяжких обвинений, которые перечислены в обвинительном акте, нам, несомненно, хотелось бы выслушать Раша, и он имеет полное право на то, чтобы быть выслушанным. Доктор Зурхольт согласился с этим мнением суда, однако вскоре выяснилось, что у подсудимого просто не было сил для того, чтобы продолжать давать показания. Я приостановил процесс и распорядился отправить его в больницу.

Армейский сержант и рядовой взялись за носилки, на которых лежал подсудимый, и в сопровождении доктора покинули здание суда. Я почувствовал ком в горле. Наверное, это было вызвано грустью от вида этого глубокого инвалида, человека, который когда-то, подобно святому Франциску, мог с пониманием прислушиваться к разговорам зверей в лесу и одновременно мог превращаться в свирепого зверя, истребившего огромное количество таких же, как и он сам, людей.

В конце концов мы приняли решение прекратить заслушивание его дела на этом суде с условием, что оно будет возобновлено, если подсудимому удастся излечиться. Но случилось так, что, прежде чем Раш смог вновь вернуться на скамью подсудимых в Нюрнберге за все то, что он совершил как генерал СС и руководитель эйнзатцгруппы, его призвал на заслушивание дела всей его жизни самый высший из судей. Раш умер 1 ноября 1948 г.

Я не сомневаюсь, что Раш говорил правду о воспитании, которое получил в детстве. Кроме того, его отец сумел дать сыну прекрасное образование. После получения степеней доктора юриспруденции, доктора права и экономики он приступил к практической деятельности и вскоре стал мэром города Виттенберга (ныне Лютерштадт-Виттенберг). Поэтому ни в коем случае нельзя говорить о том, что именно из-за недостатка жизненного опыта и образования Раш не смог понять суть зла и насилия, которые несла людям нацистская партия, куда он вступил уже

в зрелом возрасте, в 40 лет. Раш считался настолько образованным человеком, что его коллеги иногда обращались к нему: «доктор-доктор». Нельзя было сказать, что и прочие подсудимые были недостаточно образованными людьми, чтобы сознавать, что такое порядочность и что такое бесчестие. Поэтому, говоря о преступном поведении подсудимых, можно было лишь с прискорбием констатировать, что все полученные обширные знания они применяли для того, чтобы максимально грамотно и эффективно выполнять свои дьявольские задачи.

Самой большой проблемой для меня лично в деле об эйнзатцгруппах было не принятие решения о том, являются ли подсудимые виновными или невиновными. Этот вопрос, по мере приближения конца процесса, удалось разрешить. Меня, как и любо́го человека, беспокоил вопрос о том, как и почему эти прекрасно образованные люди смогли зайти так далеко и полностью отвергнуть то, чему их учили с детства, а именно уважение к таким основам человеческого бытия, как христианские понятия о честности, милосердии, чистоте духовных помыслов. Полностью ли они забыли то, чему их учили? Потеряли ли для них значение человеческие моральные ценности? Существует огромная разница в моральной вине преступника, который понятия не имеет о чести, и того, кто прекрасно понимает это слово и его значение, но тем не менее по доброй воле принимает решение игнорировать это понятие.

Но, работая в суде по делу об эйнзатцгруппах, я смог предположить, что, поскольку, вспоминая эпизоды из отдаленного прошлого, подсудимые говорят о милосердии, доброте, богобоязненности, они, очевидно, все еще помнят о моральных ценностях.

Иногда, несмотря на все протесты обвинителей против такого проявления либерализма, я позволял подсудимым приводить свидетельства, которые на первый взгляд не имели отношения к существу дела. Я рассудил, что, учитывая тяжесть обвинений, приговор будет очень суровым, и поэтому решил позволить им приводить любые аргументы, которые могли бы способствовать смягчению

предполагаемого наказания. При этом мной было сделано одно-единственное исключение. Я не позволил приводить «факты из общественной жизни пингвинов в Антарктике». Однако позже я снял даже это препятствие, целью которого было не допускать, чтобы подсудимые слишком уж отклонялись от сути разбирательства, и заявил, что, если группа защиты сумеет показать, как такой посторонний фактор можно увязать с деятельностью их клиентов, мы готовы выслушать факты и из этой области.

Со временем это допущение стало известно под названием «правило пингвина» и вызвало у подсудимых взрыв энтузиазма. Они стали приводить свидетельства людей, знавших их в прежние годы, которые рассказывали о той достойной уважения жизни, которую вели наши клиенты в прошлой гражданской жизни. Перечислялись их добрые дела, поступки милосердия, свидетельствовавшие об их уважении к правам гражданина, к закону и порядку. Все эти материалы были очень впечатляющими.

Наверное, человека, который находился в здании суда и слушал свидетельские показания по делу об эйнзатцгруппах, не имея достаточного жизненного опыта, и поэтому не понимал, на что могут быть способны люди при некоторых обстоятельствах, все эти рассказы заставили совершенно разочароваться в человечестве. Здесь перечислялись преступления, о которых язык просто отказывался говорить, настолько дикими и жестокими они были. Здесь рассказывалось о таких несчастьях, перенесенных людьми, что только главы из Данте, посвященные описанию ада, были способны передать весь тот ужас, который, как мы обнаружили, творился в 1941, 1942 и 1943 гг. в Польше, Белоруссии, Украине, Литве, Эстонии, Латвии, в Крыму и на западе России (кроме Польши, все в составе СССР. — *Ред.*). На протяжении всего процесса мы были вынуждены сталкиваться с деятельностью людей, которые отказались от всех общепринятых норм морали и совести. Мы стали очевидцами настолько диких и разнузданных сцен, что порой казалось, что все это было порождением какого-то горячечного бреда.

Но был в том деле и еще один необычный аспект: целые страницы, исписанные характеристиками на прекрасных людей, которыми когда-то были многие из обвиняемых, пестревшие словосочетаниями «честный и правдивый», «искренний и дружелюбный», «чувствительная натура», «абсолютно честный». Иногда казалось сомнительным, что этим людям было знакомо даже значение всех этих слов.

Оставив позади себя едкий дым винтовок палачей, отраву газовых фургонов (газвагенов), покрытые завесой тайны так и не высказанные последние слова миллиона казненных (уже говорилось, что немцы и их пособники преднамеренно истребили на оккупированных территориях СССР свыше 7 миллионов человек, в том числе 1 миллион евреев. Но автор ничего не говорит об остальных 6 с лишним миллионах советских людей (русских, белорусах, украинцах и др.). Кроме того, несколько миллионов человек на оккупированных территориях СССР преждевременно умерло от голода, недоедания, болезней; более 2 миллионов умерло из числа угнанных на работы в Германию. — *Ред.*), подсудимые вернулись к заповедям, которым их учили в детстве матери. Несмотря на то что они, казалось, так и не поняли ужасающего контраста между подвигами эйнзатцгрупп и моральными уроками далекого прошлого, они все же признали, что последние оказались им необходимы. А уж если даже убийцы из эйнзатцгрупп смогли осознать главное правило жизни, то будущее человечества и его плодов казалось не таким уж безнадежным.

В своих последних выступлениях большинство подсудимых часто упоминали понятия милосердия и человечности. И это снова привлекло внимание к той ужасающей моральной бездне, что разверзлась между поросшими цветами и травой холмами их юности и открытыми всем ветрам утесами упадка их зрелых лет. Во многих свидетельских показаниях говорилось о религии. Одно из них было написано рукой Вилли Зайберта. В нем рассказывалось, как он часто сопровождал свою мать в церковь. Интересно, вспоминал ли он свои визиты в Божий храм, истребляя

людей в Крыму? И если да, то как он мог увязать свои действия с религиозными заповедями и уроками матери?

Наш суд был всего лишь светским судом, поэтому наличие или отсутствие религиозных верований у любого из обвиняемых никак не оспаривалось и даже не комментировалось. Но тот факт, что, например, Зайберт привел полученное им в детстве христианское воспитание как один из аргументов в свою защиту, демонстрировал, по крайней мере, то, что он понимал разницу между книгами, которые он изучал в детстве, и страницами, которые в зрелые годы он писал чужой кровью. Его показания были интересны еще и тем, что в них он решительно осуждал отказ от религии таких людей, как Борман, Геббельс, Розенберг, Гиммлер и в первую очередь сам Гитлер, который считал церковь последним оплотом идеологической оппозиции национал-социализму и поэтому подвергал ее постоянным нападкам в своих речах и выступлениях.

Особенно острую борьбу Гитлер вел с Ватиканом, который в 1937 г. устами папы Пия XI осудил нацизм за то, чем он и был на самом деле: «Высокомерное отступничество от Иисуса Христа, отрицание его учения, его дел по спасению человечества, культ насилия, возведение в абсолют идей расы и крови, ниспровержение свободы и достоинства человека». (Автор преувеличивает. Пий XI (папа в 1922—1939 гг.) в 1929 г. заключил Латеранские соглашения с фашистской Италией, в 1933 г. — конкордат с гитлеровской Германией, в 1930 г. призывал к «крестовому походу» против СССР, в 1937 г. выступил с энцикликой против коммунизма. Папа Пий XII (в 1939—1958 гг.) вел двойственную политику. Однако в Риме благодаря ему большинству местных евреев удалось уцелеть. — *Ред.*)

Рейхслейтер Мартин Борман говорил от имени Гитлера, когда заявил: «Национал-социализм и концепция христианства несовместимы... Людей следует все более и более отделять от церквей и пасторов».

Борману нетрудно было убедить командиров эйнзатцгрупп. А Отто Раш отошел от церкви даже раньше, чем сам Борман. Раш, который так охотно рассказывал о своей любви к детенышам животных и мягком отношении к их

родителям, отошел от церкви в возрасте 28 лет, примерив коричневую рубашку нациста. Все те, кто вступал в ряды сторонников Гитлера, рано или поздно понимали, что церковь и национал-социализм являются взаимоисключающими понятиями. На допросе после капитуляции и пленения 10 подсудимых заявили, что они официально порвали с церковью. Еще 10 заявили, что верят в Бога, и оставшиеся 10, по их словам, «окончательно не определились в этом вопросе». (Причем иногда один человек мог одновременно придерживаться всех трех версий ответа на этот вопрос.) Ни один из обвиняемых не признался в том, что регулярно посещает церковь и соблюдает официальные религиозные обряды. Разумеется, Эрнст Биберштейн, бывший священник, был своего рода уникумом.

Эйхман, которому подчинялись все эти люди, сам был для них примером для подражания: при вступлении в ряды СС он заявил, что «не верит никакой религии». Когда он занял свидетельское место в зале суда в Иерусалиме, он отказался присягать на Библии, а также на любом другом Святом Писании. Он рассказал на суде, что как-то случайно застал свою супругу с Новым Заветом в руках, отнял книгу и порвал ее на куски.

В задачу этой книги не входит обсуждать моральные и религиозные воззрения подсудимых и то, как они повлияли на их жизнь и выполнение поставленных задач во время службы в составе эйнзатцгрупп. Религия, которая веками укрепляла слабых, помогала бедным, вселяла надежду в одиноких и притесняемых, является добровольным делом каждого. Но то, что священник, глубоко верующий человек, пошел дорогой нацизма и участвовал в массовых казнях, было феноменом, у которого, вероятно, были свои особые причины. Когда свастика заменила крест, а книга Гитлера «Майн кампф» вытеснила Библию, стало неизбежным то, что немецкий народ ступил на путь катастрофы. Когда присяга фюреру пришла на место библейским заповедям, фальшь заняла место правды и стала править там, как абсолютный монарх на своем троне. При деспотичной власти лжи, предубежденности, которая пришла на место справедливости, высокомерию, вытеснив-

шему понимание, ненависти, победившей доброжелательность, просто не могли не возникнуть и не начать свое кровавое шествие эйнзатцгруппы.

Глава 20

После того как суду были представлены письменные свидетельства обвиняемых, каждый из них получил возможность обратиться к суду устно, дополнительно к тому, что мог сказать его адвокат. Такая процедура не предусмотрена англосаксонским судом, но была разрешена, так как она соответствовала европейскому (континентальному) судопроизводству. Таким образом, каждый из обвиняемых получил возможность воспользоваться всеми преимуществами как европейского, так и англосаксонского суда, который давал возможность подсудимому в течение всего хода процесса с места свидетеля доказывать свою невиновность, отвечая на доброжелательные вопросы своего адвоката (такой порядок не принят в европейском судопроизводстве). Вместе с тем подсудимые не лишались тех гарантий и преимуществ, которые им предоставлялись бы при соблюдении континентальной процедуры судебного процесса.

Первым говорил Олендорф, речь которого приковала к себе внимание всех присутствующих в зале суда. Эта речь сделала бы честь любому ученому-философу Берлинского университета. Этот глубокий и грамотный экскурс в историю и политологию смело можно было бы адресовать студентам соответствующих факультетов. В нем практически не было места призывам к милосердию и стремления оправдать себя. Даже не защищая прямо доктрину национал-социализма, Олендорф заявил, что те, кто был увлечен его идеями, «искренне стремились к духовной поддержке, к цели, подразумевавшей общественный порядок, отвечающий их убеждениям, цели, достижение которой дало бы им истинное человеческое достоинство, поставило четкие общественные задачи, стало бы сосредоточием духовных и религиозных качеств, присущих че-

ловеку». Однако ему так и не удалось объяснить аудитории, каким образом сторонники национал-социализма намеревались достичь этих целей. Ведь как раз то, что национал-социализм не намеревался делать, было развитие человеческого достоинства, а также духовный и религиозный рост личности!

Я надеялся, что Олендорф будет говорить дольше, так как его речь была очень интересной и звучала очень убедительно. Но через двадцать минут он внезапно завершил ее обращением к трибуналу: «С позволения трибунала, я не могу не выразить в моем последнем заявлении благодарности за то великодушие, которое состав суда проявил при рассмотрении проблем, которые мы считали важными на этом процессе».

За исключением Зандбергера, Биберштейна, Брауне и Штрауха, все обвиняемые сумели с выгодой для себя воспользоваться этим правом на последнее слово. И хотя их заявления мало отразились на объективности работы суда, они пролили дополнительный свет на те мотивы, которые объясняли их поведение и которые в конце концов привели их в зал суда, где им пришлось держать ответ за свои поступки. Например, подсудимые Йост, Науман, Блюме, Хенш, Клингельхофер и Шуберт заявили, что вступили в нацистскую партию и участвовали в ее деятельности перед лицом угрозы большевизма. Но они не дали объяснений, почему они оставались в этой партии даже после того, как Гитлер обманул их пламенную веру и обратил ее в пепел, когда он объединился с той самой зловещей силой, которую он так резко осуждал и подвергал острой критике. Пакт нацистов, заключенный с Советским Союзом, превратил в посмешище все те слова, которые нацистская верхушка прежде произносила против коммунизма. После этого у подсудимых было достаточно времени для того, чтобы понять всю грандиозную лживость тех заявлений и покинуть нацистскую партию, куда они добровольно вступили. Но они продолжали хранить верность Гитлеру и идеям нацизма, безоговорочно поддержали его политику агрессии и преследований беззащитного мирного населения. Нападение Гитлера на Польшу при полной поддерж-

ке со стороны Сталина обозначило четкую границу между добром и злом. (СССР был вынужден заключить Пакт о ненападении с Германией после того, как Англия, Франция, а также Польша саботировали усилия СССР по заключению антигитлеровского пакта. Кроме того, автор «забыл», как в 1938—1939 гг. после Мюнхенского соглашения (между Англией, Францией, Германией и Италией) расчленяли Чехословакию — помимо Германии, в этом деле приняли участие Польша и Венгрия. Польша в 1938 г. не дала СССР перебросить авиацию и войска на помощь Чехословакии. Наконец, Польша неоднократно предлагала Гитлеру совершить совместную агрессию против СССР. Что оставалось делать Сталину и его команде? Они не были ангелами, но государственные интересы блюли. И спасли страну. — *Ред.*) С того дня обвиняемые сознательно ступили на путь, который в конце концов привел их к собственной гибели.

Сбор свидетельских показаний, заслушивание аргументов сторон обеспечили подсудимым не только все права, оговоренные Уставом ООН, но и те, что гарантировались Конституцией США и всеми законами Великобритании. Обвиняемым не нужно было стучаться в дверь для того, чтобы получить какие-либо дополнительные льготы: она всегда была для них открыта.

После окончания работы трибунала судьи Спейт, Диксон и я приступили к изучению его материалов, которые включали в себя 6895 страниц показаний обвиняемых и 984 документа, приведенного обеими сторонами. Три или четыре недели мы полностью посвятили обсуждению фактического материала и юридических вопросов. Мы полностью сознавали всю важность и значимость своей задачи, куда относилось не просто решение вопроса о жизни и свободе 22 подсудимых (как уже говорилось, Раш был исключен из этого списка). Мы должны были обосновать свое решение перед всем миром. В окончательном письменном вердикте суда по данному делу должен был содержаться ответ на все сомнения, которые могли воз-

никнуть по поводу того, достаточно ли решительно и объективно мы трактуем нормы международных законов, законов народов и всего человечества, перед которыми должны были держать ответ эти люди.

Этот документ, помимо всего прочего, должен был еще и послужить уроком для всех диктаторов и их преданных сторонников, чтобы из прецедента в Нюрнберге они знали, что их ожидает после того, как их замыслы потерпят неудачу.

Не последней из многочисленных целей, преследовавшихся Нюрнбергским трибуналом, было дать возможность немецкому народу понять, что на самом деле представляли собой его вожди и что они сделали, чтобы привести Германию к ее нынешнему состоянию разрухи. Было понятно, что власть Гитлера была безграничной, но даже ему никогда не удалось бы сломить все преграды XX в., если бы он не заручился поддержкой фанатичных сторонников, таких как Эйхман и бывшие командиры эйнзатцгрупп, которые приняли его безумные излияния и истеричные проклятия как пророчества и руководство к действию со стороны полубожества.

Эйхман вновь и вновь повторял на суде, что Гитлер был сам себе закон, что ему невозможно было противиться. Но ни один человек нигде не может единолично представлять закон, и неправда, что Гитлеру нельзя было противиться. Было много примеров того, как люди сопротивлялись ему или как минимум отказывались быть частью в его страшной машине преступлений. Многие предпочли покинуть свою страну, оставив там воспоминания о прекрасном детстве, романтику и счастливые мечты юности, но отказались признать Гитлера своим хозяином. Другие открыто выступили против, за что попали в концентрационные лагеря. Было бы ошибкой считать, что все в Германии приняли нацизм и его преступления. Если бы это было так, то не было бы нужды в грубой силе штурмовиков, в железной пяте гестапо и в камерах пыток.

Гитлер поджег спичку, но этот тонкий язычок огня быстро затух бы, если бы рядом с ним не стояли верные друзья-поджигатели, большие и малые, которые продол-

жали подбрасывать в костер топливо до тех пор, пока огонь, который они так старательно поддерживали, не поглотил их самих.

Если история и научила нас чему-то, то это тому, что продемонстрировала нам с убийственной убедительностью, что большинство злодейств в мире происходят из-за малодушного раболепия малых князьков сверхвождю, планы которого, если бы их огласил любой другой, объявили бы безумием. В своем последнем слове в суде подсудимый Штеймль признал в высшей степени преступным отвергнуть то, что говорит тебе совесть, и пойти за лидерами, которые прокладывают курс прямо в болото преступлений, трясину греха, зыбучие пески насилия. «Я должен сказать, — заметил Штеймль, — что сотни тысяч подобных мне, как и я, вручили свою судьбу и идеалы в руки нескольких людей, которые слишком уверовали в свою непогрешимость, тем самым заложив фундамент одной из причин, по которой мы переживаем это несчастное время».

Глава 21

После нескольких недель, в течение которых мы заново изучали материалы дела и обсуждали свидетельские показания, стало очевидным, что во имя исполнения своего священного долга нам придется вынести некоторым из обвиняемых смертный приговор.

Это понимание наполнило меня чувством смятения и печали.

До войны за десять лет работы судьей в моем родном штате Пенсильвания мне сопутствовала удача, и мне ни разу не пришлось приговаривать кого-либо к этой максимальной мере наказания. Эта обязанность для любого из судей является нелегким бременем. Мне же она была особенно неприятна, так как я являюсь инстинктивным противником любого насилия, которое находит свое высшее выражение в том, что человека насильственно лишают жизни. И вот, несмотря на мое мягкосердечие, если это можно так назвать, я оказался в обстоятель-

ствах, когда не то что просто возможно, но очень вероятно, мне придется выносить в отношении даже не одного, а нескольких людей приговор, по которому их дням на земле внезапно будет положен конец.

Я чувствовал, что мне необходимо духовно укрепить себя, чтобы подготовиться к суровому испытанию, которое ждало меня впереди. Я посоветовался с капитаном Ф. Конечни, военным капелланом в Нюрнберге, и попросил его рекомендовать мне место, где я мог бы провести время в размышлениях и молитве. Он рекомендовал цистерцианский (бернардинский) монастырь в Зелигенпортене, находившийся примерно в 50 километрах от Дворца правосудия и мрачного здания тюрьмы, построенной из того же камня, где содержались обвиняемые в ожидании приговора суда.

В монастыре меня принял аббат отец Штефан Гейер, который предоставил в мое распоряжение небольшую, но удобную комнату с видом на уютный сад. Основанный в 1215 г., монастырь был прекрасным местом для тех, кто искал уединения или убежища, и единственным местом, куда я выехал за семь месяцев, в течение которых продолжался процесс. Здесь я мог подготовить себя к тем дням, которые станут неотъемлемой частью моей жизни и займут прочное место в моих воспоминаниях.

Мне в любом случае понадобился бы помощник, и отец Штефан назначил в мое полное распоряжение отца Карло Меша, который учился в Риме и свободно говорил на итальянском. Несмотря на то что я немного знал немецкий язык, этих знаний было недостаточно для того, чтобы вести продолжительную беседу. Так отец Карло стал еще и моим переводчиком в разговорах с монахами, для которых немецкий язык был родным.

В первый день моего пребывания в монастыре отец Карло и я обменялись воспоминаниями о Риме, которым монах восхищался и который вызывал прекрасные воспоминания и у меня. Ведь в молодости мне довелось учиться в Римском университете, а позже, в 1944 г., вместе с войсками под командованием генерала Кларка я принимал участие в освобождении Вечного города от войск нацистов

(Рим был оставлен немцами без боя. 4 июня 1944 г. англо-американцы вступили в Вечный город. — *Ред.*).

Каждым вечером после прогулки по окружавшим монастырь зеленым полям и чая с монахами нищенствующего ордена я возвращался в свою комнату и погружался в звуки органной музыки, которые лились из церкви. Она наполняла меня чувством гармонии и покоя. Никто не пожелал бы более спокойной и располагавшей к искренним размышлениям обстановки.

В то время я получил дополнительную моральную поддержку после прибытия лейтенанта Джузеппе Эркалано, моего товарища по оружию. Он прибыл из своего родного дома в Сорренто, Италия, где какое-то время мне довелось быть военным комендантом, чтобы предложить мне свои услуги. Я нашел для этого человека очень своеобразную работу. В те ужасные дни, которые я проводил в душевных терзаниях, я не хотел видеться ни с кем, кроме добрых монахов, своих коллег-судей и сотрудников. Эркалано, обладавший добрым характером и чувством такта, помог мне выполнить это желание.

Несколько дней до оглашения приговора я провел в монастыре, полностью отдаленный от мирских дел. Наконец, утром 10 апреля 1948 г. я вернулся к людям. Во Дворец правосудия меня сопровождали Эркалано и капитан Конечни, который приезжал в монастырь на церковную службу.

В десять часов утра сотни людей поднялись со своих мест в зале суда, который был свидетелем вынесения смертных приговоров Герингу, Риббентропу, Йодлю, Кейтелю, Заукелю и другим лидерам нацизма. В этот момент в зал вошли и проследовали на свои места судьи Спейт, Диксон и я. Маршал трибунала полковник Самуэль Меткалф официально объявил о начале заседания. Прямо перед нами, за столами адвокатов, располагалось место подсудимых, которое пока еще было пусто, как школьный класс перед тем, как прозвенит звонок на урок. Эта пустота контрастировала с тем, что все места в зале были заняты людьми, на лицах которых отражалась крайняя степень нервного ожидания.

За день до этого трибунал огласил имена подсудимых и перечислил статьи обвинения в их адрес. Но приговор, который будет вынесен по этим обвинениям, все еще не был оглашен. Теперь же обвиняемые ожидали в подвальном помещении здания у шахты лифта, который должен был доставлять их по одному на три этажа вверх, где решалась их судьба. Хитроумный механизм лифта, который был установлен еще во времена нацистов, когда они вершили в этом же зале свое правосудие, поднимал подсудимого прямо к месту обвиняемого. Скользящая панель в стене служила дверью лифта.

Посетители, охранники, переводчики и адвокаты уже заняли свои места. Я объявил: «Маршал, доставить обвиняемого Отто Олендорфа!» В этот момент заработал механизм лифта. Послышалось лязганье рычагов, жужжание колес, гул электромоторов. Кабина лифта с человеком внутри поднималась из подвального помещения. Командир эйнзатцгруппы D Отто Олендорф поднимался наверх, чтобы заслушать последнее в своей жизни распоряжение. Вот шум подъемной машины замолк, дверь лифта беззвучно сдвинулась с места, и Олендорф ступил в зал. Он вежливо поклонился, как он это обычно делал каждый из дней заседания суда, надел наушники и поудобнее пристроил их на голове. Затем он посмотрел прямо на меня ясным безбоязненным взглядом.

«Отто Олендорф, — начал я, — вы признаны виновным по всем статьям предъявленных вам обвинений, в том числе в преступлениях против человечества, военных преступлениях и членстве в преступных организациях. И... — здесь я сделал паузу, так как не хотел торопиться. Девяносто тысяч душ убитых, наверное, прислушивались в тот момент к моим словам; весь зал также прислушивался, затаив дыхание. Глаза и уши этих людей должны были довести до всего мира информацию, которая, как мы надеялись, поможет доказать этому миру, что человеческая жизнь является священной и неприкосновенной, и усвоить этот урок на будущее, — трибунал приговаривает вас к смерти через повешение».

Выражение лица Олендорфа не изменилось. По его лицу даже пробежала легкая тень улыбки, не циничной ухмылки и не сдержанной усмешки, не насмешки, а именно улыбки понимания умным человеком происходившего в зале, осознание того, что случилось то, что неотвратимо должно было случиться.

Без тени озабоченности или раздражения он снял с себя наушники, вежливо передал их охраннику, стоявшему рядом, и ступил обратно в кабину лифта с развернутыми плечами, гордо поднятой головой и легкой улыбкой, которая так и не покинула его лица.

Дверь с легким шумом закрылась, и Олендорф исчез, как будто он уже повис в петле на виселице. В притихшем просторном зале, где никто не осмеливался дышать, разговаривать или шевелиться, было слышно только жужжание колес опускавшегося в шахте лифта. Наступила пауза, во время которой тишина стала еще более отчетливой.

Затем снова послышался мягкий звук работы механизма лифта, и снова открылась дверь судьбы. На этот раз прибыл Гейнц Йост, высокий, с глубоко посаженными глазами, сохранявший полное спокойствие на лице. Он сделал шаг вперед, под яркий свет флуоресцентных ламп, взял и надел наушники и с ожиданием посмотрел в сторону судей. Для того чтобы вынести ему приговор, потребовалось всего несколько секунд.

«Гейнц Йост, в соответствии со статьями обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к пожизненному заключению».

Подсудимый слегка кивнул и вновь выпрямился. На его лице выразилось такое облегчение, будто он услышал, как от имени трибунала ему сказали: «Доводим до вашего сведения, что вы отправляетесь в кругосветное путешествие по классу люкс». Наверное, такое облегчение принесло ему пожизненное заключение вместо петли. Очевидно, что в тот момент все, что угодно, кроме виселицы, могло показаться подсудимому благом, финалом, о котором следовало молиться. Несмотря на то что, как командир эйнзатцгруппы А, Йост заслуживал смертной казни, судом было установлено, что он пытался ино-

гда саботировать выполнение приказа фюрера по поводу евреев, что было истолковано в его пользу, и за это пусть несколько запоздалое раскаяние суд решил проявить к нему снисхождение.

Я передал микрофон судье Спейту, который, в свою очередь, огласил приговор о смертной казни через повешение для Эриха Наумана и 20 годах тюрьмы для Эриха Шульца. Затем судья Диксон объявил, что Франц Зикс приговаривается к 20 годам заключения, а Пауль Блобель — к смерти через повешение. Я снова взял микрофон и зачитал приговор о том, что Вальтер Блюме и Мартин Зандбергер оба приговариваются к смертной казни через повешение. Так, сменяя друг друга после объявления приговоров двум обвиняемым, мы вынесли 21 вердикт. Матиас Граф был освобожден.

Лифт поднимался и опускался, как неумолимый маятник судьбы. Все подсудимые, за исключением двоих, приняли решение суда, сохраняя твердость духа. Смело глядя в сторону суда, гордо выпрямившись, не пытаясь жаловаться или выражать недовольство, они приняли свой приговор, наверное, с той же готовностью, с которой сами привыкли отдавать приказы, в результате которых 1 миллион человек когда-то отправился навстречу с вечностью. Вернер Брауне был настолько беззаботен, что даже не взял на себя труд надевать наушники. Он приложил к уху один из них, будто отвечал на телефонный звонок. А затем, получив сообщение, что он должен быть повешен, Брауне убрал наушник и пробормотал что-то типа «Что ж, дело сделано».

Бывший священник Эрнст Биберштейн предпочитал не смотреть ни на суд, ни на кого-либо в зале. Выйдя из лифта, он поднял голову высоко вверх, как будто намеревался прочитать свой приговор на потолке. Он так и стоял в этой позе во время процедуры, когда решалась его судьба. Его поведение ничем не отличалось от того, как он, по его собственным словам, вел себя, присутствуя на казнях женщин и детей, которых сам же и обрек на смерть. Когда слова «смерть через повешение» были переведены на немецкий («Tod am Galgen») и доведены

до него через наушники, он шагнул назад, не изменив своего взгляда, будто пытался дочитать окончание интересной истории на потолке кабины лифта.

Обвиняемый Эдуард Штраух вел себя в зале суда совсем не так героически, как рядом с ямами-могилами, когда он приказывал перед расстрелом извлекать изо рта приговоренных золотые зубы и коронки. За два дня до того, как был зачитан приговор, он слышал обвинительное заключение, не выказывая никаких необычных симптомов, но, вернувшись на место, стал что-то сбивчиво говорить охране. Он снова был осмотрен врачами, которые не нашли никаких умственных отклонений в его поведении. Теперь он стоял перед судом, понимая, что все его уловки оказались напрасными и он был приговорен к смерти через повешение за обширный список преступлений, которыми в более удачные дни своей жизни он так любил хвастаться.

В 11:15 Штраух вновь исчез в кабине лифта, как час назад там исчез Олендорф. Остальным подсудимым были вынесены следующие приговоры:

Вилли Зайберт — смертная казнь через повешение;

Ойген Штеймль — смертная казнь через повешение;

Вальтер Хенш — смертная казнь через повешение;

Густав Носке — пожизненное заключение;

Адольф Отт — смертная казнь через повешение;

Вальдемар Клингельхофер — смертная казнь через повешение;

Лотар Фендлер — 10 лет тюремного заключения;

Вальдемар фон Радецки — 20 лет тюремного заключения;

Феликс Ройль — 10 лет тюремного заключения;

Гейнц Шуберт — смертная казнь через повешение.

Все приговоренные обратились к военному коменданту генералу Клею с просьбой о смягчении для них сроков наказания. В марте 1949 г. генерал Клей утвердил приговоры всем подсудимым. Затем приговоры были пересмотрены комиссией по помилованию, и в январе 1951 г. ею были рекомендованы изменения в некоторые из них,

которые были утверждены верховным комиссаром США по делам Германии Джоном Мак-Клоем.

Комиссар Мак-Клой утвердил смертный приговор для Олендорфа, Наумана, Блобеля и Брауне. Штрауха было решено экстрадировать в Бельгию, где он предстал перед судом этой страны и снова был приговорен к смерти. Кроме того, Мак-Клой заменил на пожизненное тюремное заключение или длительные тюремные сроки смертные приговоры, вынесенные Блюме, Зандбергеру, Зайберту, Штеймлю, Биберштейну, Хеншу, Отту, Клингельхоферу и Шуберту. Радецки и Ройль были освобождены из тюрьмы, а отбытый срок был им засчитан как наказание по приговору суда. Срок наказания для Йоста был сокращен до 10 лет, для Шульца — до 15 лет, Зикса — до 10 лет, Носке — до 10 лет, Фендлера — до 8 лет.

8 июня 1951 г. Отто Олендорф, Эрих Науман, Пауль Блобель и Вернер Брауне вместе с главой системы концентрационных лагерей Освальдом Полем были повешены в Ландсбергской тюрьме.

Это была та самая тюрьма, расположенная в Лехской долине близ города Мюнхена, где в 1924 г. Адольф Гитлер работал над программой построения нацистского государства, которую изложил в своей книге «Майн кампф». (После провала «пивного путча» Гитлер был приговорен к 5 годам заключения в крепости, однако пробыл в Ландсбергской тюрьме лишь с ноября 1923 г. по декабрь 1924 г. «Майн кампф» он начал писать ранней весной 1924 г. и до конца своего заключения написал 400 страниц – первую часть книги. Заканчивал Гитлер «Майн кампф» уже на свободе в 1926 г., доведя ее объем до 782 страниц. — *Ред.*) Здесь он провозгласил, что намерен стать «единоличным лидером движения». Он без труда нашел тех, кто был готов принять его в роли такого единственного вождя, потому что эти люди понимали, что в будущих агрессивных грабительских войнах, которые их лидер собирался развязать, на их долю тоже перепадет достаточно награбленного добра и трофеев. (Чисто американский взгляд. Многие нацисты были по-своему «идейными», и именно идеи, а не «добро и трофеи» дви-

гали ими. Хотя такие, как Геринг, в ходе войны сильно увлеклись «трофеями». — *Ред.*) В той программе, разумеется, не было ничего нового. Много веков назад уже существовали и эйхманы и командиры эйнзатцкоманд, которые в целях личного обогащения и карьеры поддерживали своих фюреров и, не обращая внимания на уколы совести, участвовали в агрессивных войнах против других народов. Но финал всегда был одинаковым. (К сожалению, далеко не всегда. — *Ред.*)

Вопрос «сила против права» всегда приводил к губительным последствиям для тех, кто считал себя непобедимым. На протяжении всего неумолимого бега веков деспоты и тираны постоянно вновь и вновь пытались сыграть на алчности подданных и использовали примитивное чувство тщеславия и гордыни мелких вождей для достижения своих великих и ужасных целей. (Великие и «ужасные» цели не достигаются на подобной базе. — *Ред.*) Снова и снова на подмостках истории с завидным постоянством разыгрывались все те же трагедии, но никогда еще прежде она не была сыграна с таким размахом, яростью и жестокостью, как в той, где главную роль выпало играть нацистам.

То, что руками самих людей было совершено столько безумных и бедственных поступков и произошло это именно в XX в., когда, казалось, могли бы сбыться все надежды и чаяния, о которых мечтали в предыдущие века, сделало спектакль 1945 г. почти невыносимым в его скорби и печали. И, несмотря на то что многие подсудимые по делу об эйнзатцгруппах пытались как-то объяснить свои поступки, возможно, что в конце концов и они поняли, какую плохую услугу они оказали не только человечеству, но и собственному отечеству. Может даже быть, что именно процесс над офицерами эйнзатцгрупп с его ужасающими откровениями неожиданно для всех помог продемонстрировать, какими будут неизбежные последствия для тех, кто строит любые планы на основе высокомерия, ненависти и нетерпимости. И может быть, на том суде в очередной раз была доказана истина, которая в общем-то не нуждается в доказательствах: «Есть только один вождь, и этот вождь — правда!»

МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ

Разумеется, для написания данной книги в основном использовались материалы процесса по делу эйнзатцгрупп, а также записи, которые автор вел на процессе лично. Копии документов процесса на английском и немецком языках хранятся в Национальном архиве в Вашингтоне, Библиотеке конгресса США, библиотеке Гарвардского университета, а также в государственном архиве материалов Нюрнбергского процесса в городе Нюрнберге.

Помимо этих материалов, сохранились также и выполненные на английском и немецком языках копии всех представленных на суде документов и документы, которые были подготовлены, но не предъявлены в качестве доказательства на процессе. Один из таких «наборов» на английском языке можно найти в следующих библиотеках: Калифорнийского университета, университета Чикаго, Колумбийского университета, университета Дьюка, Гарвардского университета, института Гувера (Стенфордского университета), Нью-Йоркской общественной библиотеке, университета штата Северная Дакота, Северо-Западного университета, Принстонского университета, Мичиганского университета, университета Западной высшей школы, Вест-Пойнта, а также университета штата Висконсин. Эти документы хранятся также в библиотеке Винера в Лондоне и в библиотеке ООН. Копии документов на немецком языке хранятся в Германии в библиотеках университетов Эрлангена, Фрайбурга, Франкфурта,

Геттингена и Хайдельберга (Гейдельберга), а также в государственной канцелярии города Мюнхена.

В сокращенном виде материалы суда по делу об эйнзатцгруппах с документами, выступлениями сторон, свидетельскими показаниями были опубликованы правительством США в томе VI серии публикаций под общим названием «Процессы над военными преступниками». Эти тома можно приобрести в государственном издательстве правительства США; кроме того, они представлены в большинстве крупных библиотек.

Процессы, проведенные Международным военным трибуналом, были опубликованы в 42 томах. Они также имеются во всех крупных библиотеках.

Большинство из чрезвычайно важных документов, полученных из нацистских источников, были отобраны и опубликованы государственным издательством правительства США в многотомном издании под названием «Заговор и агрессивные войны нацизма».

Работая над данной книгой, автор, естественно, пользовался и материалами судебного процесса над Эйхманом. В ряде случаев, как указывается в тексте книги, в ней приводятся выдержки статей, напечатанных в газете Jerusalem Post, содержание которых соответствует замыслу данной книги.

Автор книги использовал также и материалы, написанные на основе его собственных воспоминаний о беседах с рядом лиц, стоявших в нацистской иерархии близко к Гитлеру, которых судья Масманно опрашивал с целью получения достоверных фактов, касающихся смерти Гитлера. Во время этих бесед Масманно получил значительное количество важной информации, относившейся к деятельности Эйхмана как непосредственного руководителя, осуществляющего контроль над эйнзатцгруппами. Особенно ценные факты были предоставлены автору книги Вальтером Шелленбергом, возглавлявшим РСХА весь период, когда Эйхман отвечал за программу массового уничтожения евреев. В свою очередь, Шелленбергу о деятельности Эйхмана регулярно докладывал один из лучших офицеров разведки Шелленберга Вилли Геттле.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава 1 9
Глава 2 22
Глава 3 35
Глава 4 51
Глава 5 58
Глава 6 72
Глава 7 82
Глава 8 89
Глава 9 111
Глава 10 124
Глава 11 141
Глава 12 152
Глава 13 163
Глава 14 176
Глава 15 186
Глава 16 197
Глава 17 207
Глава 18 220
Глава 19 230
Глава 20 240
Глава 21 244

Материалы и источники 253

Майкл Масманно

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОМАНДЫ ЭЙХМАНА

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ СС

1939—1945

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.Н. Должикова*
Корректоры *М.Г. Смирнова, О.А. Левина*

Подписано в печать 27.01.2010.
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 12,43.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 1876.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Майкл Масманно

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОМАНДЫ ЭЙХМАНА

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ СС

1939–1945

В 1948 г. в Нюрнберге судья Майкл Масманно возглавил трибунал, рассматривавший дела 23 командиров эйнзатцгрупп, а спустя 13 лет выступил свидетелем обвинения по делу их руководителя Адольфа Эйхмана. Написанная на основе материалов судебного процесса и свидетельств очевидцев массовых убийств, книга Масманно является документом жестокой правды о зверствах нацизма. Давая глубокую нравственную оценку страшной деятельности расстрельных команд, автор пытается понять, каким образом с виду культурные, интеллигентные, образованные люди из хороших семей превратились в чудовищных преступников против человечества? И находит ответ: когда присяга Гитлеру заменила нравственный закон, фальшь заняла место правды, а деспотичная власть лжи — справедливости, свое кровавое шествие начали эйнзатцгруппы — команды уничтожения неугодных фашистскому режиму людей.

ISBN 978-5-9524-4889-6

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®